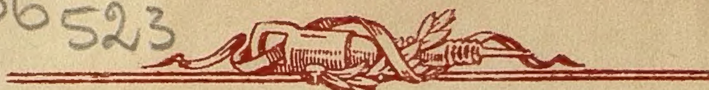

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗЫ ЗНАТНЫХ ШАХТЕРОВ
О СВОЕМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ОТ ШАХТЕРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Докладываем Вам, любимому вождю и лучшему другу шахтеров, что взятое обязательство по сверхплановой добыче угля в 1949 году, включая и дополнительные обязательства, взятые в День шахтера, выполнено досрочно.

В социалистическом соревновании, широко развернувшемся на предприятиях угольной промышленности за выполнение обязательств, шахтеры Донбасса, Кузбасса, Подмосковного бассейна, Урала и Восточной Сибири перевыполнили план.

Государственный план снабжения народного хозяйства углем за 11 месяцев с. г. перевыполнен.

В 1949 году на шахтах угольной промышленности получили широкое промышленное применение угольные комбайны, врубовопогрузочные, углепогрузочные и породопогрузочные машины. Это дало возможность приступить к коренному техническому перевооружению шахт.

Качество угля, отгружаемого потребителям, улучшилось по сравнению с прошлым годом.

Советское государство отпускает большие средства для дальнейшего повышения материального благосостояния шахтеров и улучшения их бытовых условий. Огромные средства были выделены в текущем году для строительства шахтерских городов и поселков. Мы рады доложить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что за 11 месяцев 1949 года план жилищного строительства перевыполнен.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Шахтеры Советского Союза, встречая день Вашего семидесятилетия, решили, что лучшим подарком к этому дню будут наши новые производственные успехи. Мы обязуемся:

1. Досрочно — 23 декабря с. г. — завершить выполнение государственного плана добычи угля, утвержденного министерству на 1949 год, и добыть угля на 12,4 процента больше, чем в 1948 году.

2. Добыть сверх плана в декабре свыше 700 тыс. тонн угля, в том числе по Донбассу — 250 тыс. тонн, по Кузбассу — 120 тыс. тонн, по Подмосковному бассейну — 75 тыс. тонн, по Уралу — 100 тыс. тонн, по Караганде — 50 тыс. тонн, по Восточной Сибири— 55 тыс. тонн, по Дальнему Востоку — 50 тыс. тонн и по Средней Азии — 10 тыс. тонн.

3. Перевыполнить в декабре план по производительности труда.

Одновременно с обеспечением досрочного выполнения плана 1949 года рабочие и инженерно-технические работники шахт, угольных разрезов, предприятий и строек усиленно готовятся к выполнению в 1950 году заданий партии и правительства по дальнейшему увеличению добычи угля, расширению механизации трудоемких процессов, вводу новых производственных мощностей, жилищ и культурно-бытовых об'ектов, повышению производительности труда, улучшению качества угля и снижению его стоимости.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Шахтеры Советского Союза заверяют Вас, Центральный Комитет нашей большевистской партии и Советское Правительство, что самоотверженным трудом еще более укрепят могущество нашей славной и любимой Родины и в 1950 году добьются новых успехов.

Желаем Вам, наш дорогой и любимый вождь и учитель, многих и многих лет жизни, доброго здоровья и плодотворного труда на благо нашего социалистического Отечества и на счастье трудящихся всего мира.

ИЗ ПИСЬМА, ПРИНЯТОГО НА РАБОЧИХ СОБРАНИЯХ ШАХТ, СТРОЕК И ПРЕДПРИЯТИЙ МИНИСТЕРСТВА УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР.

А. Е. ТЮРЕНКОВ,
Герой Социалистического Труда.

НА ПУТИ ПОД'ЕМА

В нашем роду было много шахтеров. Еще до революции работал в Донбассе на рудниках мой дядя Иван Матвеевич. Приезжая домой на побывку, он рассказывал о донецких шахтах, о забойщиках, работавших глубоко под землей, о лихих коногонах, мчавшихся по подземным выработкам. Любил Иван Матвеевич шахтерское дело:

— Шахтер всей жизни толчок дает, — говорил он.

Помню, бывало, лежишь на печи (я еще подростком тогда был) и слушаешь, как Иван Матвеевич о Донбассе речь ведет. Слова он произносил незнакомые: «артельщик», «лимонадка», «штейгер». Хотелось мне спросить: а что за слово такое—«лимонадка», да не решался. В избе собирались односельчане, и вмешиваться в разговор мне, подростку, было некстати.

Слушают люди рассказ Ивана Матвеевича, а потом кто-нибудь и спросит:

— А почему, Иван Матвеевич, шахтер в таком случае на последнем месте в жизни находится? Взять, к примеру, тебя: как выехал ты из села в зипунишке, так и вернулся в нем домой...

Вздохнет тогда Иван Матвеевич, потускнеют его глаза, помолчит немного, подумает.

— Несправедливости много — вот почему.

И станет он рассказывать, как приходится шахтеру по 12—14 часов на четвереньках в забое ползать, артельщику угождать, шапку ломать перед штейгером.

— Плюнул бы ты на все это дело, Матвеевич, да возвращался бы домой навсегда. Хозяином может быть стал, — скажут ему.

Улыбнется тогда Иван Матвеевич и скажет:

— Что-то я среди вас ни одного хозяина не вижу. Нет, буду работать на рудниках, по душе мне они. А то, что несправедливость к шахтеру такая — то и ей конец придет... Настанет такое время, когда шахтер свое место в жизни займет...

Прошло немного времени, и сбылись эти вещие слова моего дяди. В 1922 году, помню, приехал он снова в наше село Будвинцы, что на Смоленщине, и уже совсем другой разговор повел: на рудниках восьмичасовый рабочий день учрежден, клубы на шахтах открыты, Дворцы культуры строить начали:

— А если только так рассудить, — говорил Иван Матвеевич, — это только начало. Вот одолеет народ разруху, и все еще лучше будет.

Тогда-то я и стал упрашивать дядю: возьми, да возьми с собою в Донбасс. Хочу на шахтах работать.

— Больно мал, — ответил он мне. — Подрасти немного.

— Да ты сам говорил, что такие, как я, на шахтах работают.

Дядя только свистнул в ответ:

— Было дело да сплыло. При советской власти не разрешается таким подросткам, как ты, в шахтах работать. Это, брат, тебе не старый режим...

Пришлось с этим смириться. Но мысль о Донбассе не покидала меня.

И вот наступил тот день, когда я упаковал свой сундучок, распрощался с родными и поехал в далекий неведомый Донбасс. Помню, с каким волнением под'езжал я к Горловке.

Я не отрывался от окна вагона. Перед моими глазами медленно проплывала донецкая степь. Всюду, куда ни взгляни, поднимались к небу металлические копры шахт, огромные терриконники. В вагоне вместе со мной ехали шахтеры, и они рассказывали о Горловке, о новой жизни, наступившей на рудниках. Я смотрел на горняков и думал: смогу ли я стать таким, как они? Смогу ли я так свободно и легко работать в забое? Кто мне поможет овладеть шахтерским делом? В моей памяти еще сохранились дядины рассказы о том, как артельщики издевались на шахтах над новичками, как заставляли разыскивать несуществующую «лимонадку»,

как пугали их таинственным «Шубиным». Нелегко прежде было новичку стать квалифицированным шахтером. Без «могарыча» далеко не уйдешь.

Но в Донбассе я уже не застал артельщиков, забыли люди и о «лимонадке», о «Шубине».

На шахте «Комсомолец», куда я прибыл впервые, меня прикрепили к умелому и опытному забойщику Атрощенко.

С каким вниманием и с какой любовью относился ко мне Атрощенко. Он помогал мне распознать особенность и повадку угольного пласта, показывал, как нужно вырубывать уголь, как крепить забой.

Я приехал в Донбасс, когда еще только приступали к осуществлению великих планов механизации. На нашей шахте «Комсомолец», как и на многих других, работали обушками.

— Скоро наш обушок в отставку пойдет, — рассказывал Атрощенко. — Ему на смену отбойные молотки да врубовки идут.

С помощью забойщика Атрощенко и десятника Форнакова я скоро стал работать самостоятельно. А когда на шахту прибыли отбойные молотки, я сразу пошел на курсы технического минимума, чтобы изучить новые механизмы.

Отбойный молоток оказал большую помощь шахтеру. Работать стало намного легче, а угля вырубывали в несколько раз больше. Тесно нам, забойщикам, стало в куцых уступах. Только разойдешься в полную силу, смотришь, а уступ уже и вырублен. Надо сначала куток нарезать, делать подбойку. Много времени уходило на нарезку кутков да на подбойку пласта. Все забойщики понимали, что при механизации, при отбойных молотках не годится работать по старинке, надо по-новому дело поворачивать, но только как это сделать никто не мог догадаться.

Первый, кто решил эту задачу, был ирминский забойщик Алексей Стаханов.

Как-то сентябрьским утром я поднялся на-гора и увидел на шахтном дворе, возле ламповой, большую толпу горняков. Я поспешил к людям. На трибуне стоял секретарь партийной организации шахты и рассказывал о том, что забойщик Алексей Стаханов на шахте

«Центральная-Ирмино» вырубил за смену 102 тонны угля.

Признаться, сразу я даже не поверил этому. Шутка ли, вырубить за смену целых семь железнодорожных вагонов угля, когда на нашей шахте самый лучший забойщик Зубков никогда больше 20 тонн не вырубывал. Не поверили этому и некоторые другие забойщики:

— Невероятная выработка, — сомневались они.

Но тут поднялись на трибуну наши забойщики Безукладный, Капустин и другие.

— Вполне возможная вещь, — говорили они. — Как работал Алексей Стаханов? В удлиненном уступе! И спаренно работал: он уголь рубил, а крепильщик за ним кровлю крепил. Надо и нам по такому способу попробовать...

После этого стали готовить к переводу на стахановский метод работы одиннадцатый участок. Как и на ирминской шахте, удлинили уступы, ввели разделение труда. И вскоре наши забойщики перекрыли рекорд Алексея Стаханова. Капустин вырубил за смену 225 тонн угля, а Безукладный — 227.

Теперь уже никто не сомневался в преимуществах новой системы организации труда. Тысячи шахтеров последовали примеру Алексея Стаханова.

В конце 1935 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание стахановцев. Мы внимательно следили за работой совещания. Товарищ Сталин, выступая на нем, рассказал об истоках стахановского движения. Улучшилось материальное положение рабочего класса. «А когда весело живется, работа спорится», — говорил Иосиф Виссарионович. Не стало в стране эксплуатации человека человеком, и труд стал делом славы, доблести и геройства. Источником стахановского движения явилась также новая техника. А в стране выросли кадры замечательных людей, сумевших оседлать эту технику.

Прослушав по радио речь товарища Сталина, я вспомнил рассказы моего дяди Ивана Матвеевича и увидел, как далеко вперед ушел Донбасс. Уже давно на шахтах не стало саночников и зарубщиков. Во всех забоях работают отбойные молотки, врубовки, конвейеры. Рабочий день стал вдвое короче.

Совсем иными стали бытовые условия. Уже не стало в Донбассе грязных балаганов-землянок с тесными и душными каютками. На шахтах построили красивые многоэтажные дома со всеми удобствами. И только в горловском парке, разбитом на месте прежнего поселка «Шанхай», была оставлена одна такая землянка, под стеклянным колпаком, чтобы молодежь, прибывающая в Донбасс, могла видеть, в каких условиях жил когда-то шахтер.

Но вот началась война. Немецкие захватчики ворвались в наш цветущий край и все то, что было создано советским народом, уничтожили.

Не узнал я родной Горловки, когда вернулся после демобилизации из Советской Армии. Все было или сожжено, или взорвано, а наши шахты затоплены и завалены.

Советский народ приступил к осуществлению плана послевоенной пятилетки. Уголь! Стране нужно много угля, — вот какое требование было пред'явлено шахтерам страной.

Одна за другой вступали в строй шахты. Один за другим шли с углем эшелоны из Донбасса. Но, работая в забое, я видел, что у горняков есть много возможностей, чтобы еще выше поднять добычу угля.

Шахты оснащались новой техникой. Шахтеры успешно овладевали новыми машинами и механизмами. Есть все возможности еще выше поднять производительность труда и добывать еще больше угля.

Особенно задумался я над этим после того, как обком партии провел в Горловке в начале 1948 года совещание передовых забойщиков. На этом совещании выступали лучшие мастера угля Иосиф Дьячкин, Николай Копылов, Павел Крыжановский, Николай Каширин. Каждый из них вырубывал в месяц по 600—700 тонн угля. А в то же время сотни других забойщиков давали не больше 120—170 тонн угля в месяц.

«Как же это так получается? — думал я. — Почему остальные не могут работать, как передовые стахановцы?» Я присматривался к работе своих товарищей, беседовал с ними, и скоро убедился, что все дело в отсутствии коллективной стахановской работы на участке. Во многих уступах работали по-стахановски, но и здесь люди

не могли развернуться в полную силу. Если даже в одном уступе работал малоопытный шахтер, то он все равно задерживал выработку всех остальных забойщиков, так как существующая система выемки угля не допускает отставания отдельных уступов.

Так я пришел к мысли об организации коллективной стахановской организации труда на участке. Один за всех — все за одного! — вот какой лозунг выдвигала жизнь. Нужны не отдельные стахановские уступы, а сплошные стахановские лавы и участки.

С этим предложением я пришел в партийный комитет. Здесь собрались инженеры, рядовые шахтеры. Я изложил свои соображения.

Надо переходить на бригадный метод работы! При бригадном методе каждый забойщик будет заинтересован в том, чтобы не только быстро двигался его уступ, он будет заинтересован в скором продвигании всей лавы. При этом в бригаде должны быть применены все известные в Донбассе стахановские приемы труда. Надо удлинить уступы, ввести разделение труда, применить такую систему крепления, чтобы лучше использовать силу давления горных пород для отжима угля. Нарезку кутков надо производить заблаговременно; в подготовительных забоях применить скоростную проходку.

Мое предложение было одобрено. Руководители шахты начали готовить к переводу на новый метод работы участок № 19. Я стал сколачивать первую бригаду, в которую вошли Константин Сыроедов, Марк Дрыжак, Михаил Протас, Владимир Хроменков.

В лаве оставили всего три уступа — один в 14 метров длиной, второй — 16 метров и третий — 20 метров.

Мы договорились: уголь отбивать буду я, а все остальные станут крепить. В случае какой-либо заминки кто-либо из моих товарищей берется за отбойный молоток и помогает вырубывать уголь.

Наконец наступил тот день, когда мы должны были на практике проверить свои расчеты.

Спускаясь в шахту, я вспомнил тот день, когда впервые пришел в забой. Кадровые горняки помогли мне стать квалифицированным забойщиком, с помощью стахановцев я и сам стал мастером угля. А вот теперь я взялся за новое дело. Сможет ли наша бригада дока-

зать преимущество нового метода? Все ли расчеты окажутся правильными?

Лава была хорошо подготовлена к работе. Воздухопроводная магистраль была перенесена, лес для крепления разложен по всем уступам. Составы порожняка уже стояли возле «магазина». Я включил отбойный молоток, и уголь сразу стал сползать в нижний уступ. Кругом застучали топоры — это мои напарники принялись за крепление.

Восемь часов без остановки работал отбойный молоток. Несколько раз в забое появлялся партгруппорг Кротюк.

— Отлично дело идет! — говорил Кротюк.

Он тоже волновался не меньше, чем мы. Спускался на штрек, говорил с работниками подземного транспорта, с слесарями. Все понимали партгруппорга и старались не меньше нас.

Когда кончился рабочий день, в лаву пришли маркшейдеры, сделали замер вырубленного пласта и установили, что мы выдали 211 тонн угля.

Это был крупный успех. Но я видел по опыту первого дня работы, что бригадный метод открывает действительно неограниченные возможности для увеличения производительности труда забойщиков. И это вскоре подтвердила сама жизнь. Спустя пять дней за отбойный молоток взялся мой напарник Константин Сыроедов и вырубил за смену 261 тонну угля. А вслед за ним на других горловских шахтах забойщики Николай Масалов, Алексей Коньков, Николай Дурнев, Алексей Сальников возглавили стахановские бригады и довели сменную выработку до 560 тонн. Мы вплотную подошли к рекорду знатного горловского забойщика Никиты Изотова, который вырубил в 1936 году 621 тонну угля за смену.

Новый метод работы стал быстро распространяться и по другим районам Донбасса. В соревнование с нашей бригадой вступила бригада енакиевского забойщика шахты № 1—2 «Красный Октябрь» Ивана Валигуры. 28 февраля 1948 года его бригада добилась невиданного успеха. Она вырубила за смену 752 тонны угля. Но этот рекорд вскоре был перекрыт горловчанами. 4 марта бригада Николая Масалова на шахте № 4—5 «Никитов-

ка» вырубила 801 тонну угля, а на следующий день на шахте № 8 имени Сталина бригада Николая Дурнева подняла сменную выработку до 860 тонн. Но Иван Валигура не сдавался. 21 марта он дает 918 тонн угля, а затем повышает производительность своей бригады до 957 и 1007 тонн.

Признаться, меня сильно заинтересовала работа бригады Ивана Валигуры. Я решил поехать на шахту № 1—2 «Красный Октябрь» и посмотреть, что нового и интересного применил Валигура в своей работе. Мы побывали в его забое, беседовали с забойщиком. Нам понравилась здесь исключительно четкая организация труда. Смену бригада сдавала на полном ходу. На подземном транспорте применялась спаренная работа электровозов. Видимо, Валигура, опираясь на наш опыт, пошел еще дальше вперед. Надо было подтягиваться и нам.

16 июля в шахту спускалась моя бригада, состоящая из пятнадцати человек. Пятеро должны были работать отбойными молотками, остальные крепить забой.

Забойщики переходили из одного уступа в другой. Сразу после того как вырубывалась одна полоска угля, крепильщики укрепляли кровлю, и в уступе снова начиналась вырубка. В этот день мы выдали за смену 1069 тонн угля.

Если сказать откровенно, то даже я сам с трудом верил этой цифре. Шутка ли сказать: пятнадцать человек выдали за смену целый эшелон угля. Но уголь был налицо. Все бункера на поверхности были забиты им, и маркшейдерский замер неопровержимо доказывал этот факт.

Свой рекорд мы посвятили наступающему празднику Дню шахтера. Советский народ, наша родная партия, наше правительство, великий Сталин возвеличили труд горняка, превратили его в подвиг, и мы, донецкие шахтеры, отвечали на эту сталинскую заботу о горняках самоотверженной работой в забое.

В канун шахтерского праздника в нашем клубе состоялось торжественное собрание. Я был избран в президиум. А на трибуну поднимались мои товарищи по забою и говорили о нашем великом вожде товарище Сталине, который так много заботится о горняках. Я вспомнил тогда своего дядю, работавшего в Донбассе

еще до революции. Разве мог он когда-нибудь мечтать о таких светлых днях? Разве пользовался в те годы шахтер таким почетом и уважением всего советского народа?

Поздним вечером я вернулся домой. Спать не хотелось, и я сел у радиоприемника. И вот до меня донесся голос Москвы. Я услышал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда большой группе шахтеров. Среди других имен было названо и мое имя. Может быть, я ослышался? Может быть, мне это только показалось? Но нет! Ко мне скоро пришли товарищи и стали поздравлять с высокой наградой. Звание Героя Социалистического Труда было присвоено также и енакиевскому забойщику Ивану Валигуре.

Партия, советское государство высоко оценили наш скромный труд. Новый метод работы заслужил одобрение всей страны.

На другой день на шахте состоялся большой митинг. Шахтеры поздравляли меня с высокой наградой. Что я мог сказать своим товарищам в ответ? Разве можно подобрать такие слова, которые выразили бы мое чувство в этот момент? Можно ли было показать всем, что в этот день творилось в моей душе?

И я только сказал, что эту высокую награду я разделяю со всем коллективом шахты, воспитавшим меня.

...С этого дня прошло больше года. Я с радостью слышу, как наш бригадный метод работы распространяется все шире и шире на шахтах Донбасса. Другие стахановцы внесли в этот метод много нового, сделали его более совершенным.

А я продолжаю работать в своем забое, помогаю молодым горнякам осваивать стахановскую организацию труда в забое. И хочется мне, чтобы вся многотысячная армия донецких шахтеров, как один человек, работала так же, как передовые мастера угля. И тогда наш родной Донбасс сможет дать стране еще больше угля, и мы быстрее придем к коммунизму.

Записал А. ЯРМАЛЬ.

С. М. ВОРОНИН,
Почетный шахтер.

ШАХТЕРСКОЕ СПАСИБО

Нашей шахте в нынешнем году исполнилось полвека. А мой шахтерский стаж всего на пять лет меньше. Я приехал сюда работать в 1905 году. Вспоминая, оглядываешься на прошлое, и, кажется, что это было не в нынешнем, а в позапрошлом веке, таким диким и бесконечно далеким кажется оно.

Вы спрашиваете, как выглядел тогда наш рудник? Я недавно в библиотеке книгу Вересаева читал, и в ней я нашел несколько строчек, словно про наш рудничный поселок написанных. Я их даже запомнил, так они меня поразили своей правдой. «Приехал на рудник... Далеко во все стороны ровная, выжженная солнцем степь. Вышки шахт с эстакадами над горами угля и пустой породы. Черная от угля земля, ни деревца на всем руднике. Ряды смрадных землянок — обиталище рабочих».

Да, ничуть не лучше был и наш рудничный поселок. Каждый человек, который приезжал сюда, думал: «Ну, поживу здесь немножко, заработаю денег на коровенку или лошаденку, и обратно уеду». Ничто тут человека не радовало: ни работа, ни сам поселок. Да о какой радости говорить можно было, когда народ, как каторжный, в шахте трудился, а как выедешь на-гора, так не умыться, не отдохнуть по-настоящему негде. Но только напрасной была мечта заработать на коровенку или лошаденку. Когда придешь в контору за получкой, сразу от твоих мечтаний ничего не остается. Ведь продукты мы забирали в долг, в счет получки, в магазине, который, как и шахта, принадлежал акционерному обществу «Французская компания». Вот эта компания и обирала нас, как только могла. Да, грабительской была эта компания, будь она трижды проклята.

Конторщик достает толстую книгу, находит фамилию: «Воронин Семен. Так. Ну, Воронин Семен, — говорит конторщик, — получать тебе остается 12 рублей 40 копеек». Он это сказал, и мне кажется, словно обухом по голове кто-то шибанул. «Позвольте, господин хороший, как же это так?!» — говорю конторщику. А тот только ухмыляется. Дело это ему знакомое, да и он сам за то, чтобы шахтеров обсчитывать, от управляющего подарочки получал. «Мясо брал, Воронин Семен? Брал. Сахар брал? Брал. Крупу брал? Брал. Тут все точно записано, не сомневайся. Ну, и потом, Воронин, штрафы у тебя большие. Породы много в твоих вагончиках оказалось. Да еще вот со штейгером поругался, за это тоже штраф. Так что распишись и получай свой капитал».

А попробуешь с конторщиком спорить, он сразу и говорит:

— Ну что же, если не согласен, иди к господину управляющему, пусть он разберется.

А управляющим у нас на шахте был инженер Немо. Сам итальянец по национальности. Одет всегда, как с иголочки, маленький, аккуратный такой, черные усики носил. Вежливый, любезный господин. Но только не дай бог с такими людьми знаться. Он сам и голоса на тебя не поднимет, не только чтоб руку приложить. Да и зачем ему глотку драть или силы затрачивать, когда за него это другие делали. Около шахтной конторы всегда крутились два здоровых полицейских. Я и фамилии их запомнил: Жмудов и Лакомов. Если какой-нибудь забойщик или там коногон недавно на шахту поступил и порядков здешних еще не знает, только тот и пойдет к управляющему жаловаться. А которые давно здесь работают, те, конечно, не то, что к управляющему, но и мимо окон его ходить избегают. Потому что, когда придешь к инженеру Немо, он тебя обязательно примет, выслушает внимательно, а потом просит позвать Жмудова и Лакомова.

— Господа, — говорит он полицейским, — этот молодой человек жалуется, что его в конторе обсчитали. Научите его, чтоб в другой раз неправды не говорил.

Ну, и «господа» полицейские, как звери, на шахтера набрасывались и тут же, в кабинете у Немо, начинали

шахтеру ребра считать, пока сам управляющий не скажет: «Ну, хватит, теперь он будет знать, что в нашей конторе никого не обсчитывают. Проводите его, господа».

Да, вот какие порядочки у нас были. Об этом теперь только в книжках про старую жизнь можно почитать. А мне эта старая жизнь в печенки в'елась, спину прежде времени согнула, голова еще в молодости побелела.

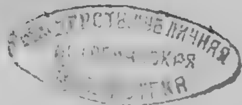
Приехал я на эту шахту из деревни Толбозево, есть такая в Курской области, в Михайловском районе. Там теперь колхозы богатые. А тогда меня из деревни голод выгнал. Земли нет, хата едва держится, семья у отца большая, а прокормиться нечем. Приехал я, значит, на эту шахту, а мне в конторе десятник и говорит: «Пойдешь саночником работать». А что это за работа такая, я тогда и понятия не имел. Какие такие, подумал, санки летом, что он ерунду городит. Но спрашивать не стал, подожду, сам увижу. И утром увидел. Повел меня десятник к стволу, сели в клеть и вниз поехали. С квершлага в штрек завернули. Под ногами вода хлюпает, чуни промокли сразу, иду, сгибаюсь, штреки ведь были тогда низкие, только бы вагончику с углем проехать, а о человеке не думали: не велик барин шахтер, и так пройдет. А как до людского ходка добрались, так кой-где и ползком на брюхе пришлось. Узко, темно, скользко. Ну, это все ничего. Приползли в забой. Десятник лампу поднимает и на деревянный ящик показывает. «Это, — говорит, — санки. А вот лямка. Запрягайся и будешь уголь из забоя на штрек таскать».

Ну, и что ты поделаешь? Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Запрягся в эту самую лямку и начал свою шахтерскую жизнь. В первый день, как поползал по забою да по ходкам, так едва обратно до клети доплелся. Руки разбил, ноги в царапинах да ушибах, спина ломит, в глотке полно пыли угольной, в голове от усталости шумит. Выехал я на-гора, добрался до своих нар в балагане и как был весь в грязном, повалился на трухлявую солому. Лежу и думаю: бежать с шахты надо. Не выдержу я такой работы. Это ведь хуже ада. Заснул, а как проснулся, слышу, гудок зовет. Кругом соседи по нарам встают, на смену собира-

ются. Встал и я. Что делать, куда бежать, когда кругом одно и то же. Куда ни подашься — или работы не найдешь, или такую же самую предложат. Ну и поехал я снова в шахту. Так вот и стал я саночником.

Есть такая картина одного старого художника. Может видели? Стоит человек в лаве на четвереньках. На нем одни подштанники. Лицо в пыли, только глаза блестят. На поясе лямка, а за спиной санки с углем. Ну, словно с меня художник эту картину рисовал. Все правильно. Только жаль: у саночника, что на этой картине, уж очень забитое лицо. Вот это и неправильно. Хоть и гнули нам хозяева спину, да характера нашего русского, рабочего согнуть им никак не удавалось. Я на шахту как раз после забастовки попал. Рассказывали мне те, что раньше меня сюда приехали, как слесарь Алексеев да машинист Гайдуков котлы в машинном отделении потушили да клеть остановили, как в балке возле одиннадцатой шахты, где сейчас рудоремонтный завод стоит, митинги проводили, как полиция и драгуны разгоняли шахтеров. Хоть власти и подавили забастовку, но ненависти шахтерской подавить не смогли. И задушила их наша ненависть в семнадцатом году.

Но до Октябрьской революции, до того дня, когда с шахты управляющий и полицейские сбежали, пришлось мне горя хлебнуть немало. Работа у нас была двенадцатичасовая. В санки угля десять пудов входило. А за смену должен был я 120 раз санки перетаскать, 1.200 пудов из забоя на себе вывезти. А это дело нешутейное. Сколько народу в шахте повреждалось, сколько шахтеров кровью кашлять начинало. А то вдруг завалит забой, потому что хозяева на крепежном лесе экономили, то коногон на ходу с рельс с'едет и руки-ноги поломает. Техники безопасности никакой и в помине не было. Да и кто бы стал об этой безопасности беспокоиться? Наш управляющий Немо? Или его племянник штейгер Узепп, или помощник Немо инженер Соломин? Так ведь эти люди хозяевам продавались и теряли всякую совесть. Ведь от каждого рубля, уворованного у шахтера, они четвертак получали. А раз-

бился или покалечился шахтер, что ж, у рудничной конторы каждый день можно нового на замену найти.

Так и длилась эта каторжная наша жизнь до самого того дня, пока советская власть старый порядок под самый корень подрезала.

При советской власти все по-другому на шахте стало. Первое дело — это то, что сами мы хозяевами сделались. Не на «Французскую компанию» стали работат, не на эту сытую сволочь, которая по заграницам на дачах роскошествовала за наш счет, а на самих себя. Ленин и Сталин на светлый путь нас вывели. И пошли на нашей шахте перемены. Сразу рабочий человек о себе заботу почувствовал. Землянки да балаганы развалили, а дома настоящие, человека достойные, на шахте построили. Опять же, возьмем к примеру баню. Кажется, и не такое уж это большое дело. А вот попробуй из шахты выехать да дома в миске выкупаться. Только грязь на себе размажешь. А советская власть заботу о шахтере имеет и баню нам поставила. Купайся под душем, сколько надо. Или другое возьмем. Захотел ты отдохнуть, развлечься после работы. Куда на старой шахте пойдешь? Только в кабак или в монопольку за водкой. Потому как никаких других развлечений не было. А советская власть нам клуб построила, библиотеку открыла, кинотеатр. Молодежь нынешняя все это принимает, как должное. И правильно. Ну а нам, старикам, которые старую жизнь еще помнят, все это наглядней, да в сто раз потому и дороже.

Как настала советская власть, бросил я санки. Стал забойщиком. А в скорости у нас на шахте саночники совсем повывелись. Отменила советская власть эту проклятую профессию. Скрепера в лавах появились. Глядишь, как тащит скрепер из лавы уголь, и сердце радуется. Не надо человеку на четвереньках ползать, руки-ноги разбивать, спину об кровлю сдирать. Заменила его машина. Помню, был у нас один забойщик, член партии, толковый парень. Он мне часто говорил тогда: «Подожди, Семен Митрофанович, дай нам сил набраться, заводы новые построить, так у нас тут под землей такая техника будет, что и пласт машины сами рубить будут». Я, признаться, сомневался. Не мог представить, как это машина может сама уголь рубить. Ну

и ошибался, конечно. Прошло еще несколько лет, и сам, собственными глазами увидел, что прав был этот шахтер.

Помню, слух у нас на шахте прошел, что в Сталино комиссия партийная приехала, что комиссией этой Молотов Вячеслав Михайлович руководит, что его товарищ Сталин в Донбасс послал, чтоб поглядел на шахтерскую работу и подумал, как ее облегчить, как больше уголька добывать.

— Ну, если товарищ Сталин прислал, тогда большое дело для шахтеров сделают, — говорили все наши горняки.

Так оно и вышло. Помню, вся наша шахта сбежалась, когда первую врубовку на рудник привезли. Смотрели на нее, как на заморское чудо какое-то. А, между прочим, была она не заморская, а наша, горловская. Сам своими глазами марку видел: «ГМЗ», Горловский машиностроительный завод. Разные разговоры тогда были. Одни говорили, что быть этого не может, чтоб машина сама пласт подрезывала, что не получится из этого толку. Другие доказывали, что пласт у нас больно крепкий, не взять его никакой техникой, кроме обушка. А большинство шахтеров радовалось, что вот получили такую машину, которая труд наш облегчит и много уголька добывать позволит. И правильно думали. Машина эта себя на все сто процентов оправдала.

— Это товарищ Сталин о нашем брате-шахтере заботится! — говорили на руднике. И верно говорили. А за врубовкой и конвейер в лаву пришел.

Я в ту пору стал крепильщиком работать. По креплению у меня неплохо получалось. Начал я большие деньги зарабатывать. Даром их, конечно, не дадут. А если поработаешь с душой, по-настоящему, так и в получку домой идешь, как именинник, почет тебе да уважение и от партии, и от советской власти, и от всего народа.

Вызывает меня как-то на наряде начальник участка и говорит:

— Семен Митрофанович, как ты есть наш лучший крепильщик, то я имею к тебе предложение. Бери учеников и обучай.

Я подумал и согласился. Дело это для меня подходящее. Если я новых крепильщиков учить не буду, так кто ж их тогда научит? А шахте они нужны. Теперь у нас горные выработки прежним не чета. Такое в штреках и людских ходках сечение, что редко голову пригнешь. И опять же в лавах крепим так, чтоб никогда осадки не было, чтоб кровля, как железная, стояла. А на все это руки нужны, и умелые руки, чтоб дело свое знали и любили, чтоб могли настоящую раму поставить, любой «замок» устроить, чтоб крепь названию своему соответствовала, крепкой была.

И стал я молодежь учить. Сколько молодых шахтеров через мою науку прошло, и не сочтешь. А как началось у нас на шахте социалистическое соревнование, чтоб больше, значит, уголька для страны добыть, я тоже решил от других не отставать. Хоть мои года уже были и немолодые, и здоровье при старом времени, когда санки таскал, сильно подпортил, но силенок еще хватало.

Помню, когда рекорд по креплению поставил, мне сам начальник шахты премию выдавал и шутил:

— Что, Воронин, есть еще порох в пороховницах?

— Есть, товарищ Сухов, — отвечал я, — и молодым старики уступать не собираются.

Оно, конечно, у молодого силы куда больше, да зато у нас, старых шахтеров, опыт богатющий. А если с опытом да с головой работать, всегда толк будет.

Сильно тогда наша шахта по Донбассу гремела. Мы по 1500 — 1700 тонн угля каждый день на-гора выдавали. А когда Стаханов свой рекорд поставил, у нас на участках сотни стахановцев появились. Так за уголек взялись, что только держись. Хоть и заменили конную откатку на электровозную, но и электровозы еле-еле справлялись наш уголь с участков вывозить. Да и как было не поднимать добычу, когда сами на себя работаем—это раз, новую технику освоили— это два. А техника у нас теперь уже везде была. На уклонах — лебедки. В штреках — электровозы. Шпуры бурим не вручную, а электрическими сверлами. Пласт подрезываем не обушком, а врубовкой. Уголь из лавы не на санках таскаем, а конвейером. Ну не шахта, а

завод подземный. А шахтеры — народ задористый, с огоньком. Ты ему говоришь, что норма на врубовку такая-то, а он возьми да и выполни за смену три нормы. Не по цифре, а по душе, значит, работали.

И пошли у нас на шахте, на собраниях, дома в семье, в клубе, в общежитиях разговоры, что надо просить правительство, чтоб присвоили нашей шахте имя товарища Сталина. Шахта у нас передовая в Донбассе, каждый день о ней в газетах пишут да по радио говорят. И народ на шахте крепкий, работает без оглядки, с огоньком, значит, думает всегда, как бы больше уголька дать, чтоб товарища Сталина порадовать, чтоб на заводах дело веселей шло.

А потом собрались все горняки и постановление вынесли: ходатайствовать перед советским правительством о присвоении нашей шахте имени товарища Сталина. И вышло по-нашему. Уважили просьбу горняков, и стали мы теперь шахтой имени Сталина. Шахтеры — народ строгий, скромный. Хвалиться не любят. Но как не похвалиться, что мы теперь шахта имени Сталина, когда об этом душа поет. Большую честь нам оказали партия и советская власть. Ведь нет для горняка, как и для каждого советского человека, более дорогого имени. Спускается шахтер под землю и видит: не кони вагонетки тащат, а электровозы везут. Это Сталин дал нам новую технику. Придет в забой, и не надо ему в три погибели сгибаться и санки на себе тащить. Не обушком он по пласту из последних сил бьет, а врубовка своими стальными зубками самый крепкий уголь подрезает. Это наше родное правительство, это Иосиф Виссарионович инженеров надоумили, чтоб облегчили труд горняцкий.

А выедешь на-гора — и сердце радуется. Каким был и каким стал наш горняцкий поселок! Раньше здесь ни одного деревца не было, землянки да «балаганы» на голом месте стояли, угольная пыль траву прибивала. А сейчас, как глянешь, так просто не верится: да неужели это тот самый поселок. Шахтерские дома в зелени утопают. Какие тополи выросли, какие цветут у нас акации в мае! Зайди в шахтерский дом, например, в мой, на улице Щорса № 8. Семья у меня тогда была: я да

жена Мария Михайловна, да сын Алексей. И квартира у нас из двух комнат и кухни. Комнаты светлые, чистые, все, что человеку для хорошей жизни положено, имеется. Кто мне эту квартиру дал, кто солнце в мои окна направил? Товарищ Сталин, большевистская партия. Так как же нам, горнякам с двадцать девятой, не гордиться, если наша шахта имя товарища Сталина носит!

И теперь, куда бы мне ни пришлось притти или приехать, то ли на совещание какое в трест в Рутченково или на заседание в Дворец культуры — едва кто поинтересуется: откуда вы, товарищ? — как сразу ему и отвечаешь:

— С шахты имени товарища Сталина!

И видишь, как он на тебя уж совсем по-другому глядит, настоящее уважение имеет. Потому понимает, даром такое имя шахте не дадут. Заработать эту честь надо.

Все наши шахтеры понимали, что имя, которое теперь шахта носит, обязывает нас ко многому. Надо работать в несколько раз крепче, чем раньше. Ведь теперь каждый будет интересоваться в Донбассе: а сколько угля шахта имени Сталина дает?

Ну и мы старались так рубать уголек, чтоб краснеть ни перед кем не приходилось. Каждый шахтер, навалоотбойщик ли он или там плитовой, врубмашинист или лесогон, понимал свою ответственность. Да и мы, крепильщики, тоже от других не отставали. Почва у нас сильно дует, кровля тоже не очень устойчивая, и нашему брату, крепильщику, только и дела, чтоб горные выработки в порядке поддерживать. Чуть где недосмотришь, может обвал получиться. Мы и глядели в оба, и крепь ставили так, словно она не кровлю в шахте, а потолок в собственной хате держать должна.

И все наши горняки тогда повторяли слова, которые товарищ Сталин в Кремле на совещании стахановцев сказал. Я их точно помню. «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится». И работа у нас на шахте спорилась, так и горела под руками.

А когда на нас немец напал, когда Отечественная война началась, кто из шахтеров на фронт не ушел, —

работать стал еще больше. Про себя говорить негоже. Но уж раз такой случай, раз беседа об этом зашла, так я вам скажу одно: ушел я как раз перед этим на пенсию, здоровье мое стало сдавать. Но на другой день после того, как война началась, я снова уже ставил «рамы» на вентиляционном штреке. И никто мне не приказывал, никто меня не заставлял снова в шахту итти. А совесть шахтерская заставила. Да какими бы я глазами на людей смотрел, если б в такое время без дела по руднику прогуливался.

Ушло с нашей шахты воевать немало шахтеров. Уехал и мой сын Алексей. Тяжело с ним было расставаться, ведь он единственный у меня, других детей нет. Но я сам его проводил в военкомат, сам подсадил в вагон эшелона, в котором солдаты на фронт отправлялись. «Ну, отец, рубайте уголь по-военному!» — сказал мне Алеша на прощание. С тем и уехал. И мы, горняки, которые на шахте остались, рубали уголь в те дни действительно по-военному. На время не глядели, об отдыхе и думать забыли. Порожняка нехватало с участков уголь вывозить, клеть, как бешеная, взад-вперед металась, на поверхности не только эстакаду, а степь кругом всю угольными штабелями заставили. Никогда до этого, даже в самые лучшие дни, наша шахта столько угля не давала. И все нам казалось мало. А ведь рабочих рук на шахте не прибавилось, а как раз, наоборот, сильно поменьшало. А почему мы с меньшей рабочей силой больше угля давали — об'яснять вам не нужно. Болело шахтерское сердце за Родину, хотелось как можно больше подсобить нашей армии. Вот мы и рубали, крепили, штреки вперед двигали, уголь на-гора подымали, всю свою силу отдавали. Даже и не знали до этого, сколько у нас силы есть, как работать можем. Оказывается, когда человек за дело душой горит, нет для него никакого предела.

Когда немец в Донбасс вломился, наступили для нас черные дни. Словно вымер наш шахтный поселок. Те старики, которые, как и я, не успели эвакуироваться, заперлись в своих квартирах, в села ближайшие ушли, болезни себе всякие повыдумывали, только чтоб не работать на фашистов. Меня немцы три месяца в конц-

лагере продержали за то, что я стахановцем был. А когда я тяжело заболел, отпустили домой, думали, что скоро умру. Я и до сих пор удивляюсь, как жив остался, как выдержал и голод и издевательства. Как ни заставляли нас фашисты в концлагере работать, ничего у них из этого не получилось. Не хотели на них наши советские люди трудиться. Так и не удалось немцам заводы пустить и из наших донецких шахт уголь-ком попользоваться. Как ни лютовали фашисты, как ни запугивали, сколько наших людей ни замучили пытками и голодом, а не покорились им донецкие шахтеры.

Помню, какой был у нас радостный день в поселке, когда узнали, что немец из Донбасса бежит, что Красная Армия гонит его и не сегодня-завтра будет в Сталино. Перед тем как уйти с нашей шахты, фашисты много бед наделали. Шахтное здание подорвали, машинное отделение и механическую мастерскую сожгли, школы все сожгли, словом, все, что могли, уничтожили. Хотелось им, чтоб долго не смогла шахта на ноги стать. Да вышло не по-ихнему. Как только Красная Армия вошла в наш поселок, мы сразу же за восстановление взялись. Помню, прямо с митинга пошли расчищать шахтный двор, заваленный обломками разрушенных зданий. И началась у нас на руднике горячая страда.

Это сейчас вспоминать легко. Пройдешься теперь по поселку, на шахтный двор заглянешь, опустишься в шахту и видишь, что все лучше прежнего. Шахта — одно загляденье, поселок в полном порядке. И самому себе не веришь, как все это растерзано немцем было, сколько труда наши шахтеры вложили в каждый дом, в каждый штрек восстановленный.

А ведь нам многое заново начинать приходилось. Воду из шахты откачивали, потом за раскрепление взялись. Все штреки, уклоны, ходки были завалены. Меня 19-й западный штрек раскреплять послали. Ну, что о своей работе скажешь. Старался, ни сил, ни времени не жалел. Не было такого дня, когда бы я меньше чем на 140 процентов задание выполнил. А мне ведь уже тогда седьмой десяток пошел. Рад бы больше, да здоровье не позволяло.

Вместе со мной в 19-м западном штреке мой однолетка Никуленко работал. Вот мы друг с другом и соревновались. По правде сказать, ни ему, ни мне не удавалось обогнать друг друга. Если сегодня он больше сделает, так я завтра опережу его. А он тоже не любил в долгу оставаться. Это настоящий мастер. таких, как он, крепильщиков на шахте тогда осталось немного. Правда, здорово еще работали братья Ремизовы. Ну, да это все старая шахтерская гвардия, каждый из них полвека жизни в шахте оставил.

Хотелось нам поскорей до уголька добраться, шахту пустить, увидеть, как с участков снова добыча пойдет, как опять на копре красная звездочка загорится. И, конечно, одними своими силами не удалось бы нам так быстро поднять шахту. Да мы ведь не одни были. Партия о восстановлении Донбасса заботилась. Вся страна нам помогала. И Ленинград, и Москва, и Урал. Отовсюду мы получали механизмы новые, разное оборудование, лес крепежный.

В работе время незаметно идет. Прошли месяцы, и ожила наша шахта. Пошел на-гора уголек со Смоляниновского пласта. Война кончилась, стали на шахту наши фронтовики возвращаться. С Урала приехали многие, которые там в эвакуации на рудниках работали. Вернулся наш лучший врубмашинист Петр Амелин, опытные горняки Буркин, Бочарников, механик Захарцов и многие другие. И сразу, с ходу, как говорится, не успели еще и погоны снять, а уже в шахту поехали за уголек драться.

Много трудов в восстановление шахты было вложено. Много сделали наши люди. Но мне особенно хочется про одно дело рассказать. Не подумайте, что я про крепление буду говорить, потому что я крепильщик. Мол, каждый кулик свое болото хвалит. Но уж очень это красивое дело, видное, о нем всему Донбассу знать не мешает. А дело это вот какое. Чтоб взять с шахты больше угля, чтоб лучше довоенного работать, надо было нам перво-наперво горные выработки в полный порядок привести, в соответствии с паспортом крепления. А у нас почти половина штреков, уклонов и ходков неподходящее сечение имели. Надо сказать, страдали мы от этого еще и до войны. А почему? Толь-

ко потому, что породы, которые Смоляниновский пласт окружают, очень беспокойные, неустойчивые. Достаточно вам сказать, чтоб вы поняли это, что после выемки пласта горные породы кровли движутся у нас часто по 12—16 месяцев. А это к чему приводит? А к тому, что крепь, которую мы в горных выработках ставим, быстро гнется, выжимается, ломается. И штреки и ходки зажимает до самого маленького сечения. А это, понятное дело, к частым завалам приводит, заставляет останавливать работу участков. И теперь, когда мы восстанавливаем шахту, то решили не просто восстановить ее в таком виде, в каком она до войны была, а лучше, все недостатки, которые раньше были, устранить.

Ну тут, спасибо ему, подсказал нам выход Никита Сергеевич Хрущев. Он в Сталино приезжал и на одном совещании с угольщиками мысль им подал — крепить горные выработки железобетонными стойками. А наш начальник шахты инженер Будыка схватился за эту мысль и стал над ней думать, дальше ее развивать. Созвал он старых крепильщиков, с ними посоветовался. И они тоже много дельных советов дали ему.

Словом, решили новые виды крепления применить. Такие, которые заменяют дерево и более устойчивы и более выгодны. Вы спросите, а где же мы этот новый крепежный материал достали? А мы его у себя в шахте нашли. Немало у нас в штреках старых водоотливных труб валялось, негодных рельс. Их мы в ход пустили. А еще стали использовать шлакоблоки, двутавровые железные балки, цемент. И все эти материалы стали комбинировать. Скажем так: стойки из железобетона, а перекрытие из железнодорожных рельс. Или по-другому.

Для начала решено было раскрепить заново комбинированной крепью основную вентиляционную выработку к шахте № 32. По этой выработке вся исходящая струя воздуха из шахты проходит, и потому крепь там быстрей портится, гниет. А чтоб поддерживать эту выработку в порядке на всем ее протяжении почти в полтора километра, каждый день работало 20—25 крепильщиков.

Стали мы эту выработку раскреплять комбинированной крепью. Очень на этой работе отличились лучшие

наши крепильщики Петр и Егор Ремизовы, Пирогов, Лапотинский, Селиванов и другие. Хоть нам и впервой было комбинированную крепь применять, однако мы сразу смекнули, какая от этого польза шахте будет. Да и самому крепильщику куда приятней, когда рама, которую он поставил, не сломается через 20 дней, а простоит месяцев пять-шесть. И потому все мы с большой охотой новую крепь ставили. И не ошиблись. Вот уже сколько месяцев прошло, а она стоит в таком же порядке, как мы ее поставили. Теперь тем 25 крепильщикам, которые каждый день в выработке работали, делать там больше нечего. Их на другие участки перевели.

А когда наше начальство увидело, что опыт с комбинированной крепью на основной вентиляционной выработке удался, стало новую крепь повсюду ставить — и на уклонах, и в откаточных штреках, и в людских ходках. Загляните сейчас в нашу шахту, пройдите по ней. Вы увидите высокие, просторные штреки, закрепленные, как по струнке. Это все наша комбинированная крепь. Наши инженеры подсчитали, и получается такая картина: в выработке, где устоялось горное давление, где горные породы почти не двигаются, деревянная крепь обычно стоит 120—150 дней. А наша комбинированная крепь стоит в таких выработках уже свыше 600 дней. В тех штреках и уклонах, где горное давление еще не устоялось, деревянная крепь выдерживает от 3 до 40 дней. А наша комбинированная крепь — до 300 дней.

Теперь возьмите в руки карандаш да подсчитайте на листочке бумаги, какая от этой новой крепи государству экономия получается. Первое дело, конечно, люди. До того, как мы шахту комбинированной крепью раскрепили, у нас на раскреплении и поддержании горных выработок 220 крепильщиков работало. А как ввели повсюду новую крепь, так больше ста крепильщиков на другие квалификации перевели, потому что они теперь оказались ненужными. И это несмотря на то, что за два года выработки у нас на два с половиной километра увеличились. Это раз. А лес — это два. Мы за два этих года благодаря комбинированной крепи шесть с половиной тысяч кубометров крепежного леса сэкономили. А всего это дало государству экономии полтора миллиона

рублей. Приятно, знаете, думать, что и твоя доля в этой экономии есть.

Но, конечно, дело не только в одной комбинированной крепи. Почему наша шахта имени Сталина снова, как и до войны, на весь Донбасс известна? Потому, я так думаю, что у нас горняки с огоньком работают, любовь в свое дело вкладывают. А главное, смело новые механизмы внедряют. Нынешний год в Донбассе особенный. Кругом на всех шахтах новые машины появились: на одной угольный струг, на другой горные комбайны, на третьей врубово-погрузочные машины. Там, глядишь, на прохождении новые породопогрузочные и углепогрузочные машины применяют. Это все забота товарища Сталина, забота нашей партии и советской власти о том, чтоб труд горняков облегчить и Донбасс вперед двинуть.

Возьмем, к примеру, нашу шахту. В нынешнем году на ней появились и горные комбайны, и транспортеры, и мощные электровозы. Наш водитель комбайна коммунист Петр Амелин уже довел производительность комбайна на шестом участке до 6.564 тонн угля в месяц. А ведь это только начало освоения горного комбайна. А сколько он уже рабочих рук высвободил, а как труд шахтерский облегчил!

Помню, как ликовал я, когда увидел первый скрепер в лаве. Мне, саночнику, это как личный подарок был. А теперь комбайн сам режет пласт, сам его обрушивает, сам наваливает на транспортер! Такое нам, старикам, в прежнее время даже присниться не могло.

Читал я недавно в одном журнале статью нашего советского горного инженера Ф. Барабанова, который поделился своими впечатлениями о шахтах Америки. Около одного города он осматривал шахту Пери № 3 какой-то Диб-компани. Его поразило, что на шахте нет ни одного механизма. И когда он спросил о причинах этого у представителя этой шахты Джорджа В. Гарримана, тот ему спокойно ответил:

— Потому что оплата труда рабочих обходится дешевле, чем затраты, необходимые для механизации зарубки и откатки угля. — Вот как капиталисты относятся к технике. Если она помогает больше получить прибыли, тогда они за технику. А если надо затратиться, чтоб облегчить шахтерский труд, тогда они против всякой

техники. Да и что удивляться этому? Такова их волчья порода.

А в нашей советской стране партия первым долгом заботится о трудящемся человеке, о том, чтоб труд его сделать радостью. Вот потому так геройски и работают наши шахтеры. Чувствуют они на каждом шагу эту партийную заботу о них и хотят отблагодарить партию, товарища Сталина за это отцовское внимание.

Зачем далеко за примерами ходить? Я о себе скажу. Кем я был до революции? Саночником, всегда усталым, разбитым, полуголодным. Жил в балагане, в грязи, в смраде. Ничего хорошего в жизни не видел. А советская власть, партия наша большевистская дали мне настоящую человеческую жизнь. Да и как мне не гордиться своей шахтерской профессией, если в нашей стране она на такую высоту поднята. «День шахтера» празднуют не только горняки, а вся наша страна. Когда я в своей форме почетного шахтера с орденом Ленина на груди приезжаю в Сталино, то вижу, с каким уважением на меня люди смотрят. А почему? Потому что в нашей стране больше всего уважают честный труд для Родины. Это партия так воспитала наш народ. И за это ей великое шахтерское спасибо.

Записал А. ФАРБЕР.

И. И. БРИДЬКО,
Герой Социалистического Труда.

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Опадают последние листки календаря. 1949 год на исходе. Но многие шахтерские коллективы, в том числе и коллектив нашего участка, давно уже работают в счет 1950 года.

Под руководством нашей партии мы ведем бой за под'ем народного хозяйства. Мы хотим, чтобы страна наша из месяца в месяц получала все больше и больше машин и хлеба, чтобы неуклонно росло благосостояние народа, а для этого нам надо побольше давать угля.

Помните в замечательном фильме о шахтерской жизни, выпущенном еще задолго до войны, старый шахтер Козоедов говорит:

— Шахтеры — сила большая. Электричество горит — это мы даем уголек. Поезда мы помогаем двигать. Сталь без нас тоже не сваришь. Недаром Владимир Ильич Ленин говорил, что уголь — это хлеб промышленности. Много такого хлеба нужно нашей стране.

Из векового проклятия, каким был труд в прежние времена, каким он описан в многочисленных дореволюционных произведениях литературы и отражен в десятках картин лучших художников, в советской стране он стал радостным, делом чести и славы.

Прежним хозяевам русской промышленности — французам, немцам, бельгийцам — не было нужды тратиться на механизацию труда. К чему нужна была хозяевам механизация — дорогостоящие машины, когда в России дешевые были рабочие руки. Лопата, обушок и санки были основными орудиями производства у шахтера.

Таким я и увидел Донбасс, когда в 1916 году 14-летним пареньком пошел работать в шахту ламповосом.

Большевики неузнаваемо изменили наши шахты. На моих глазах исчезали тяжелые профессии, унижавшие человеческое достоинство, калечившие людей. Не стало саночников, газожогов, зарубщиков, вагонщиков, гонявших вручную груженные углем и породой вагонетки по километровым выработкам. В музей сдавались последние обушки и кайла, чтоб новому поколению шахтеров напоминали они о тяжелом подневольном труде их отцов, чтобы наши люди лучше ценили добытое счастье под руководством нашей родной коммунистической партии.

Но мало насытить забои машинами. Новая техника потребовала коренной ломки всего производственного процесса. Нужно было смелее переходить от коротких заходок к длинным лавам, а в лавах нужно было организовать труд по четкому графику, который бы увязывал воедино все звенья угледобычи, свел бы до минимума простои людей и механизмов. Вооружая шахтеров первоклассной техникой, партия призвала овладеть ею, выжать из нее все, что она может дать.

Мне вспоминается выступление товарища Кагановича на Вседонецком слете стахановцев угольной промышленности в 1937 году. Выступая на этом слете, народный комиссар тяжелой промышленности Л. М. Каганович говорил:

— Мы имеем в угольной промышленности тысячи замечательных шахтеров — передовых стахановцев, выполняющих и перевыполняющих уже и новые нормы выработки. Однако на ряде шахт при наличии большого количества индивидуально хорошо работающих стахановцев — забойщиков, крепильщиков и других горняков, результаты работы всей шахты в целом по добыче угля остаются невысокими и ряд шахт даже не выполняет плана. Их работа упирается в плохую организацию дела, в отсутствие слаженности в работе. И вот эту слаженность должен обеспечить график цикличности, осью которого является врубовая машина, вернее ее оборот (от начала одной зарубки до начала вто-

рой зарубки). Надо обеспечить, чтобы врубовая машина сделала больше циклов (оборотов)...

Как и все присутствовавшие, я старался не проронить ни одного слова из сказанного наркомом. Взвешивая достигнутые мною успехи, сопоставляя организацию труда на своем участке с той, о которой говорил Лазарь Моисеевич, я все более и более убеждался, как много я недоучел, какую большую работу мне предстоит еще сделать. А ведь я считался одним из лучших командиров на шахте. Мой участок из месяца в месяц перевыполнял план.

Нарком указывал нам новые пути для дальнейшего роста.

— В среднем по Донбассу, — сказал тов. Каганович, — врубмашина дает 14,5 цикла в месяц. Если увеличить количество циклов до 21, то, как показывают подсчеты специалистов, добычу можно было бы увеличить примерно на 50—60 тысяч тонн в сутки, по сравнению с тем, что Донбасс дает сейчас. А для того, чтобы увеличить количество циклов, — сказал нарком, — надо прежде всего ликвидировать аварии и простои, улучшить использование механизмов, организовать бесперебойную откатку и хорошо подготавливать рабочее место. Нужно мобилизовать весь коллектив шахтеров на точное выполнение графика...

Через несколько дней после слета во всех донецких газетах был опубликован подробный рассказ начальника участка шахты № 18 имени Сталина треста «Снежнянантрацит» И. А. Шашацкого о том, как он ежесуточно циклует свою 350-метровую лаву — самую длинную лаву не только в Донецком бассейне, но и в СССР.

По распоряжению наркома на участок к тов. Шашацкому была направлена бригада, состоящая из членов Академии наук СССР, профессоров горных и научно-исследовательских угольных институтов нашей страны, для того, чтобы изучить и обобщить опыт работы тов. Шашацкого.

Во время работы этой бригады произошел такой случай. Подойдя с Шашацким к лаве, академик Терпигорев взглянул на свои часы. Они показывали ровно 8.

Согласно графику, лава должна была начать выдачу угля.

— Вы опаздываете, мой друг, — сказал с сожалением ученый, протягивая Шашацкому часы, — график срывается.

— Ваши часы не совсем точны, — возразил Шашацкий. — Ровно в 8 часов лава начнет качать уголь, а сейчас без трех минут восемь. И действительно, не успели академик и Шашацкий подойти к «окну» лавы, как загромыхал конвейер.

Выехав на-гора, академик проверил свои часы и убедился, что Шашацкий прав. Часы академика спешили на 3 минуты.

— По работе лавы Шашацкого можно проверять время, — заявил корреспондентам восхищенный академик.

Случай этот с исключительной убедительностью показал нам, какая изумительная слаженность между всеми производственными процессами угледобычи была на участке тов. Шашацкого. То была идеальная организация труда, достигнутая в результате крепкой трудовой дисциплины и четкой увязки всех звеньев угледобычи в единый хорошо продуманный график цикличной работы. А раз этого сумел добиться Шашацкий в своей самой длинной в Советском Союзе лаве, значит под силу эта задача и нам, командирам, разрабатывающим лавы по 150—160 метров.

Все, что было сказано Л. М. Кагановичем о цикличном графике, все, что было увидено мною на участке тов. Шашацкого, легло в основу работы моего участка.

Коллектив нашего участка стал инициатором внедрения цикличности не только на шахте № 5—6 имени Димитрова, но и в районе. Вместе с начальником нашей шахты, инженером Уманским, мы разрабатывали график циклования лав, помогая своим товарищам по труду освоить новое дело. И каждый день приносил горнякам нашей шахты все новые и новые победы. Добыча угля по шахте поднялась с 2.500 тонн до 4.000 тонн в сутки.

Работа захватывала меня, я не жалел сил. Но все чаще и чаще я начинал чувствовать свою техническую отсталость, нехватало знаний, и это становилась серьез-

ным тормозом для дальнейшего моего роста. И здесь мне помог Лазарь Моисеевич Каганович.

Как-то в один из его очередных приездов в Донбасс я встретился с ним.

— Хорошо работаете, товарищ Бридько, — сказал нарком. — Вам надо расти дальше.

— Не могу, товарищ нарком, — ответил я. — Образования у меня маловато. Поучиться бы мне.

Спустя несколько месяцев после этого разговора мне прислали путевку на учебу.

Учился я вначале в Московской промышленной академии имени Сталина, а затем во Всесоюзной школе техников. Нелегко было. Давала себя знать слабая начальная подготовка. Но я настойчиво добивался поставленной цели. 15 октября 1941 года я защитил диплом и, получив звание горного техника, пошел на фронт.

* * *

Отгремела война. Позади остались бои на Волге и на Одере. И вот я снова в Донбассе.

Как и до войны, я сосредоточил свое внимание в основном на организации работ на участке по цикличному графику. Прежде всего я постарался раз'яснить коллективу, чего ждет от шахтеров страна, какова роль каждого из нас в выполнении грандиозного плана послевоенной сталинской пятилетки. График цикличности был доведен до каждого рабочего. Для его выполнения были созданы все необходимые условия. Добыча на участке начала быстро расти.

Режим работы в нашей лаве был вначале рассчитан на полцикла в сутки. После того как горняки быстро освоили этот график, мы перешли на 1 цикл, а затем на 1,5 цикла.

Несмотря на сложные геологические условия, в которых нам приходилось работать (слабость боковых пород, наличие воды в лаве), мы производили по 57 циклов в месяц, в то время как в среднем по нашей шахте в лаве такой же длины, как и наша, производилось только 18 циклов. Месячная производительность вру-

бовки в нашей лаве была доведена до 8.300 тонн, в то время как в среднем по шахте она не превышала 3.300 тонн. Месячная производительность одного навалоотбойщика составляла по шахте в среднем 97,5 тонны, а у нас на участке — 198,6. Заработок одного навалоотбойщика в среднем по шахте составлял 1.250 рублей, а у нас он достигал от 4 до 9 тысяч рублей.

О графике цикличной работы, примененном у нас на участке, говорилось и писалось очень много, поэтому останавливаться на нем подробно я не буду. Он мало чем отличается от аналогичных графиков, разработанных для других шахт треста «Красноармейскуголь». Все дело в том, что выполнение графика обеспечивается стахановской организацией труда во всех звеньях производственного процесса.

Так, например, для того, чтобы увеличить производительность труда навалоотбойщиков, мы организовали переноску конвейерной линии вплотную к груди забоя. Это незначительное на первый взгляд мероприятие таило в себе много преимуществ. При выпале бурок 30 процентов всего отпаленного угля самосвалом попадает на рештаки. Навалоотбойщикам не приходится заниматься перекидкой угля на далекое расстояние. Но самое большое преимущество — это выигрыш во времени. Благодаря тому, что рештаки устанавливаются у груди забоя, стало возможным производить подбутовку лавы одновременно с работой навалоотбойщиков. При обычной же установке конвейерной линии на расстоянии одной крепи от груди забоя к забутовке можно было приступить лишь после того, как весь уголь выбран и конвейерная линия перенесена на другое место.

Совмещение во времени этих 2-х операций — выемка и забутовка — экономит ежесуточно не менее 6—7 часов времени.

Рабочее место навалоотбойщиков всегда обеспечено врубом, потому что работа машины зависит сейчас исключительно от уборки угля, в то время как раньше она зависела еще и от подбутовки лавы, которая производилась после окончания выемки угля и переноски конвейерной линии.

Все навалоотбойщики были переведены на индивидуальную сдельщину. В забое широко применяются удлиненные буры. Перед отпалкой породы на почве настилают железные листы, что значительно облегчает уборку породы. Вентиляционный штрек опережает лаву по меньшей мере на полметра, для того, чтобы машинист вырубал верхний куток на всю длину бара.

Умный, хорошо продуманный график организации всех производственных процессов в лаве и на участке, строгое выполнение его всеми десятниками, бригадирами и каждым рабочим, применение стахановских методов труда везде, где только возможно, обеспечили участку высокую цикличность.

Но дело, конечно, не только в графике. Можно составить четкий и ясный график, расписать в нем по порядку, кто и как должен выполнять его. Можно провести собрание и принять хорошее деловое решение. Можно заключить договор на соревнование, принять обязательства и вывесить лозунги, плакаты, оформить витрину. Но все это не будет действенным, если забыть главное — людей, исполнителей графика. Вникнуть в душу человека, найти ключ к каждому рабочему — вот что требуется от нас, руководителей.

Если руководитель прислушивается к запросам рабочих, помогает им, рабочий всегда раскроет перед ним душу. А зная душу и настроение каждого, гораздо легче направлять коллектив на успешное решение поставленных задач. В работе с людьми и заложено одно из решающих условий, обеспечивающих высокую цикличность и все возрастающую добычу на участке. В этом источник успеха.

На участке заведен твердый технический и организационный порядок. Все учтено и предусмотрено до мелочи. Каждый шахтер знает свое место и обеспечен работой. Горный мастер и бригадир спускаются в шахту за 15—20 минут до начала работы. За это время они принимают рабочее место. Каждая бригада, каждый рабочий и в целом вся смена не только обязаны выполнить об'ем установленных им работ, но и подготовить рабочее место для новой смены.

На участке нетерпимо относятся к малейшему проявлению недисциплинированности — к плохой работе, к

недобросовестному выполнению своих обязанностей. Распоряжения командиров производства — начальника участка, горного мастера, бригадира — являются законом для каждого рабочего. Но прежде чем потребовать от рабочего выполнения порученного задания, ему надо ясно об'яснить, что и как необходимо делать, позаботиться о подготовке рабочего места, создать условия для успешного выполнения данной работы.

Как видно из вышесказанного, ничего исключительного мы у себя на участке не применяем. И условия труда, и люди у нас такие же, как и на большинстве шахт Донбасса. То, что сделали мы, доступно всякому. И невольно вспоминаются слова нашего вождя и учителя товарища Сталина, сказанные им на совещании хозяйственников:

«Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнять план».

Механизация трудоемких процессов, осуществляемая советским государством в широчайших масштабах, получила в нынешнем году особый размах, свидетельствующий о нашей силе, о широте масштабов развития индустриализации и сельского хозяйства, об огромных преимуществах советского строя, при котором машина не грозит человеку безработицей, а облегчает его труд. Человек в нашей стране не придаток к машине, а ее хозяин, ее повелитель, смело вступающий в бой со всем старым, отжившим, которое тянет нас назад.

В этой всенародной решимости советских людей работать творчески, не останавливаясь ни перед какими трудностями, стремиться к новому — наша сила, залог наших успехов.

Тот, кто дерзает, тот всегда впереди.

Записал Б. ШАРАНСКИЙ.

С. Т. МОВЧАН,
Почетный шахтер.

НАС ПАРТИЯ ВЕДЕТ К ПОБЕДАМ

В прошлом году, когда мы готовились праздновать в первый раз День шахтера, райком партии созвал почетных шахтеров. У всех — ордена и медали, как у гвардейцев, шитые серебром мундиры — любо поглядеть... Секретарь райкома Петр Иванович вышел к столу, посмотрел на нас и не нашел подходящего слова. Он знал, как зовут и величают по отчеству каждого из стоящих здесь, бывал у нас и в забоях, и на собраниях, а тут не мог слова сказать от волнения...

Петр Иванович поздравил нас с высоким званием и очень хорошо сказал о заботе, которую проявляют партия и лично товарищ Сталин о шахтерах, о государственной важности нашего труда. Он назвал нас гвардейцами, и все расправили плечи и подтянулись, как в строю под развернутыми полковыми знаменами... Многие из сидящих здесь прошли с боями от Сталинграда до Берлина, стояли насмерть под Москвой... И у многих рядом со значком почетного шахтера горел на груди знак гвардии.

— Мы часто встречаемся, — сказал Петр Иванович. — И сегодня собрались не затем, чтобы посмотреть друг на друга, а посоветоваться о наших делах.

Вся страна готовилась праздновать День шахтера. Машиностроители выпускали машины сверх плана, лесорубы Закарпатья прислали горнякам несколько сверхплановых эшелонов леса в подарок, колхозники отправляли красными обозами хлеб на элеваторы и брали на себя обязательство — выполнить план хлебосдачи к нашему празднику. И горняки готовили производственные подарки к своему празднику. Но не все шахты и участки у нас работали хорошо, с под'емом.

— Как вывести их на широкую дорогу? — спросил секретарь райкома. — Нам не к лицу отставать. Давайте посоветуемся, что мы можем сделать.

Почетные шахтеры по-хозяйски обсудили положение, прикинули, что в наших силах.

— А вы, Савелий Тарасович, — спросил у меня секретарь райкома. — Как у вас дела?

Шестой участок, где работала моя бригада, считался самым лучшим на шахте. Нас знала вся шахта. Все навалоотбойщики у нас мастера угля. Лава, хотя и небольшая, циклуется. Проходчики гонят штрек скоростными методами. Петр Иванович хорошо знал положение у нас на шахте. Что я мог сказать? Хвалиться успехами — неудобно перед соседями.

— Как вы думаете, Савелий Тарасович, все резервы использованы у вас? — спросил секретарь райкома. — Ваш участок и ваша бригада хорошо работают. О том знает весь район. А почему отстают ваши соседи?

Наши соседи — седьмой участок — недодали столько угля, сколько выдала на-гора сверх плана вся шахта. О нем говорили на нарядах, на собраниях. Где аварии, неполадки? — На седьмом участке. Где самая низкая производительность труда? — У наших соседей... На них махнули рукой. А лава на седьмом участке хорошая, длинная. И условия такие же, как и у нас... Разговаривал как-то я с навалоотбойщиками седьмого участка, интересовался, почему они отстают... — Приходи к нам, Савелий Тарасович, — посмеивались они хмуро, — посмотрим, будете ли вы ходить в передовиках. А так легко рассуждать...

— Седьмой участок нас тянет, — сказал я секретарю райкома. — Условия там, говорят, неважные... А на условия валить всю вину — самое последнее дело. Мы решили, Петр Иванович, перейти всей бригадой на седьмой участок. Попробуем, что там за уголь...

— Хорошо... — подумав, сказал секретарь. — А справитесь?

— Справимся, — обещал я на совещании. — Не может быть такого, чтобы не справились.

На другой день управляющий трестом приехал к нам на шахту, поговорили с навалоотбойщиками моей бригады, и нас перебросили на седьмой участок. Мало кто

верил, что мы сумеем что-нибудь сделать, чтобы вывести его из прорыва. А мы, сказать по совести, не думали о том... Нам хотелось показать, что и на седьмом участке, откуда уходили навалоотбойщики, можно выполнять и перевыполнять нормы. Не ради славы и почета пошли мы к соседям. Мы понимали, что там будет трудно, очень трудно... Но разве стахановцы боятся трудностей?..

Осмотрел я лаву. Что сказать о ней?.. Лава как лава... Подлинней, чем у нас на шестом, механизмов в ней больше. Большое хозяйство, сложное, но не чувствуется здесь хозяина.

— Эх, Савелий Тарасович, — махнул рукой навалоотбойщик Константин Згарбуль. — Бросил ты живое, а пошел искать мертвое...

— Попробуем оживить... — сказал я Згарбулю. — Все в человеческих руках...

В бригаде у нас, когда мы работали на шестом участке, было шесть навалоотбойщиков. Народ подобрался дружный, настойчивый... Один за всех и все за одного действовали. А здесь мы приняли пополнение. Были и кадровые шахтеры, были и новички, недавно окончившие школу. Настоящего дела они еще не видели, шахты не знают... Но опыт, говорят шахтеры, дело наживное. Лежит у человека душа к работе, он усвоит все тонкости своего дела. И никакие трудности не испугают его, если на свою работу он смотрит по-государственному, как настоящий хозяин. Каждая лава — какой-то миллионный кусочек фронта борьбы за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки. Здесь, как и в бою, чувствуешь локоть товарища. Здесь все живут одними заботами.

Сколотить бригаду — нелегкое дело. К каждому нужно уметь подойти, найти слово. За шесть человек отвечать легче, чем за шестнадцать... Сколько воды утечет, пока они сработаются, станут одной семьей!.. В бригаде, как в семье, нужна строгая дисциплина и аккуратность. Послал я Згарбуля убирать штыб за врубовкой.

— Что такое?.. — вспылил Згарбуля. — На всех я не работник. Давай мне пай, тогда и спрашивай.

Делить на свое и чужое на работе может лишь человек, которому недорога честь своей бригады, шахты.

Згарбуль не первый год работает в забое, он понимает, что так нельзя делать. Обидно мне стало за него, очень обидно...

— Или уходи из бригады, — сказал я Згарбулю всердцах, — или уважай дисциплину. На тебя, вон, смотрят молодые навалоотбойщики, смеются...

Згарбуль молча взял лопату и пошел убирать штыб за машиной. Но все же я забраковал ему часть того, что он сделал, и когда кончилась смена, об'явил о том при всех навалоотбойщиках. Покраснел Згарбуль, ничего не сказал, но с тех пор он стал уважать порядок... Подтянулись и новички. Кадровые горняки передавали им свой опыт, помогали на каждом шагу. Бориса Белянкина учил почетный шахтер Иван Губанов, Петра Шаталова — Сергей Еременко, Абдула Калабекова — Евгений Попов. Каждому приятно знать, что не пропали даром его старания, и наши кадровики гордятся своими учениками. Все молодые навалоотбойщики стали мастерами угля.

Шефство над новичками со временем перешло в хорошую производственную дружбу. И даже Василий Филимонов и Андрей Лужный, на которых все махнули рукой, стали работать лучше. Они ходили с участка на участок, из бригады в бригаду и нигде, как говорили шахтеры, не нагрели места... Лужный работал бурильщиком, был помощником врубмашиниста, пробовал освоить специальность проходчика — все работы прошел... И куда бы ни кинулся, за ним тянулась, как тень, его худая слава... Таким был и Филимонов. Бросались ребята от берега к берегу, путались у других под ногами. А попали к нам в бригаду, почувствовали, что никаких поблажек здесь не будет, и понемногу привыкли к порядку.

Не сразу завоевывает себе доверие человек у коллектива, не сразу рождается и дружба. Старые шахтеры, знающие настоящую цену доверию и дружбе, помогли Филимонову и Лужному найти свое место... В забое не только добывают уголь. В забое решается человеческая судьба — у одного она большая, у другого — маленькая... А мы боремся за то, чтобы у каждого судьба была большая и дорога широкая...

Настоящая дружба рождается в борьбе с трудностя-

ми. Ничто так не роднит людей, как работа. Лучшим подтверждением тому может служить наша бригада. На седьмом участке, как перешли мы туда, наметился перелом. И хотя к концу года мы погасили небольшую часть долга, он все еще был в тяжелом прорыве. Одна наша бригада ничего не могла сделать. Здесь надо было браться сообща, всем коллективом.

Участок работал еще лихорадочными рывками. Всех подводила ремонтная смена. То конвейер не перенесут во-время, то лаву не закрепят как следует... Ни одного дня не обходилось без какой-нибудь досадной помехи. Нужна была четкая согласованность в работе всех смен и бригад... Чтобы под лавой всегда был порожняк... Чтобы конвейер не отказывал... Чтобы переносчики давали хорошую дорогу врубовке...

Партийная организация шахты послала начальником к нам на участок коммуниста Сергея Гордеева. А до этого он руководил первым краснознаменным комсомольско-молодежным участком. Он умел распорядиться по-хозяйски, организовать дело по-настоящему. И это почувствовали все наши горняки. Гордеев осмотрел участок, поговорил с бригадирами и горными мастерами. Он ни о чем не спрашивал, да и спрашивать было не о чем...

— Почему у вас лава такая? — спросил он у бригадира переносчиков Кузьмы Чайченко. В нынешнем году и ему присвоили звание почетного шахтера. Чайченко не занимать у кого-нибудь опыта, шахтерской сноровки. К нему-то и обратился в первую очередь Гордеев. — Как дошли вы до жизни такой?..

— Какая лава? — смутился Чайченко. — Такая, какой ей и положено быть...

— Вот она какая, — Гордеев провел извилистую горбатую линию. — Вот ее портрет...

— Меня, Сергей Семенович, незачем тыкать носом, — сказал Чайченко. — На участке был хозяин, у него были помощники... С них и спрашивайте. А мое дело небольшое — перенести линию в срок.

— У всех у нас один хозяин — народ, — сказал Гордеев. — А если лава кривая, то виноваты в том переносчики. Вот смотри, Кузьма Васильевич, — он набросал эскиз лавы. — Транспортер всегда должен лежать, как по шнуру. Понимаете?

— Понимаю... — кивнул Чайченко.—Мы делаем так, как навалоотбойщикам сподручней, жалеем их...

— Не навалоотбойщиков вы жалеете, а себя, — сказал Гордеев. — Далеко им бросать уголь на транспортер или близко, то вас не касается. Ваше дело — держать лаву ровно, чтобы поставили лампочку на верхнем штреке, а видели бы ее с нижнего...

Разговор тот запомнился бригадирам. Но Чайченко то ли не придал ему значения, то ли не проверил к концу смены, как работали его переносчики, и подвел нашу бригаду. Пришли мы в лаву, стали грузить уголь — рвется цепь на транспортере, скребки цепляются за рештаки, лезут куда-то в сторону... Нет ничего хуже, когда что-нибудь не ладится на работе. Не стали мы вызывать слесарей, а взялись и сами заново перестелили конвейерную линию. Смену потеряли, задания не выполнили.

Вызвал Гордеев на наряде Чайченко и спросил, почему случилась авария. Кузьма Васильевич начал оправдываться, но Гордеев не стал слушать...

— Если повторится такая история, — сказал он Чайченко, — не работать вам на этом участке... Из-за вас участок недодал сегодня добрую сотню тонн угля.

А однажды досталось и нашим навалоотбойщикам.

Никакой мелочи не упускал из виду наш начальник. Он требовал, чтобы каждый проявлял инициативу, болел бы душой за весь участок. Наша бригада всегда перевыполняла свои задания, а тут случилось так, что наряд мы выполнили, а могли бы дать угля больше. Два раза у нас рвалась цепь транспортера. Мы ремонтировали ее сами, но отрегулировать как следует не могли. Кончилась смена, и мы пошли себе на-гора.

Гордееву звонил горный мастер, что у нас отказывал транспортер, и начальник участка остался после наряда специально, чтобы узнать, устранили ли мы эту помеху...

— Сам, значит, выполнил наряд, — сказал Гордеев, — а Сидельников (наши бригады заключили договор на социалистическое соревнование) пускай сидит и ожидает... Почему вы не задержались еще на полчаса и не отрегулировали для них транспортер?

Правильно он говорил, по-хозяйски. И этот разговор навсегда запомнила наша бригада. Если ты хорошо работаешь сам и не помогаешь товарищам, не болеешь

душой за весь коллектив, — грош цена твоей работе и славе. Где за дело берутся дружно, общими силами, там всегда успех, победа. Коммунист Сергей Гордеев сумел сплотить коллектив и благодаря этому седьмой участок, худая слава о котором шла по всему району, стал набирать темпы. Коммунист Гордеев служил для каждого шахтера образцом старательности, настойчивости и государственного отношения к делу. Гордеев даст наряд и не уйдет с шахты, пока не поднимутся на-гора все рабочие. Поговорит с ними, расспросит все обстоятельно, запишет для памяти в блокнот дельное предложение. Он собирает по крупице предложения горняков, прислушивается к их голосу, советуется с ними, как лучше решить ту или иную производственную задачу, и нет ничего удивительного в том, что о нашем участке говорит сегодня вся шахта.

Давно мы покончили с позорным прорывом. Многие горняки уже завершили свои пятилетние нормы. Наш участок, если сравнить с прошлым годом, увеличил добычу угля почти в три раза... Вот какой путь прошли мы за год! Оглядываясь назад, вспоминая трудности, мы с благодарностью думаем о помощи и поддержке, которую оказывала нам партийная организация шахты.

Наше счастье, что нас ведут вперед большевистская партия, лично товарищ Сталин. Все, чем гордимся мы, чем сильны и богаты, все это сделала наша родная большевистская партия... Она учит нас преодолевать трудности, любить и беречь родную социалистическую державу. Партия ведет нас широкой дорогой в коммунизм.

И с каждым днем все явственней вырисовываются его приметы.

Шахтеры мечтали о таком времени, когда в забои придут умные машины, которые облегчат человеческий труд, сделают его красивым. Я хорошо помню годы, когда Донбасс переходил от обушка к врубовке, от санок к мощным транспортерам. Мне не пришлось таскать неуклюжие и тяжелые санки. Когда я пришел на шахту, в забоях уже работали врубовки и транспортеры, но по штрекам еще посвистывали коногоны. И я коногонил, но недолго... Под землей появились стальные кони — электровозы, я отвел своего «Гусара» на конюшню, забросил кнут... Наступил новый век под землей... Я гор-

жусь тем, что мне пришлось дожить до такого дня, когда обушок и лопата, как и санки, стали музейной редкостью.

В прошлом году на четвертом участке у нас пустили угольный струг. Стальной тяжелый рубанок снимает стружку с пласта, и у каждого душа радуется, когда видишь, как бежит уголь по рештакам... Успевай лишь подавать порожняк!.. Здесь не нужны ни обушок, ни лопата. Снимет стружку тот стальной рубанок, машинист включит домкраты, и они сами передвинут транспортер. И опять шумит рекой по рештакам уголь...

А недавно здесь, в струговой лаве, установили лампы дневного света. Красивая, захватывающая картина!.. Лет десять тому назад скажи кому-нибудь из нас, что так будет, ни за что не поверил бы... В шахте наступают чудесные перемены. А чудес не бывает на земле. Не бывает их и под землей. Угольный струг, лампы дневного света, мощные электровозы и комбайны — всего не перечислишь — все это наше, советское.

Вслед за стругом пришли на шахту угольные комбайны. О таких сильных машинах давно мечтали шахтеры. Идет комбайн по лаве, режет и дробит угольный пласт, грузит черное золото на транспортер. И здесь не увидишь ни обушка, ни лопаты. Бывшие навалоотбойщики лишь крепят за машиной лаву.

Сегодня комбайны работают уже в четырех наших лавах. Скоро и у нас на седьмом участке не останется ни одного навалоотбойщика. И мы скоро начнем осваивать новую технику. Врубмашинисты Кузьма Постников и Василий Ковалев, слесарь Петр Бондарь ходят на курсы, изучают комбайн. Учатся и навалоотбойщики нашей бригады. Жизнь идет своей дорогой — вперед и вперед! И чтобы не отстать от жизни, горняки повышают свою квалификацию, учатся.

Государство дает нам первоклассные машины, которым нет равных в мире, и наш долг — оправдать заботу государства и партии, выжать из них все, что они могут давать.

Меняется шахта, меняются и люди. Вот простой и на первый взгляд незначительный пример, но как хорошо говорит он о наступивших больших переменах. Раньше, закончив смену, шахтер говорил: — Пошли на-го-

ра... — Пока поднимешься по крутым ходкам, раза три отдыхаешь дорогой. Идешь, будто поднимаешься на какую-то гору. На работе не так устанешь... А сейчас у нас не ходят на-гора, а выезжают... По уклону ходит подземный трамвай. Сел в кресло, и не успеешь оглянуться, как уже прибыл по назначению. Этого не было у нас до войны. Скоро на всех участках под землей будут ходить пассажирские поезда.

И под землей, и в поселке, чего ни коснись — во всем чувствуется государственная забота о том, чтобы шахтеры жили и трудились культурно. Двадцать лет тому назад между нашей шахтой и шахтой № 4-21 имени Молотова лежала голая степь. Пошел я как-то в метель на работу и заблудился. А сейчас на том пустыре выросли большой благоустроенный шахтерский поселок, Дворец культуры, парк... Старая Петровка умерла вместе с санками и обушком, ушла в прошлое. И если мы вспоминаем о прошлом, то лишь потому, чтобы еще лучше видеть настоящее и наше прекрасное завтра.

Все свои силы и старания отдают наши горняки одной заботе, которой живет сегодня советский народ, — досрочно выполнить послевоенную пятилетку. Вот откуда идет стремление быть там, где потрудней, помогать молодым рабочим, чтобы они скорее становились мастерами своего дела. Вот почему честные труженики не могут сегодня прощать, чтобы кто-нибудь работал в полсилы, как-нибудь... Все наши мысли устремлены в завтрашний день, к сияющим вершинам коммунизма. И как бы ни трудна была дорога, мы придем туда, преодолеем любые трудности, потому что ведут нас наша родная большевистская партия и великий Сталин. А с ним нам не страшны никакие грозы.

Записал И. ЕВСИКОВ.

Г. Ф. МОЛОДЦОВ,
Почетный шахтер.

ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ

Поглядите-ка, друзья, кругом! Внимательно поглядите. Видите вдали белое высокое здание? Это наш Дворец культуры. Немного правее его — школа десятилетка. Прямо перед нами — магазин «Гастроном», за углом — промтоварный. Пять магазинов теперь у нас на шахте. А вон в тех двухэтажных домах — учкомбинат, общежития, столовая, детясли. В стороне, под высокими деревьями — дома, в них живут наши стахановцы. Правда, хорош наш поселок? А на шахту полюбуйтесь. Красавица!

Смотрите и знайте, что здесь, на этом самом месте, 32 года назад пустырь простирался. Вот тут шахтенка стояла, а около нее несколько балаганов, мрачные, сырые полувросшие в землю. Дорог путящих не было. В дожди такая грязь кругом стояла, что ног не вытащишь. Таким весь старый Донбасс был.

Как страшный сон, вспоминаю я теперь то время. Не жизнь у шахтера была, а так — мука сплошная. Счастливы вы что в те годы не родились. А вот мы хлебнули горя.

Вы спрашиваете, как я в Донбасс попал. Нужда погнала. В деревне-то голод и нищета царили. Вот тысячи таких крестьян, как я, и шли в Донбасс — на заработки. Надо было как-то семью кормить. А шахтовладельцы того только и ждали. Чем больше рабочих рук, тем им выгоднее — труд дешевле. Пользуясь наплывом рабочей силы, прибыли себе наживали. Ведь по 12—15 часов в сутки шахтер трудился, а платили что? Гроши.

С 1902 года стал и я шахтером. Пятнадцать лет мне тогда исполнилось. Жил я до того времени с отцом, в деревне Языково, Малоархангельского уезда, Орловской

губернии. Отец работал батраком у кулака Володина, а я с девяти лет пас лошадей у деревенских богатеев. Кормили за это да изредка старые потрепанные лапти, с большой ноги, дарили.

Идешь, бывало, по деревне, а сынки богатых смеются, дразнят, кричат: «Смотрите... смотрите... лапти пошли». Обидно станет, сожмешь кулаки, смахнешь набежавшую слезу, а что делать? Скроешь в себе обиду и молчишь. Они, бывало, все в школу, а я—в степь с чужими лошадьми. Учиться-то не на что было, так неграмотным и рос. Не выдержала мать такой жизни, надорвалась бедняга на работе, и отправили мы ее на кладбище. Остались вдвоем с отцом. Так и влачили свое существование всегда голодные, оборванные.

Призвал, помню, меня однажды отец и говорит:

— Хоть и мал ты еще, Григорий, а ничего не поделаешь. Придется отправить тебя на заработки. В Донбасс поедешь. Земляков там наших немало. Поди не оставят, помогут устроиться. А так жить дальше невозможно. Сам видишь.

Страшное слово было в то время «Донбасс». Много жутких историй рассказывали односельчане, когда приезжали домой в деревню. Слушаешь их, а сердце от страху так и замирает. Но ехать надо. Не с голоду же умирать.

Взял меня в ту пору с собой наш сосед Морозов. Он уже не первый раз бывал в Донбассе, даже крепильщиком одно время работал.

Вот так и попал я на шахту «Чайкино». Ее еще тогда и «Щегловкой» звали. Там и устроились.

Посмотрел я, как люди живут, и ужаснулся. У нас в деревне тяжело было, а здесь и вовсе из каждого угла нищета глядела.

Это ведь при советской власти вокруг «Чайкино» целый город вырос. Несколько школ, клубов, двухэтажные общежития, парк прямо около шахты, шоссейные дороги. А тогда что было? Невысокий копер с деревянным надшахтным зданием на холме, покосившаяся хибарка вместо нарядной да несколько балаганов вокруг, — вот и вся шахта. Кругом же степь без конца и краю да грязь непролазная по дорогам.

Земляков мы нашли в одном из балаганов. Худые все, заросшие, грязные. Это теперь для шахтеров бани с парной да душами, с раздевалками и сушилками. Выедешь из шахты, и прямо в баню. Накупаешься, как тебе хочется, переоденешься во все чистое — и домой. А тогда знаете какая баня была? Землянка, а в ней две бочки с горячей и холодной водой да несколько шаек деревянных. Нахлынет смена — шум, гам, толкучка. Некоторые постоят, постоят в очереди, плюнут и уйдут. Какая уж тут чистота будет. Выедет, бывало, из шахты тот или другой, так с ног валится от усталости. Ему не до умывания. Бухнется на солому и спит, не раздеваясь.

В балаганах, где жили, теснота была жуткая. Вместо коек стояли рейки выгнутые, а на них доски, покрытые соломой или мелкой стружкой. Вот и все шахтерское ложе. Это сейчас приедете вы на шахту, вам и коечка с полной постельной принадлежностью, и цветы, и дорожки по общежитиям и все прочее. Красный уголок тут же. Отдыхай. Мы в старое время об такой жизни и мечтать не смели. В бараках грязь была страшенная, пол неделями не подметался. Кто был с семьей, так отгораживался в уголке досками, и жили, как в конуре. А по полу в пыли и грязи ползали ребятишки, голодные, раздетые. О яслях и детсадах представления еще не имели.

Питались кое-как. Чаще всего соберутся несколько человек в артель, наймут себе кухарку, вот она и готовит на всех пищу. Столовых да буфетов и в помине не было. Эх, да что и говорить. Ведь шахтера в то проклятое время и за человека не считали. В одном из таких балаганов устроился и я вместе с земляками.

Приняли меня на работу саночником. Спасибо, еще силенка была. Иначе бы не выдержал. Молодежь теперь об этой каторжной профессии только по рассказам знает. Мы же, старики, в свое время на себе испытали, что значит санки тягать. В лошадей нас превращали. Может быть, где-нибудь в музее и вы увидите теперь эти санки. Простой деревянный ящик, длиной так метров до двух, а под ним полозья, окованные железом. Весило само это устройство полтора, а то и два пуда. Навалит саночник под забоем в этот ящик 12—13 пудов угля (тогда все на пуды считали), впряжется в спе-

циальную лямку из мешковины, станет на четвереньки и тянет санки к штреку, где стоят вагоны. А путь не из близких. Иной раз по 25 сажень приходилось тягать.

Пласт, на котором я работал, был маломощный, на четвереньки не поднимешься, потому таскал санки ползком, на коленях. Бывало, все ноги об уголь и породу в кровь издерешь. Об отдыхе и не думай. За «упряжку» два саночника должны были нагрузить не менее 35 вагонеток. Не справишься — уволят. От вагончика и заработок получали. Нарубить, погрузить и доставить вагончик к уклону стоило 45 копеек. В общем гроши получали. На саночника в смену примерно до двух рублей приходилось.

Хозяина шахты мы, конечно, и в глаза не видели. Жил он где-то во Франции, а с Донбасса ему только денежки готовые переводили. Легко они ему, паразиту, давались. В три—четыре месяца раз спускался в шахту один из районных инженеров. Пройдет по ближайшим выработкам, посмотрит и назад. Боялся в забои заходить. В каких условиях работают шахтеры, соблюдается ли хоть немного техника безопасности — никого не интересовало.

За каждый невыход на работу — штраф. Может быть, ты заболел или в семье чего случилось, все равно штрафуют. О причинах невыхода и знать не хотели. Это не то, что сейчас. Прихворнул ты, так к тебе все — и начальник участка, и начальник шахты, и врач. Помогут и сразу на ноги поставят. Тогда же, откровенно говоря, и учету-то никакого не было.

Запомнился мне один случай. Не вышел как-то на работу забойщик. Подрядчик, не долго думая, вывесил в нарядной штрафной листок. Так назывался специальный список, в который заносили фамилии оштрафованных. На следующий день забойщик снова не вышел. Подрядчик опять наложил на него штраф. И так целую неделю продолжалось. Рабочий не выходит, подрядчик штрафует. Потом уже только узнали, что штрафует-то начальство мертвого. Забойщик, оказывается, тифом заболел и давно умер, а на него все штраф накладывают. Вот какой тогда учет был.

Работали по 12, а то и 15 часов. Придешь в балаган, свалишься где-нибудь на досках и спишь, как уби-

тый. Глядишь, не успел как следует отдохнуть, и снова надо в шахту.

А если и вырвется иной раз свободный часок, то все равно пойти некуда. Это сейчас вот смотришь, придет шахтер с работы, отдохнет, как душеньке угодно, принарядится и в шахтный клуб или к друзьям в гости, а то и в город — в театр. К его услугам — все. Ну, а про молодежь и говорить не приходится. В клубе разные кружки самодеятельности, газеты, журналы, концерты, кино через день, лекции, доклады. В учкомбинате курсы различные. Учись, отдыхай культурно да весело. Раньше около шахт, кроме кабаков, ничего не было.

Тяжело жилось шахтеру, очень тяжело. А сказать что-нибудь или недовольство свое выразить и не думай. Мало что, сейчас же выгонят, еще и плетьми отстегают. Для этой цели километрах в трех от шахты казачья сотня стояла. Как где волнение, казаки туда. Ну и пошла расправа. Крепко попадало нашему брату. Многие из шахтеров так и загинули неизвестно за что.

Однажды подрядчики уж больно штрафами стали донимать. Народ совсем без заработка оставался. А ведь почти у каждого семья дома. Вот одна смена и отказалась на работу итти, стачку об'явила. Куда тут. Налетели казаки и давай расправу чинить. Многих избили, многих с собой забрали, но шахтеры не сдались. Добились своего, заставили штрафы уменьшить.

Года два протягал я санки. Потом вагонщиком работал, забойщиком, а с 1911 года пошел уборщиком породы к крепильщику Хромкину Илье Петровичу. Хороший был крепильщик. Полюбил он меня и научил крепежному мастерству. До сих пор ему благодарен.

Трудно было работать. Сейчас вот спустишься в шахту, так словно в подземный завод попадешь. Тут тебе все самые новейшие механизмы. Богатющую технику дала страна нам в руки. Управляй только этими механизмами. Они тебе уголь и рубят, и наваливают, и к вагонам по лаве доставляют, и грузят. На многих шахтах комбайны работают, струги, транспортеры разные, электровозы мощные, а в штреках, как в метро, лампы дневного света горят. Всего не перечислишь. А в дореволюционном Донбассе знаете, какая техника

была? Обушок, поддира, санки, лопата да по крупным шахтам откатка конная. Вот и все.

Подошел 1917 год, революция. Разделались мы с белогвардейцами, интервентами, освободили Донбасс, и снова я вернулся на шахту. Страна наша молодая уголек требовала. С тех дней и началась у нас жизнь привольная да счастливая. Советская власть, партия Ленина — Сталина дали нам эту свободу и счастье. Народ стал хозяином земли своей. Настоящий свет после долгой тьмы увидели, впервые познали, что труд — счастье.

До 1924 года я на «Чайкино» работал, а потом на «Капитальную-Марковку» перешел. Здесь мне квартиру большую, семейную дали. Ну и зажили мы на славу.

Так проходчиком до сих пор и работаю. Шестьдесят два года стукнуло, уже десять лет как на пенсии, 47 лет подземного стажу имею, на одном прохождении 38 лет отработал, а все шахту не оставляю. Да разве можно теперь производство оставить? Ведь наш опыт многолетний молодежи нужен, смену себе хорошую обязаны подготовить. А главное уж больно жизнь-то хороша! Руки сами работы просят.

Хочется, чтобы Родина наша не знала недостатков в топливе, чтобы все заводы, фабрики и транспорт на полный ход работали. Вот и стараемся. Хоть и лет много, а лицом, как говорят, в грязь не ударяем. Стахановцами являемся. На доске почета и моя фамилия все время значится.

Подвел я как-то на днях итоги своей работы, и большие цифры получились. Даже самому не верится, что мог такую громадную работу выполнить. Вышло, что за последние 38 лет я раскрепил с помощниками под землей по меньшей мере около 20 километров выработок.

Не без гордости могу заявить, что все уклоны шахтоуправления и все другие основные выработки моей бригадой пройдены. На наших шахтах уже такой порядок завелся: где трудная работа предстоит, туда мою бригаду направляют. А мне такое доверие дорого и приятно. В работе никогда не забываю, что чем быстрее вперед пробьемся, тем скорее новую линию забоя откроем. А это добавочные сотни и тысячи тонн угля для наших предприятий. Как же здесь не стараться?

Сейчас на 34-м участке нашего шахтоуправления моя бригада проходит основной откаточный штрек. В бригаде — я, забойщик, вагонщик и три уборщика породы. Впрочем это разделение по квалификациям только формальное. Фактически у нас бригада комплексная, каждый по мере необходимости может выполнять любую работу. Всех научил я, как рамы ставить, затяжки делать, уголь рубить, шпуры готовить. Потому дело у нас и идет без всяких задержек. Не приходится ожидать, пока там запальщик или бурильщик придет. Сами все делаем.

А труд свой построили так. В первой смене убираем породу, зачищаем штрек, во второй смене ставим крепь и готовим бурки, в третьей производим отпалку и делаем отход по углю. Затем наш цикл снова начинается. График в нашей работе — нерушимый закон. Всегда помним, что четкость и организованность — основа победы.

Все члены бригады договоры на соревнование между собой имеют, а все вместе с проходческой бригадой тов. Малявки соревнуемся. Соревнование, надо сказать, великая сила. Оно помогает нам далеко обгонять время и быстро двигаться вперед. Да иначе и быть не может. Попасть в число отстающих никому не хочется. Это на всю бригаду пятно будет. «Вот тебе, скажут, и кадровики, засыпались». Да ведь дело-то не только в этом. Поди, все подписывались под обязательством, когда решили пятилетку досрочно выполнить. И отстать — значит не быть хозяином своему слову. А этого мы никак не можем допустить. Шахтеры всегда дорожат честью своего слова.

Поэтому я не помню месяца, чтобы бригада не перевыполнила задание. Дадут нам наряд, а мы его, глядишь, в полтора, а то и в два раза перекроем. В сентябре, например, установили нам норму в 25 метров, а мы поднажали и 41 прошли. В октябре еще лучше работали, новыми успехами октябрьский праздник встретили — 50 метров прошли. А это уже ровно два месячных задания. Вот Великому Октябрю, который 32 года назад нам свободу принес, преподнесли и мы свой трудовой подарок.

Благодаря слаженной работе одержали первенство и во Всесоюзном соревновании горнопроходческих бригад. Нам присудили премию в 25 тысяч рублей.

Хорошо и зарабатывают члены моей бригады. Меньше 3—4 тысяч никто не получает Я, например, в среднем за месяц зарабатываю от 4 до 6 тысяч да еще по 512 рублей в месяц пенсии получаю. В общем живу зажиточно, живу так, как в старое, дореволюционное время и мечтать не мог.

И я, и жена моя Мария Яковлевна теперь только радуемся, глядя на своих детей. Счастливые они, что родились на советской земле. Все дороги перед ними открыты: работай, учись, повышай свои знания. Все мои дети образование получили и живут на славу. Сын Виктор при Донецком индустриальном институте специальные курсы закончил, звание горного техника получил и теперь начальником шахты работает в Нижней Крынке. Знатно живет. Собственный дом купил, обстановку разную. Частенько к нему в гости наведываемся. Второй сын — Валентин тоже учился на курсах и вышел оттуда электромехаником. Сейчас учится в сельскохозяйственном институте. Получили образование и хорошо устроились дочери Дина и Людмила.

Большим почетом страна нас окружает. Сам товарищ Сталин о нас, шахтерах, заботится. Спасибо ему, большое спасибо! Недавно меня самой высокой наградой удостоили — орденом Ленина. «Это, — говорят, — тебе, Григорий Федорович, за хорошую долголетнюю работу». А до этого еще двумя медалями наградили. Вот как нас ценят!

Живем с Марией Яковлевной и радуемся. Все дети на широкую дорогу вышли, да и у нас, стариков, счастье и достаток. Квартира у меня вон какая, просторная и светлая. Три комнаты, кухня, надворные постройки. А пройдитесь-ка по моему саду. Все есть: яблоки, абрикосы, груши, сливы, смородина. Люблю в свободное время в саду повозиться.

Два приемника приобрел. Один Виктору подарил, а вторым сам пользуюсь. Придешь с работы, включишь приемник, слушаешь—и сердце гордостью за свою страну наполняется. Со всех уголков необ'ятной Родины нашей победные рапорты несутся. Всего 32 с лишним го-

да советской власти, а как далеко вперед мы шагнули! Как много сделать успели. И радостно становится, когда сознаешь, что в этих победах и моего труда частичка заложена.

Большой заработок позволил и еще одну новинку приобрести — «Москвича» купил. Замечательная машина. Сынок теперь частенько нас всей семьей катает. В общем на собственной машине раз'езжаю. А скажи-ка кому-нибудь 32 года назад, что так будет, ведь сумасшедшим посчитали бы.

Гляжу я сейчас на свою жизнь и часто думаю: «Могли до революции я, простой шахтер, мечтать о том, что увижу такие счастливые дни?» Но вот дожил, увидел. На моих глазах Донбасс при советской власти преображался и рос. На моих глазах шахты в настоящие подземные заводы превратились, а труд стал культурным, высокопроизводительным. На деле осуществляется комплексная механизация.

Недавно и к нам новые механизмы доставили, проходческие машины по штрекам пустили. Раньше, бывало, пройдешь 20—25 метров за месяц, и хорошо. Теперь же с машиной по 60—70 метров проходим. Вот какие темпы техника обеспечила. И работать легко стало, и производительность повысилась.

Скоро комбайн «Донбасс» будем осваивать. Чудесная машина! Десятки людей заменяет и работает так, что только порожняк успевай подавать. Ну, а про добычу и говорить не приходится. С новой техникой, какую нам советская власть дала, мы будем такую добычу давать, о какой там, за границей, и мечтать не смеют. На основе механизации шахтоуправление наше изо дня в день план перевыполняет и одним из передовых числится во всем Макеевском районе. Да разве можно в такое время на пенсию уходить и шахту оставлять?

Наши шахтеры, как и весь советский народ, одним желанием сейчас горят — пятилетку раньше срока закончить. Ведь тогда наша Родина еще крепче станет. А это еще лишний удар по тем, кто на нас зубы скалит да к новой войне готовится. Вот почему и стараемся работать все лучше и лучше. Я свою пятилетку уже давно закончил и думаю еще пару годовых норм выполнить. Отблагодарю Родину-мать за ее заботу о нас.

Хорошо живем. Культурно, зажиточно. И за эту жизнь, солнцем Великого Октября озаренную, Сталину великому и всей Отчизне нашей хочется еще и еще раз сказать большое шахтерское спасибо.

...Посмотрите кругом. Внимательно посмотрите. Все это за годы советской власти построили, все это Октябрь нам дал, большевистская партия. Давайте ж, друзья, поработаем так, чтобы товарищ Сталин сказал: «Молодцы шахтеры, хорошо они работают!».

Записал В. СВЕТЛОВ.

И. Е. ВИЛКИН,
Герой Социалистического Труда.

СЛУЖУ ДОНБАССУ

Я — тамбовский.

Мне было 16 лет, когда в лаптях и с сумкой за спиной приехал я на антрацитовую шахту № 5—7 «Карл», что близ ст. Криндачевка. Нужда выгнала меня из отцовского дома, а у отца было три сына и шестеро дочерей. Семья имела только 30 саженей земли. Жили мы впроголодь, как и многие крестьяне-бедняки села Матызлен, Темниковского уезда, Тамбовской губернии. И вот, вместе с земляками, я и поехал на заработки в Донбасс.

Три года проработал я саночником, а затем стал зарубщиком. Рубил пласт обушком и желонгой. Тяжело было работать в хозяйской шахте. Хозяевами были немцы, они говорили рабочим: «Ты должен быть, как лошадь: много работать и всегда молчать». Четырнадцать часов приходилось вручную рубить крепкий, как кремень, антрацитовый пласт. Жил я с товарищами в казарме, ютился на верхних нарах, питался вместе с артелью земляков. Шахта не имела бани. Выйдя из забоя, горняки мыли только лицо, шею и руки. За зиму тело покрывалось толстым слоем угольной пыли. С наступлением теплой погоды рабочие шли в балку и в ручье смывали накопившуюся за зиму грязь. Бывало, кусок мыла измылишь — и всю грязь не смоешь. Обсчеты, грубый произвол, издевательства, каторжный труд — вот что знал дореволюционный шахтер.

Мы тогда пели песню:

Шахтера всюду презирают.
Шахтером тюрьмы наполняют,
Шахтерам пулю в лоб дают.

Легко вздохнул шахтер после Великой Октябрьской социалистической революции. Красная Армия вышвырнула с рудника шахтовладельцев-немцев, и хозяевами шахты стали сами рабочие, хозяином шахты стал и я, простой шахтер Иван Вилкин. В 1927 году на шахте ввели врубовые машины и конвейеры, и я отложил в сторону свой обушок. Стал работать отбойщиком. Рядом со мной трудились навальщики, которые бросали уголь на конвейер. Уже позже эти профессии были об'единены, и появилась новая, ныне отживающая горняцкая профессия — навалоотбойщик.

Работал я весело, с душой, никогда не жаловался на усталость, все думал о том, чтобы родная наша шахта давала побольше антрацита растущему социалистическому государству. А пласт Хрустальский, на котором я работал, был всем пластам пласт. До войны сортировали этот антрацит на разные сорта и отправляли на экспорт, для пароходов.

Еще в 1927 году, в день десятилетия Советского Донбасса, «Союзуголь» и Всеукраинский комитет горнорабочих вручили мне грамоту, в которой было сказано: «За неустанную работу на фронтах освобождения и восстановления каменноугольной промышленности Донбасса, за труды, проявленные в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи, за активное участие в строительстве социалистической каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, — «Союзуголь» и Всеукраинский комитет союза горнорабочих в десятую годовщину Советского Донбасса присваивают тов. Вилкину Ивану Евдокимовичу звание Заслуженного шахтера и награждают именными часами».

Особенно хорошо пошла работа в дни, когда в Донбассе зародилось стахановское движение. Донбасс знал тогда многих выдающихся навалоотбойщиков из Красного Луча. Иван Федорович Молостов, тоже тамбовец, впоследствии избранный депутатом Верховного Совета УССР, показывал высокий класс работы, и я был не на последнем счету. Я организовал бригаду навалоотбойщиков по скоростной выемке вруба. Слава о моей бригаде гремела по Донбассу.

В 1930 году я вступил в ряды большевистской пар-

тии. В 1936 году шахтеры избрали меня в состав ЦК профсоюза рабочих каменноугольной промышленности. С тех пор четыре раза собирался с'езд профсоюза и четырежды я избирался в ЦК.

На одном из с'ездов профсоюза Николай Михайлович Шверник, тогда руководитель ВЦСПС, во время моего выступления спросил:

— Как зарабатываете, Иван Евдокимович?

Я достал из кармана партийный билет, подошел к столу президиума и показал билет тов. Швернику.

— Мой партийный билет расскажет вам, Николай Михайлович, как я работаю и как зарабатываю.

Будучи делегатом первого Вседонецкого слета стахановцев, я выступил с рассказом о работе своей шахты. Видно, в моей речи было столько молодого, задорного, что присутствовавший на слете Лазарь Моисеевич Каганович сказал мне, старику:

— А, что, Иван Евдокимович, может нам с тобой в комсомол вступить. Как ты думаешь, примут?

— Да, пожалуй, примут, Лазарь Моисеевич, у нас с вами сердца молодые, примут, не откажут.

Весь зал, в котором находилось несколько тысяч шахтеров, внимательно слушал этот разговор навалоотбойщика с народным комиссаром.

Из рук Михаила Ивановича Калинина я в 1938 году получил серебряную медаль «За трудовое отличие». И скажу, что встречи с руководителями партии и правительства омоложают душу, хочется горы перевернуть. Вот встретиться еще с товарищем Сталиным очень хотелось бы.

Когда фашисты в 1941 году напали на нашу Родину, мне было 53 года. До последних дней, пока была возможность, я работал в шахте, потом наложил в сумку сухарей, распрощался со старухой и пошел на восток. Предварительно замотал свой инструмент в тряпье и закопал его в сарае, чтобы сохранился до моего возвращения.

И инструмент дождался меня. 1 марта 1944 года я вернулся на родную шахту из эвакуации. Пришел на свою квартиру. В ней жил главный инженер шахты.

— Позволь мне зайти в сарай, — попросил я разрешения у главного инженера.

— А зачем, Иван Евдокимович, — удивился тот, обрадованный моим приездом.

— Да там у меня клад закопан.

— Ну, раз клад, тогда милости прошу.

На глазах у инженера я выкопал лопату, клевак и поддиру. Это был мой инструмент. — «Ну вот, ты меня и дождался», — сказал я.

Основная шахта не работала, но рядом с ней уже успели пройти наклонную, и из нее добывали уголь.

— Во-время приехал, — встретили меня рабочие, — завтра у нас день повышенной добычи, пособишь нам, а? — Я с охотой согласился, но у меня спецовки не было.

— За этим остановки не будет, — заявили друзья и начали собирать мне «шахтерки». Один принес тужурку, другой брюки, третий чуни. На другой день после приезда я спустился в забой, встретился с родным пластом и вновь начал добывать уголь. В первый день дал 17 тонн антрацита, а норма была 8.

Навалоотбойщики шахты работали неважным инструментом, наскоро сделанным шахтными кузнецами из бросового железа. Увидев мой отличный инструмент, они стали расспрашивать, где я раздобыл такую лопату, поддиру и клевак.

— А это мой старый инструмент, — ответил я, — видите, на ручке лопаты вырезана фамилия «Вилкин», на поддире зубилом выбито «Вилкин», и на клеваке — тоже «Вилкин». Фамильный инструмент!

Я опять стал работать навалоотбойщиком в своей шахте. О моем возвращении узнал управляющий трестом. Он приехал на шахту и заявил:

— Вилкина в шахту не пускать!

— Почему, — удивился начальник шахты.

— Пусть поедет разыщет старуху, что же он у вас бобылем живет.

Я с'ездил на Днепропетровщину, откуда родом моя жена, нашел там свою Надежду Ивановну, привез ее на шахту, и мы поселились в старой квартире.

Каждое утро Надежда Ивановна, провожая меня на работу, говорит:

— Ты же смотри, старик, не задерживайся.

А как я могу не задерживаться, если у меня столько всяких дел! Ведь шахта-то моя, я ее хозяин. Боже упаси, чтобы в бане не было горячей воды. Я сразу к банщице, — в чем дело? Та отвечает, мол, угля нет. Я к помощнику начальника шахты, — почему, дорогой товарищ, не подвозишь уголь?

— Не успел, Иван Евдокимович,—оправдывается тот.

— Как хочешь, а чтоб уголь был в бане, уважай рабочего, затем тебя сюда и поставили, и запомни, что это тебе говорит член ЦК профсоюза,— внушаю я ему.

Я председатель жилищно-бытовой комиссии при шахткоме профсоюза. Приду в общежитие, увижу, какой непорядок и сразу начальнику шахты — давай, дорогой товарищ, то или другое. Смотришь, к вечеру уже и поправят дело. Довольные рабочие благодарят меня. «А чего меня благодарить, — говорю я им. — Раз народ избрал меня, значит я должен выполнять свой долг перед народом». Одно время тормозилось дело с восстановлением клуба. Я написал письмо в министерство, и делу был дан ход.

Шахтному начальству я по-стариковски часто советую:

— Больше заботьтесь о шахтере, о том, чтобы в баньке всегда была теплая вода, чтобы в общежитиях было тепло и уютно, чтобы цветочки и занавесочки на окнах, да чтобы радио играло, чтобы рабочий в конторе долго не стоял за получкой, чтобы молодежь занятно и с пользой проводила время в клубе, и добыча тогда весело пойдет, поверьте старику.

За полувековую работу в шахте я обучил много новых горняков. Меня часто спрашивают: сколько? — Да разве подсчитаешь? — отвечаю я. — Если собрать их всех вместе, то, пожалуй, хватило бы рабочих и инженеров для целой шахты.

В нашей стране простой человек участвует в управлении государством. Меня несколько раз вызывали в министерство для того, чтобы я, рядовой донецкий шахтер, высказал свое мнение по тому или иному вопросу, касающемуся под'ема угольной промышленности. Сейчас шахтерское министерство возглавляет наш земляк Александр Федорович Засядько, выходец из Снежной, что в двадцати километрах от Красного Луча.

Рассказал я раз министру, что из трехсот моих учеников ни одному даже пальца не ушибло, так обучил я их работе под землей. Меня за полвека работы в шахте ни разу не царапнуло. Значит, такой я счастливый, — говорю я министру.

— Нет, дело не в счастье, а в том, что ты любишь работу, знаешь дело, изучил пласты, — ответил мне министр.

— Это верно, — согласился я, — с углем воевать — мое любимое дело.

На моих глазах, при моем участии меняет лицо Донбасс. Не обушок и санки, не лампа «бог в помощь», а комбайны, проходческие машины, угольные струги, врубовки и транспортеры теперь на вооружении шахтера Донбасса! Подземные выработки освещены электричеством, а кое-где появился особый, так называемый «дневной свет». А какие дворцы культуры у нас, какие прекрасные школы, какие дома для шахтера строят!

И люди как выросли. Рядовые шахтеры стали большими государственными деятелями, видными хозяйственниками, а ведь это же наши шахтерские дети, воспитанники Донбасса.

Взять ту же Снежную. Отсюда вышел министр угольной промышленности А. Ф. Засядько, его заместитель К. И. Поченков, начальники угольных комбинатов Донбасса, Герои Социалистического Труда тт. Пучнов, Заблодский, Фадеев.

Да вот взять моих учеников. Когда-то работали в моей бригаде навалоотбойщиками, а теперь стали горными специалистами, руководителями шахт. Это — Перепелица, Сухов, Коробков, Чекрыгин и др. Другие мои ученики стали почетными шахтерами. Крепильщик Алексей Мамайров награжден орденом Трудового Красного Знамени, крепильщик Севрюков получил такой же орден, крепильщик Яков Крылов то же самое. А сейчас растет наша смена — молодые шахтеры, мои ученики Ионов, Горевая. Они становятся первоклассными механизаторами.

Да, меняется жизнь, на наших глазах меняется, меняется не только на шахтах, но и во всей стране. В 1938 году я получил первую правительственную награду, а в

этом же году мой брат Петр Вилкин со своим колхозом добился чести участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. И сейчас он пишет, что окреп их колхоз после войны, готовится опять к участию в выставке.

Отлично живет советский шахтер. Вот мне присвоено звание почетного шахтера, и государство бесплатно выдало мне мундир. Каждый год за выслугу лет государство выплачивает мне единовременное денежное вознаграждение в сумме 3.600 рублей. Мне пожизненно установлена пенсия в размере пятидесяти процентов моего оклада. В пожизненное пользование мне отдана и шахтная квартира. Вот как в нашей стране обеспечена старость шахтера!

До войны я восемь лет подряд отдыхал в Сочи. После войны тоже отдыхал на различных курортах и один раз в санатории угольщиков им. Орджоникидзе. Это не санаторий, а настоящий дворец! И дворец этот принадлежит нам, советским угольщикам! Вернешься с курорта — и хочется работать и работать, столько сил и здоровья прибавляется.

Уже после освобождения Донбасса я обучил многих молодых горняков. Новички охотно идут в мой «университет». Когда ко мне в бригаду попадают новички, я предупреждаю горных мастеров о чутком отношении и заботе к молодежи. Как родной отец, отношусь к молодому шахтеру и я. Подойду, сяду рядом и покажу, как лучше брать пласт.

— Ты, сынок, выбирай струю, за струю в пласте хватайся, — советую я.

— А де ж вона, та струя, щось я її не бачу, — басит парубок.

— Струя где? — переспрошу я и раз'ясню: — А вот смотри, ты с плитой три часа возишься, все руки отбил, а разделать ее не можешь. А я ее за пять минут на мелкие куски раскрошу. — И с этими словами покажу, как нужно управляться с углем. Закончив, добавляю: — Ты же в деревне дрова, небось, колол и видел, что дерево имеет слои, по этим слоям и раскалывал чурбан. Так и в угле есть свои слои, мы, шахтеры, называем их струями, вот по этим струям и надо бить.

Я перевоспитываю и самых нерадивых. Однажды ко мне в бригаду попал один парень. Все работают, всем от работы жарко, все поскидали фуфайки, а он еле-еле ворочает лопатой, фуфайку с себя не снял и вообще не проявляет никакого желания к работе. Я к нему:

— Что, дружок, озяб небось, так возьми вон еще мою тужурку и оденься, тогда тебе совсем тепло будет... — Молодой горняк видит, что я сам работаю в одной рубахе, да так, что только пар идет от нее. Ну что ответить старику? Устыдился парень и по-настоящему за работу принялся, а потом, поднявшись на-гора, отозвал меня в сторонку и говорит: «Иван Евдокимович, не позорь ты меня больше, по-другому работать буду».

Я забочусь о том, чтобы моим ученикам, приступившим к самостоятельной работе, были созданы условия для стахановского труда. Особенно борюсь за то, чтобы навалоотбойщики имели вдоволь порожняка.

— Ты давай ребятам порожнячок, — говорю я начальнику участка, — а то как бы тебе самому не пришлось мешком таскать уголь на-гора.

Я часто захожу в шахтком профсоюза и напоминаю председателю, что такого-то моего ученика, дающего по две — три нормы, надо бы занести на доску почета.

— Знаешь, как у парня дух поднимется, — говорю я.

Меня часто спрашивают, сколько же я за свою жизнь добыл уголька. Я отвечаю шуткой:

— Тут, пожалуй, придется из Москвы вызывать самых грамотных, чтобы подсчитать весь уголь Вилкина. А если даже грубо прибросить, то выходит, что добыл я за свою жизнь не менее 130.000 тысяч тонн антрацита.

В День шахтера в прошлом году на шахте отмечали мое шестидесятилетие. В этот день Родина щедро наградила меня за мой труд, за мое полувековое служение родному Донбассу. Я сразу получил два ордена Ленина и Золотую звезду Героя. Один орден Ленина я получил за долголетнюю и безупречную работу в шахте, а другой орден Ленина и Золотую звезду вместе со званием Героя Социалистического Труда. Вот как родная большевистская партия, советское правительство отметили мои трудовые успехи на угольном фронте. Высокие правительственные награды получили также многие

шахтеры Донбасса и других угольных бассейнов страны. И каждый из нас, угольщиков, знает, что это товарищ Сталин побеспокоился о советских шахтерах. Спасибо ему, дорогому вождю, другу и учителю! Шахтерское спасибо! Как хочется жить и жить, работать и работать на благо горячо любимой Родины, где простой тамбовский бедняк-крестьянин стал хозяином своей страны.

Записал И. ЗЕНИН.

И. Е. ЖУР,
Почетный шахтер.

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

У каждого почетного шахтера, которому, как и мне, около семидесяти лет от роду, есть своя интересная дорога жизни. Но все они, наши дороги, берут свое начало у одного, вечно пылающего, очага горячей любви к своей матери-Родине.

Моя бригада досрочно закончила прохождение макеевского вентиляционного шурфа. В лавы нашей шахты имени Кагановича через этот шурф пошел свежий воздух, создались условия для применения врубовок, для комплексной механизации. Через шурф шахта вдыхала свежий весенний воздух, а с ней и моя грудь глубже вдыхала запах весны. От этого труд стал еще легче и радостнее.

Меня премировали министерской путевкой в лучший сочинский санаторий. И я еще раз убедился, что наш великий отец, наш Иосиф Виссарионович Сталин, никогда не забывает о нас, шахтерах.

Пришел я с этой путевкой домой. А дом, если рассказать все по порядку, мне тоже государство подарило, он у меня, словно дворец какой: с верандой, молодые яблони, черешни да вишни его окружили. И в доме этом, куда ни глянь, полный достаток. А во дворе кур да уток — палкой не пробьешь. Вот и собралась вся наша родня и наши соседи меня на курорт провожать. Пришел зять — инженер Смищенко, пришла дочь Раиса — его жена, тоже инженер, и самая пронырливая моя внучка Нина — отличница седьмого класса. Вы сами знаете, как шахтеры отмечают встречи да проводы, значит, об этом и говорить излишне. Скажу только: всем было так весело и приятно, будто мы гуртом отправлялись на курорт.

Только вижу, моя старуха Наталья Федоровна что-то глазами на дождь поворачивает, пасмурная такая.

«Не ревновать ли на старости лет вздумала?» — стараюсь я догадаться и с такими лисьими подходами верчусь вокруг нее, будто при первом свиданьи.

А она вздохнула раз-другой и сама себя выдала. Женское сердце, как там ни говори, — помягче нашего. Погладила она мою седую голову и сказала:

— Вспомнила я, как в 1905 году казаки тебя в тюрьму вели, как я шла вслед и поливала слезами дорогу к тюрьме. Тогда вся жизнь шахтерская была сплошная тюрьма. А теперь мы хозяевами стали на этой же — на своей земле.

— Ладно, старенькая, не омрачай людям хорошего настроения этими спогадками, не сыпь сажи на цветы, — ответил я. И вижу она меня поняла и стала такая же радехонькая, как все окружающие родственники и соседи.

А у меня-то у самого внутри заныло немножко. Переложила она свои воспоминания в мою голову. И хотя я этого никому не выдал, а все же про себя вспомнил свою шахтерскую жизнь до революции да еще со всеми ее подробностями. В своих мыслях я увидел себя еще мальчишкой, который в лохмотьях пришел из села на шахту «София» кусок хлеба зарабатывать, чтобы не умереть с голоду. Посмотрел на меня пузатый подрядчик и засмеялся:

— Тоже мне работяга, кожа да кости. Ну куда ты годишься?

Начал я упрашивать да умаливать, а самого такая злость разбирает на подрядчика.

— Ну ладно, — снизошел подрядчик, — иди, вон там вместе с бабами породу будешь из угля выбирать.

Работаю я день, другой. Спасибо русским людям за их чуткое сердце: от себя отрывали шахтеры, поддерживали меня до зарплаты, значит. То хлеба, то денег немного дадут. Народ наш сочувственный.

Дождался получки, первым прибежал за деньгами, а меня и в списках нет. Я опять к подрядчику, а он скалит зубы и пьяным голосом хрипит:

— Какие же тебе деньги, ты учебу сейчас прохо-

дишь, скажи спасибо, что мы с тебя деньги за науку не берем.

Больше месяца я так выбирал породу, руки мозолил бесплатно и ноги чуть не вытянул. Ночевал в бурьяне, как волчонок. Вот такое «общежитие» было тогда для новичков.

Задумал я однажды пойти в шахту работать коногоном и опять к подрядчику с челобитной. Он, правда, выслушал меня, а потом расставил циркулем ноги, покрутил ус и говорит:

— Иди-ка ты, браток, тачки с породой возить, а коногонов у нас хватает.

И долго таскал я тачки с породой, пока надорвался и заболел. А потом все же за могарыч подрядчик послал меня коногоном. Здесь пока вагонетка идет по рельсам — терпимо. А как забурилась — сам подставляй спину и «лимонадь». Пока вагонетку поднимешь — шкуру на спине сдерешь. Сок из тебя, как из лимона, выжмет. И все это за 35—40 копеек в день.

В 1905 году, когда Буревестник нашей революции реял над угнетенной, обездоленной Россией, мы, шахтеры, услышали его призыв к свободе. К новой, желанной жизни звало шахтерское сердце. На нашей шахте поднялась завирюха. Мы бросили работу, а когда прислали полицию для усмирения, мы ее разоружили. Но тут нагрянули казаки с шашками да плетками. Меня схватили и потащили в кутузку. На допросе ставили на иголки, плеткой по лицу били, а когда начальник полицейского участка (фамилию его вспоминать противно) увидел, что все равно из меня не выдавишь нужного для них слова, так ткнул меня ногой в живот, что я пришел в сознание только в тюрьме на цементном полу, окрашенном моей кровью. Четыре с половиною месяца просидел в тюрьме, а потом наша подпольная шахтерская организация побег мне устроила. Долго приходилось скрываться, жить по чужому паспорту.

Долгожданная буря революции 1917 года широко раскрыла нам двери для борьбы за новую жизнь. Я стал членом партии Ленина—Сталина. В Макеевке мы организовали вооруженный красногвардейский отряд шахтеров, расколотили белоказачьи банды в Макеевке, пошли в наступление на Таганрог, Ростов, Новочеркасск. Там

наша шахтерская гвардия влилась в 23-ю пехотную дивизию, и меня назначили комиссаром стрелкового батальона.

И вот в эти суровые военные дни в моей жизни произошло событие, о котором мое шахтерское слово рвется из груди.

Поздней осенью 1919 года мне посчастливилось вместе с делегацией воинов тогда еще молодой Красной Армии побывать в Кремле у Владимира Ильича Ленина. И вот я, комиссар стрелкового батальона, донецкий шахтер Иван Жур, вошел в кабинет Владимира Ильича. Закрывая за собой дверь, я слышал, как стучало мое сердце. Владимир Ильич поднялся из-за стола, подошел к нам, делегатам.

— С дороги? Утомились? Садитесь, товарищи.

Я не сводил глаз с Ильича, стараясь запомнить каждую его черту, каждое движение.

Ильич заложил руку за борт жилета, и его галстук немного приподнялся... Каждое слово Ильича, каждый жест остался в моей памяти на всю жизнь.

Когда Ленин сказал несколько слов о Донбассе, передо мной встал образ нового шахтера, хозяина свободной донецкой земли.

Затем Ильич заговорил о помощи населения красноармейским частям, о продовольственных пайках, раз'яснил, насколько необходима воинская дисциплина и революционная бдительность.

На прощанье Ленин пожелал нам удачи в борьбе и скорого возвращения к мирной жизни, передал привет всем воинам Красной Армии.

Радостные мы вышли из Кремля. Когда проходили Красную площадь, я, как и все делегаты, остановился и долго смотрел на Кремль.

— Какой человек!.. — сказал один из делегатов. — Советская власть в твердых руках.

В батальон, расположенный в прифронтовом селе, я прибыл ночью. Под ногами потрескивала хрупкая ледяная корка. Из вишневого сада выглянула луна, озаряя канавы, домики, церковь. В голубоватом лунном свете обледеневшие ветви деревьев сверкали самоцветами. Лишь изредка слышались разрывы снарядов, напоминая близость фронта...

— Стой! Стрелять буду!

Ко мне подошел патруль. Красноармейцы наперебой расспрашивали о Владимире Ильиче.

— Значит видели Ленина?

— Да, — ответил я, — сбылась моя мечта.

— Расскажите, пожалуйста, расскажите о Владимире Ильиче.

— Человек он необыкновенный. Наш он, народный вождь. Повремените — расскажу все.

В штабе батальона я ознакомился с обстановкой. Узнал, что не только батальон, но и вся дивизия пополнена людьми, оружием, что на рассвете полк должен вступить в бой. Я предложил командиру батальона непременно сейчас же собрать людей, чтобы рассказать им о встрече с Владимиром Ильичем.

— Да люди уже штаб «осаждают», — послышался чей-то голос.

Вышел я на крыльцо и в лунном свете увидел почти всех солдат и командиров своего батальона. Поздоровался с ними и сказал:

— Привет вам, дорогие товарищи, от нашего вождя — от великого Ленина.

— Ленин!.. — общим шопотом пронеслось это великое слово.

За селом вспыхивали и потухали красноватые зарницы, слышались разрывы снарядов, пулеметные очереди.

Я посмотрел в направлении фронта.

— Дни врага сочтены. Ленин зовет нас к победе.

О дисциплине заговорил я, о революционной бдительности; и теперь все, как никогда, понимали большой смысл в этих словах, принесенный в моем сердце от Ленина.

На рассвете батальон уже выступил на боевые позиции. Хмурый осенний рассвет наступал медленно. Мне, как комиссару, приходилось появляться среди бойцов то на одном, то на другом фланге. И вот подполз я к пулеметчику Андрею Приходько, который замаскировался на пригорке и ждал случая испытать убойную силу своего друга «Максима».

— Великая честь нам выпала выполнять план Сталина... Прорвем фронт через Харьков, пойдем на

Донбасс, там нас ждут шахтеры, — заговорил я с пулеметчиком.

— Смотрите, товарищ комиссар, лезут. Вон видите, мутноватые клубки шевелятся.

Глянул я в бинокль и предупредил пулеметчика:

— Приготовиться к бою!

...Над головой взвыли снаряды. В расположении врага поднялись земляные столбы.

— Смотрите, товарищ комиссар, наши артиллеристы деникинцев трехдюймовками угощают! — воскликнул Приходько.

— Для того Ленин и послал сюда Сталина.

Заговорили пулеметы.

— С именем Ленина вперед, товарищи! — раздался призыв. — В атаку!

Неудержимой лавиной двинулся батальон на врага. Дивизия прорвала фронт и начала развивать свое наступление.

Один за другим шли тяжелые боевые дни. На подступах к Донбассу я был весь в напряженном ожидании скорой победы. Часто в бинокль смотрел на терриконы, синеющие на горизонте, инструктировал разведчиков, нередко сам переодевался и ходил в разведку.

В одном из населенных пунктов мы узнали, что впереди стоит замаскированный белогвардейский бронепоезд.

Захотелось мне самому пойти в разведку, больше потому, что местность-то была шахтерская, знакомая.

Мне возражали, но я настоял на своем. Одел поношенный гражданский костюм, положил в мешок картошки и, перекинув его через плечо, глянул на себя в зеркало.

— Ну чем не местный житель? — улыбнулся я. Затем подобрал из добровольцев наиболее подходящих «попутчиков».

В батальоне долго ждали нашего возвращения. Солнце уже цеплялось за терриконы, купалось в разливе яркого весеннего зарева. Над полями поднималась голубая испарина. Весна убрала село молодой пахучей зеленью, ободряла его песнями домовитых скворцов.

Вернулся я с разведки и слышу разговор среди бойцов:

— Самое время сеять бы. Скорее надо кончать с контрой.

— Верно, товарищи, дело говорите, — неожиданно вмешался я в разговор.

— А где же Руднев, Приходько? Неужели погорели? — забеспокоился командир батальона.

Я быстро переоделся и, пристегивая маузер к поясу, сообщил тихо:

— Команду бронепоезда разоружили. Вот что значит шахтеры. Там сейчас шахтерский отряд охраняет станцию. Приходько и Руднев при своем деле на бронепоезде, понимаете? — Белые ждали нас с минуты на минуту, чтобы, значит, покрестить из пулеметов и пушек. Тут где-то толчется их кавалерия, ждет удобного случая. А теперь они сами угодят под эти пулеметы.

Батальон выступил из леса в направлении станции. Пулеметы были расположены по обоим флангам. Из ложбины вылетели эскадроны белоказаков. Ухарски размахивая в воздухе клинками, они на полном скаку принимали боевые порядки. Но неожиданно для них из броневика один за другим снаряды преградили путь коннице.

— Подсыпьте-ка им мелочи! — крикнул я пулеметчикам, видя, что оставшиеся в живых «храбрецы» войска Донского разбегаются, как зайцы...

* * *

Кончилась гражданская война. Я был демобилизован и послан на восстановление Донбасса. В потертой, залатанной кожанке, в побитых на дорогах войны сапогах ходил я по двору шахты, где перед революцией я работал проходчиком. Шахтерские домики с ветхими, проваленными крышами покосились к обрыву, подслеповатые землянки, кривые улицы поселка — все это напоминало мне о каторжной жизни шахтеров до революции. Я подошел к копру, на котором рабочие заменяли негодные переплеты. Меня встретил бригадир слесарей Петр Селезнев, поздравил с возвращением, предложил закурить и, почесывая затылок, сказал:

— Вот загвоздка, Иван Ефимович, болтов у нас нет. Хоть пальцы вместо них закладывай. Они-то есть, эти болты, да не про нашу честь.

— Как не про нашу честь? — удивился я.

— Да тут у одного кустаря целая тонна болтов. Деньги давали — не берет. Говорит: «Что я ими, окна что ли заклеивать буду». Муки требует!

Я взял за локоть бригадира, и мы вместе отправились к обладателю тонны болтов...

Достали болты. Восстановление копра ускорилось.

Созвали рабочее собрание. Одни говорили на собрании о восстановлении шахты, другие — о хлебе. Не удержался я, поднялся на подмостки и то, что кипело в душе, высказал.

Рассказал я о том, что судьба Донбасса в наших руках, будет уголь — будет и хлеб. Тогда я уже слышал слова Ленина: «Уголь — это настоящий хлеб промышленности». Предложил восстанавливать коренной штрек, открывать пласты «Алмаз», «Мария». Попросил добровольцев записываться в мой восстановительный отряд.

В мою бригаду записалось 16 человек. Были среди них и новички, которые недавно прибыли из сел. Мне доказывали, что нужно подождать, пока на шахту придут опытные проходчики.

Конечно, труд проходчика — очень сложный, наиболее ответственный. Проходчик открывает угольные поля...

Но я решил не ожидать, а на месте готовить эти кадры.

В штреке закончили откачку воды. Я организовал три смены, чтобы работать круглые сутки. Начальниками «смен», как я называл их, были назначены Гранкин, Каплунов, Игнаткин.

Взял я топор, зарубил стойку «на карандаш», об'яснил:

— Так надо делать для ее стойкости.

Свой, нигде не записанный, график круглосуточной работы рассчитал так, чтобы проходить 4—5 метров в сутки; начальство планировало проходить по одному метру.

На-гора одна за другой пошли вагонетки с породой.

— После нас здесь будут работать забойщики, —

об'яснял я своей бригаде, — они оценят наш труд, но нужна еще и быстрота. Родина требует больше угля.

Мы начали внедрять новый способ прохождения. Ставили основную крепь, а затем промежуточную. На складе заранее заготавливался крепежный лес. Вместо одной рамы бригада ставила 5—6. Этот метод и сейчас считается передовым на шахтах Донбасса.

Уголь пошел на-гора. Нашу бригаду поздравляли шахтеры с победой.

— Да, с такими хлопцами, как у меня, — сказал я, — землю перевернуть можно.

Я чувствовал, что большое будущее у моих хлопцев. И не ошибся... Гранкин — сейчас управляющий трестом «Красногвардейскуголь», а Бовин — проходчик, известный всему Донбассу.

Нет больше рудника «Старая Италия», на его месте построена новая шахта имени Кагановича. Мощная электростанция с первоклассными механизмами, красивое здание шахты, а кругом высокие жилые корпуса. Сколько здесь, под землею, пройдено нами штреков, квершлагов, стволов... Годы напряженного труда оставили морщины на моем лице, Но, как и раньше, во мне живет жажда труда. И когда наступает выходной день, я одеваю форму почетного шахтера, ордена, медали, иду в общежитие к молодежи, помогаю юношам, которые изучают историю большевистской партии, составлять конспекты.

В один из выходных дней я одел свой почетный мундир и с таким радостным настроением, какого у меня еще никогда не было, собрался итти на свою шахту.

Для моей Натальи Федоровны это не было новостью. Но на этот раз она заметила мое необычное настроение и сказала:

— Ты у меня сегодня, Иван Ефимович, праздником светишься.

— Как же не светиться, — ответил я, — шахтерское письмо товарищу Сталину писать будем.

Тут она меня, конечно, поняла. Чуть ли не до самой шахты провожала.

Собрались это мы, почетные шахтеры, меня удостоили чести записывать шахтерские мысли и переживания.

Облокотился я на стол и пишу. Шахтеры наперебой говорят мне такие горячие слова, каких никогда я от них и не слышал.

Один из них подошел ко мне вплотную и заговорил прямо над ухом:

— Пишите, Иван Ефимович, пишите разборчивей: «Почетные шахтеры кланяются Вам, любимому, самому почетному человеку на свете. Да здравствует родной Сталин!»

Поднял я голову и вижу: парторг среди нас, пришел, значит. Мы ему, конечно, об'яснили:

— Решили, товарищ парторг, написать письмо Иосифу Виссарионовичу о том, что мы приближаем коммунизм тоннами сверхпланового угля.

— Прекрасно! Замечательно! — воскликнул парторг. — А теперь давайте, Иван Ефимович, в клуб, вас народ ожидает.

— А что случилось? — спрашиваю.

— Из области приехали вручать вам орден Ленина. Скажите слово от имени старой подземной гвардии.

Да, у каждого почетного шахтера, которому, как и мне, около семидесяти лет от роду, есть своя интересная дорога жизни.

Записал П. НИКУЛИН.

Е. Ф. КОРОЛЕВА.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

I

Вот уже несколько дней, как отец лежит больной. Я смотрю на его запавшие глаза, обострившиеся скулы и мне нестерпимо жаль его. Я видела, что ему очень больно, но он не стонал и, казалось, никогда не смыкал глаз, все смотрел в потолок землянки. Отца придавило в забое. На него навалился огромный «корж», из-под которого он едва выбрался. Домой его привел стволовой.

— Принимай. Твой, ведь, кормилец, — сказал он матери. — Сильный он у тебя, кость у него крепкая, должен выжить. Приварок бы ему хороший да...

И, не договорив, горестно махнул рукой и быстрым шагом пошел со двора.

Первые несколько дней отец не принимал пищи. Тогда мать принялась тихо плакать у его постели, причитая:

— Что же это ты задумал, кормилец наш? Детей-то ведь сколько... Куда мне с ними?..

А он смотрел своими неподвижными, увеличенными болезнью глазами в потолок и, казалось, не слышал ее причитаний.

Только на третий день отец с'ел немного кулеша. Облизывая деревянную ложку, как и всегда делал, заканчивая еду, он сказал матери:

— Сходила бы за получкой. Нынешнего дня должны платить.

Вместе с матерью в контору пошла и я. Когда подошли к шахте, там уже собралось много рабочих. Одни стояли молча, другие — те, которые уже побывали у окошка конторы, шумели, кому-то угрожая:

— Кровопийцы!

— Последнюю шкуру дерут с рабочего человека!

Кто-то в толпе ругался скверными словами и сыпал такие угрозы по адресу артельщиков, что я в страхе прижималась к матери, утонув в ее юбке. Шум все нарастал, ширился и, не появись в это время артельщик Бушкет, гнев людей разросся бы в настоящую бурю. Заложив руки за спину, артельщик медленно, вразвалку, подошел к конторе. На нем был белоснежный, выутюженный пиджак и круглый, с большим лакированным козырьком картуз. Обросшее темной окладистой бородой крупное лицо его чему-то загадочно улыбалось. Заметив «начальство», толпа разом, точно по уговору, умолкла. Некоторое время молчал и Бушкет, изучая каждого взглядом.

Небольшого роста шахтер отделился от толпы и, не сводя глаз с вытянутой ладони, на которой у него лежали вперемежку серебряные и медные монеты, подошел к Бушкету.

— Что ж это выходит — пять рублей за месяц? — Я видела, как шахтер впился в артельщика острым взглядом, словно хотел пронзить его.

— Чего ж гневаться, землячушечка моя? Сколько заработал — все твое, — проговорил он мягким голосом, улыбаясь и вздыхая. Его глаза щурились и не хотели смотреть прямо.

— Пять рублей, за месяць? Мыслимо ли такое? Семья-то, ведь, у меня, — жаловался шахтер.

— А это уж не мое дело, землячушечка: семья не моя — твоя.

И помолчав немного, неожиданно спросил:

— В лавочку к Обухову, небось, заглядываешь? Водочку в должок берешь, — и захихикал, грозя пальцем, — берешь водочку, вижу. И крупицу, небось, брал и хлеб. А платить что ж — я за тебя буду?

— Не брал, крест святой — не брал, — клялся шахтер, все еще держа монеты в вытянутой ладони, будто хотел, чтобы и это последнее забрал у него артельщик.

Постепенно осмелев, шахтеры окружили Бушкета.

— Вот Караулов — тоже непьющий, — говорил все тот же шахтер и указал на высокого молчаливого рабочего, который стоял тут же рядом. — Караулов в рот

не берет сивухи, все это знают, а заработал меньше моего.

На лицо подрядчика как-будто упала тень. Оно сразу стало угрюмым, глаза метнули искры.

— А ты за других не распинайся, — сказал он. — Другие сами за себя скажут.

И опять к Караулову, со своей сладенькой улыбкой:

— За обушок да за зубок с тебя положено, Караулов? — И сам же ответил: — Положено. И за лопату причитается. А все ведь это денежки стоит. Лопату да обушок мне даром никто не дает. Вот и выходит — получка у тебя вроде б маловата.

— Да уж больно дороги твои зубки да обушки, — мрачно отозвался Караулов.

— Дороги — имей свои, — решительно сказал артельщик, повернулся и валким шагом пошел в контору. Когда Бушкет скрылся, Караулов сказал:

— Собака!

Мать получила в конторе семь рублей. Это — за месяц работы. Спрятав деньги в пазуху, она всю дорогу шла молча, и на ее лице было такое же выражение, как у забойщика Караулова: злое, угрюмое. Я все ждала, что она вот-вот скажет:

— Собака!

...Проходили дни, а отец все еще не поднимался с постели. Теперь вся наша семья жила только на заработок матери. Она мыла полы у конторских служащих и за это получала гривну. Выпадали дни, когда в доме не было даже куска хлеба, и я начинала думать о работе. В один из таких дней не утерпела и сказала матери о своем желании работать на выборке породы. Она с болью посмотрела на меня, вытерла фартуком слезы на глазах и ничего не ответила.

* * *

Управляющим шахтой № 30 был француз Вирте. Я несколько раз видела его, когда он под'езжал к шахтной конторе на линейке с крыльями, выкрашенными в черный лак. Мне никогда не случалось близко подходить к иноземцу. Я решила, что это был самый сильный

человек на шахте, ему все кланялись, уступали дорогу, все о нем говорили шопотом, со страхом, словно боялись, что он может подслушать разговор. И вот к этому человеку мне надо было итти проситься на работу.

Я упала перед управляющим на колени, когда он вышел из конторы. Француз удивленно посмотрел на меня и спросил у сопровождавшего его штейгера:

— Это что еще значит? — Тонкие губы его дрогнули и побелели.

— Просится на работу, — ответил штейгер. — Семья у них большая — семь душ, отца придавило в шахте. Она самая старшая в семье...

Француз резко оборвал его:

— А сколько ж ей лет?

—Одиннадцать.

— Ха, — выдохнул из себя короткий странный звук иноземец. — Интересные у вас порядки, зачем же пускать в шахту детвору?

Сказал и пошел себе.

Управляющий и штейгер скрылись где-то в шахтном дворе, а я лежу и не могу подняться, не понимая, почему мне отказали в работе. Ведь таких, как я, на шахте очень много. Чем же, я хуже других...

— Эх ты, дуреха, — вдруг услышала я чей-то голос и быстро вскочила на ноги, — разве у француза просятся на работу? Шла бы к артельщику. Его это дело принимать людей в шахту. Иди и молись у него.

Передо мной стоял незнакомый шахтер. На запыленном черном лице его блестели глаза и ряд белых крупных зубов. Я вспомнила подрядчика Бушкета, его масленную потную улыбку, ехидное причитание «землячушечка» и то, как забойщик Караулов сказал о нем гневно: «Собака!». И мне вдруг стало так страшно встречаться с артельщиком, что по всему моему телу пробежала ледяная дрожь. Ни слова не ответив шахтеру, я бросилась от конторы в поселок.

Но на другой день я все же пошла к артельщику Бушкету.

— Иди на выборку породы, — сказал он мне, — только ни обувки, ни одежки для тебя у меня нет и не будет.

II

Тяжкий, немыслимо тяжкий труд шахтера. Об этом я знала и прежде, видя, каким отец возвращается с шахты после двенадцатичасового рабочего дня: вконец заморенный, с ввалившимися глазами и вечно молчаливый, будто со своей силой он потратил на работе и все свои слова. Но тогда я со стороны видела, как тяжело работать в шахте. Теперь же каждый день на себе испытывала этот труд.

... Уголь то и дело сыпался с эстакады. Его уже скопилась целая гора. Я выхватываю из нее куски породы, большие и малые, и отбрасываю в сторону. То же самое делают мои подружки. Вот снова высыпали уголь из вагонетки, и черная туча пыли застилает глаза. Она оседает на голову, руки, набивается в уши, в рот. Тяжело дышать, но работать надо. Артельщику Бушкету нет дела до того, что у женщин и детей уже красные от едкой пыли глаза, кровоточат пальцы на руках, подкашиваются ноги от усталости. Не даром же они получают три рубля в месяц. Где еще они могут заработать такие деньги? В деревне у хозяина? Но там тоже не мед...

Когда в первый раз я принесла получку, отец подозвал меня и, гладя мою голову тяжелой ладонью, долго смотрел на меня молча. В его туманных от болезни глазах не было радости. Одна только жгучая душевная боль, и я решила: «Не по душе ему моя работа». Но ничего не сказала.

В то время мне исполнилось 11 лет. Детство! Безрадостным, горьким было оно у меня, как и у всех моих подруг. Да иным оно и не могло быть в то страшное дореволюционное время.

III

То, что случилось на руднике в этот день, удивило и даже немного испугало меня.

Все началось рано утром, перед спуском в шахту. Мимо выборщиц породы пробежал шахтер без фуражки. Размахивая руками, он кричал:

— Кидайте работу! Ни потом, ни кровью штрафы артельщиков не откупишь!

Шахтер бросался всюду, где только были люди, и всем приказывал властно, словно и взаправду он был здесь хозяином:

— Бросай работу!

Он то исчезал за штабелями угля, за железнодорожными вагонами, то снова появлялся. Вначале никто не мог понять, что случилось. А когда шахтер обежал весь шахтный двор и снова направился в нарядную, люди один за другим потянулись вслед за ним. Пошла и я. В первую минуту я пугливо оглядывалась по сторонам. Мне все время казалось, что вот-вот появится артельщик и тогда навсегда прощай шахта.

Рабочие вначале шли робко, с опаской, но вскоре стали убыстрять шаги. Побежала и я.

У шахтного здания шумели, толпились горняки. Казалось, они что-то не поделили между собой. Говорили все горячо, громко, некоторые поднимали обушки и лопаты, потрясая ими в воздухе. Во всей этой разноголосице можно было только ясно расслышать: «штрафы», «шкуродеры». Слова эти были сильнее всех остальных и, как невидимые, но какие-то грозные птицы, кружили над толпой.

Я прислушивалась к голосам, всматривалась в злые лица людей, стараясь разгадать, что же, в конце концов, происходит. И даже не заметила, как очутилась в самой гуще толпы. Несколько минут спустя люди, раскачиваясь, как огромная волна, на одном месте, вдруг тяжело хлынули к шахтной конторе. Несколько раз меня сбивали с ног, но я быстро поднималась и опять бежала, натыкаясь на чью-нибудь спину, то больно ударяясь о рукоятки лопаты или обушка.

Чьи-то зычные голоса резали воздух:

— Закрылись. Бей стекла!

— Живьем тащи француза!

— Прячутся? Найдем!

И вдруг все покрыл глухой удар, а за ним дробный веселый звон. Толпа внезапно притихла, точно испугалась этих неожиданных звуков. Но немного спустя громкие крики, общий шум усилились и широко поплыли по шахтному поселку. Что-то тревожное, грозное и в то же время ликующее было во всей этой разноголосице.

Над толпой все чаще поднимались обушки и лопаты. Иногда их вырастал целый лес, и тогда чудилось, что не один бьет окна конторы, а все разом, дружными сильными ударами.

Так продолжалось несколько минут. Но вот толпа снова, покачнувшись, ринулась к шахтному зданию.

...Груженные углем и порожние вагонетки одна за другой, со всего бега, полетели в ствол шахты. Забойщик Караулов яростно размахивал обушком и все призывал:

— Еще подавай! Еще вагончик, братцы!

Я впервые за все это время увидела Караулова и не могла насмотреться на него. На забойщике была синяя, хорошо выстиранная сорочка, с широко, до последней пуговицы, расстегнутым воротом. Прилипшие к потному лбу темные волосы и округленные, сверкающие какой-то дикой радостью глаза придавали ему грозный и в то же время празднично-торжественный вид. Было похоже, что этот сильный человек справляет какой-то свой праздник и призывает всех веселиться вместе с ним.

Вагонетки одна за другой исчезали в темной пропасти ствола. Оттуда, из глубины, доносились гулкие удары, похожие на взрывы: то вагонетки бились одна о другую, закупоривая ствол.

Бунт длился несколько часов, пока из Юзовки не прибыла казачья сотня и не разогнала шахтеров.

Вечером «Шанхай» был пустынным, безлюдным. Лишь изредка на галопе пробегал казак, стеля по кривым улочкам тревожный топот. Днем по улицам поселка патрулировали полицейские. Они следили за тем, чтобы рабочие не сходились группами и по ночам не жгли свет в землянках и домах. Но я хорошо знала, что в эти дни шахтеры собирались в лесу, в небольшой балочке, о чем-то советовались, что-то решали. Об этом говорили листовки, которые почти каждый день появлялись в «Шанхайчике». Они призывали шахтеров не приступать к работе, стоять на своем, добиваться законных требований.

За двенадцать дней из шахты не было выдано ни одного пуда угля. Вагонетка, перевернутая на верхушке террикона, за все время ни разу не спускалась вниз.

Точно молчаливый свидетель восставших шахтеров, она день и ночь маячила наверху.

День и ночь — все двенадцать суток...

IV.

Проходили годы, а жизнь на шахте не изменялась. Люди, как и раньше, работали по двенадцать-тринадцать часов в сутки, проклинали свою судьбу, хозяина шахты, артельщиков. А они попрежнему штрафовали горняков, обсчитывали, морили тяжким трудом и голодом.

Не изменился и поселок «Шанхай», разве только прибавилось в нем несколько новых землянок, похожих одна на другую. Низенькие, хмурые, они, как-будто боялись солнца. Летом поселок зарастал высоким бурьяном, зимой его заметали глубокие сугробы.

Ничего не изменилось и на шахте. Хозяином ее был все тот же француз Вирте. Как и десять лет назад, он аккуратно в полдень под'езжал к конторе на своей заморской линейке. Работами под землей и на поверхности все также руководили артельщики. Правда, некоторые из них перешли на другие шахты. Их заменили новые. Но от этого ничего не менялось. Был Колупаев — стал Боровой. Артельщика Бушкета заменил Поздняков. Но все они были одного поля ягодки.

В моей же личной жизни за это время произошло немало перемен. Теперь мне было двадцать два года, и я уже была женой саночника Захара Филипповича Королева.

Захар по тринадцать часов в сутки таскал санки. Работал он, не жалеючи сил, покорно, как вол. Возвращаясь домой, он с трудом передвигал ноги. Захар до того уже привык работать на четвереньках, что и, придя с работы, ходил сгорбившись, будто вечно носил на своих плечах непосильный груз. Да недолго пришлось пожить нам вместе. В 1900 году Захара призвали в армию.

Я попрежнему работала в шахте. За это время многих горняков не стало. Одни ушли на «легкие» заработки, других рассчитали за непослушание. Их заменяли все новые и новые. Но ни о ком я так не жалела, как о забойщике Караулове. Его не стало на шахте с той по-

ры, как еще в 1902 году у нас вспыхнул революционный бунт. С того времени прошло уже несколько лет, но образ этого сильного человека на всю жизнь остался в моей памяти.

...Снова с эстакады вагонетка за вагонеткой сыплется уголь. Подхваченная ветром пыль густым черным облаком плывет по шахтному двору, застилает глаза, не дает дышать. На лицах, на руках — всюду темные следы каторжного шахтерского труда. Их не смоют ни вода, ни время. У меня кровоточат пальцы от постоянного прикосновения к жесткой, острой породе. Я обматываю руки тряпкой. Но и это не помогает. Раны продолжают сочиться кровью и нестерпимой болью отзываются во всем теле. Но работать надо. Надо кормить себя, помогать семье. Отец еще кое-как держится на ногах. Но надолго ли хватит у него сил? Что ни день, здоровье его становится все хуже, и надо быть готовой ко всему...

На мужа надежды мало. Не так давно я получила письмо от Захара, в котором он писал, что ранен на русско-японской войне, лежит в госпитале. Вернется ли домой? А если вернется калекой? Что тогда?..

Но к счастью Захар возвратился целым.

Но не долго длились первые радости. Потянулись опять такие же, как и раньше, хмурые, полные постоянных забот и тяжелого труда дни, молчаливой покорности перед судьбой.

Захар так же, как и до войны, работал на шахте саночником и получал за упряжку 70 копеек. А семья все росла. Родилась дочь, дали ей имя Елизавета. Спустя два года появился сын Николай, а за ним третий ребенок — Семен. Теперь мне приходилось быть домашней хозяйкой и работать на шахте.

Бывало, станешь просить артельщика отпустите, христа ради, хоть на часок: ребенок, небось, зашелся от крика без материнской груди. А тот и слушать не хочет. «Нет мне дела до твоего ребенка, — станет кричать, — не пущу, и делу конец». А как бросишь работу? Уйдешь, а на другой день на твое место другую примут. Спасибо, люди — нет-нет, да и принесут на шахту дитя. Кормишь и оглядываешься: не заметил бы артельщик, не накликать бы на себя новой беды.

Как-то в полдень подняли из шахты ушибленного шахтера. Его вынесли на носилках. Все, кто был поблизости, окружили несчастного, стали угадывать: кто бы это мог быть? Подошла и я. Человек лежал неподвижно.

— Саночник, — определил кто-то мрачно. И у меня оборвалось сердце. Я подошла ближе. И узнала.

— Захар! — вскрикнула и без сил повалилась на носилки...

Захару помяло в шахте ребра и что-то отбило внутри. Но он еще был жив. Он был не первый и не последний, кому шахта нанесла тяжелое увечье. Не было того дня, чтобы из-под земли не выносили кого-либо мертвым или искалеченным на всю жизнь. Шахтеры каждый час ждали обвала или еще какого-нибудь несчастья, каждую минуту были под страхом смерти.

«Шахтер в шахту опустился,
С белым светом распростился...»

пели тогда горняки. Эта и другие песни, пословицы и поговорки шахтеров того времени были подсказаны самой жизнью, каторжной работой.

Четыре года пролежал в постели мой Захар. Сильное молодое тело саночника упорно боролось с недугом. За это время мне удалось перейти на другую работу. Теперь я была ламповосом. Нелегкий был и этот труд. Нагрузившись «шахтерками», я разносила их по забоям, пробираясь темными, заболоченными штреками. Когда в штреке проносилась партия вагонеток, груженных углем, я в страхе прижималась к холодным, мокрым стенам, ждала, что вот-вот вагонетки зацепят, собьют с ног, сомнут под колесами.

Три года проработала я ламповосом. Хоть и тяжелый был этот труд, но я видела — без него не обойтись горнякам. В шахте без света, что без глаз. Случится — погаснет у забойщика шахтерка, и кромешная тьма стеной окутает его. Ни работать, ни выйти из забоя. Сиди, точно в яме. Я на всю жизнь запомнила, с какой, бывало, радостью встречали меня шахтеры, когда я приходила, увешанная лампочками, словно светлячками, в этот подземный мир вечной темноты.

— Свет-Евдокия идет, — кричали шахтеры и бежали ко мне навстречу радостные, словно к своему избавителю.

Но все же эта профессия не совсем устраивала меня. Хотелось иметь дело с горняцким трудом. Это давало больший заработок, и к тому же это была действительно квалификация. А с квалифицированными рабочими, хоть немного, все же считались артельщики, не увольняли их без разбора, как других.

Проходит еще полгода, и я теперь работаю на плитах, потом в забое на погрузке угля. Это уже был настоящий шахтерский труд. По двенадцать, а иногда и по четырнадцать вагончиков нагружала в смену. Не всякий мужчина нагрузит столько угля. И некоторые не то с завистью, не то со злобой говорили мне:

— Куда торопишься? Артельщику угождаешь? Небось, отблагодарит, жди...

Но я и не думала никому угождать и ни от кого не ждала благодарности. У меня было трое детей, один другого меньше. И вот уже четыре года, как лежит в постели больной муж. На всю семью только одни мои руки. Поневоле станешь трудиться до седьмого пота.

Однажды кто-то из шахтеров посоветовал мне выхлопотать у француза Вирте пособие для больного Захара.

— Не даст, конечно. А все же — попытай счастья.

Как и в далеком детстве, я встретила управляющего у конторы и упала ему в ноги. Рыдая, я об'яснила свое горе. Француз стоял молча, холодно, с нескрываемой досадой разглядывая меня.

— Королев, саночник? — с трудом вспоминал иноземец. — Что-то припоминаю. А разве он еще не умер? Удивительно живучие люди, эти русские! — зло проговорил Вирте и хотел было уйти, но я снова упала на колени, преградив ему дорогу, рыдая.

— Да чего же ты хочешь от меня, баба! — крикнул он. — Денег? Денег у меня нет!

И Вирте, как и тогда, много лет тому назад, обошел меня и, не оглядываясь, пошел своей дорогой.

Спустя несколько дней я обратилась с такой же просьбой к штейгеру шахты. Тот сжалился, выдал... три рубля. Это и все, что я получила за четыре года болезни мужа.

Деньги эти пригодились на похороны Захара, который в скорости скончался.

V

Женщина-забойщик. Кто из откатчиц, плитовых, выборщиц породы не мечтал в то время об этой заветной квалификации. Многие, конечно. Но не каждой выпадало счастье стать забойщиком. Долгий и тяжелый лежал путь к этой профессии. Я, горнячка, шла к ней годами, надрываясь в каторжном труде, перенося лишения, надругательства артельщиков. Но все же не переставала думать об этой квалификации, будто там, в забое, ждала меня лучшая жизнь, облегченный труд, другой — посытнее — кусок хлеба. То, что забойщики зарабатывали больше других, об этом знали все. Но в то же время труд этот был тяжелым, нечеловеческим. Это также ни для кого не было секретом.

За долгие годы работы в шахте я привыкла к тяжелому физическому труду. Но труд забойщика изматывал последние мои силы. Отработав смену, я едва добиралась домой. Тело болело такой несносной болью, будто всю меня жестоко избили. Однако прошла неделя, другая, и я втянулась, привыкла к новой профессии и уже работала не хуже других забойщиков. Заработок же мой был всегда наполовину меньше, чем у мужчин. Труд женщины-шахтерки оплачивался тогда вдвое, а то и втрое меньше труда мужчины. Но все же это был заработок, не сравнимый с заработком выборщицы породы или ламповоса.

Я сама точила зубки, сама их закаляла на огне и сама же мастерила рукоятки для обушка. Да так поступал каждый, не я одна. Известно, что не всяким обушком будешь рубать уголь, прежде его надо подогнать к рукам, приловчиться к нему. Иной раз обушок на вид будто и хороший, все в нем на месте, а станет забойщик рубать — плывет, скользит он в руках, пальцы не срастаются с рукояткой. А надо, чтоб срастались, чтобы обушок и руки были одно-единое, тогда в нем сила большая и под его ударами уголь отваливается целыми глыбами. На первый взгляд ремесло забойщика не особенно мудрое. Но труд этот требует опыта, сноровки и хорошей силы. А откуда эта сила могла взяться у меня? Если и было ее немного, то надолго ли могло хватить? Поэтому я больше брала уменьем.

Уже в то время я, еще молодая женщина, была похожа на старуху. Скорбные резкие морщины сплелись на моем лице. И без того невысокого роста, согнутая тяжелым трудом, я казалась совсем маленькой. Однако в движениях была всегда проворной, быстрой. Вечная нужда, постоянные житейские злыдни заставляли меня крутиться, как белку в колесе.

...Пришла Великая Октябрьская революция. Но еще два года шла ожесточенная борьба — то приходили свои, красные, то появлялись деникинцы, казаки, петлюровцы, побывали и немцы в серых мундирах. Всех их изгнали. Укрепилась советская власть, зажили поновому.

Разрушили старые казармы-клоповники. На их месте построили хорошие общежития. В то время я не работала в забое. «Не женский это труд, — сказали товарищи, — для женщин найдется другая работа, полегче». Меня сделали стволовой. Рабочий день уже был не двенадцать, а только восемь часов.

Дети стали ходить на детскую площадку. У меня нашлось свободное время. Куда его девать? Пойти в общежитие, посмотреть, как люди живут? Пошла... Конечно, много лучше, чем в казармах-землянках, но все же нехорошо. Рабочие, как приходят домой в шахтерках, так и ложатся в постель. Поговорила с подругами и соседками-домохозяйками, и взялись мы за дело: стирали белье, мыли полы, окна. Не за деньги... Свои ведь люди.

Общежитие нельзя узнать: постели чистые, аккуратно заправленные. С того дня каждый день приходила я в общежитие, чтобы поддерживать порядок... Затем построили больницу, и опять пришли мы, женщины, и до поздней ночи наводили тут чистоту, порядок, уют.

Как изменилась жизнь шахтерская за годы сталинских пятилеток! Механизмы, врубовые машины, отбойные молотки. Благоустроенные поселки с хорошими домами, больницами, школами, детскими садами, яслями, библиотеками... В Рутченково праздник: выстроили Дворец культуры — большое, красивое здание. Какие залы! Какая роскошь!

Природа и та изменилась. Раньше поднимаешься из шахты и куда ни взглянешь — кругом степь да степь —

ни деревца, ни кустика... Посадили кустарники, деревья, стали разводить фруктовые сады. Сколько кустов высадили своими руками, сколько деревьев! И каких только деревьев не было в рутченковском саду: разные сорта яблонь, груш, вишен и черешен, слив и абрикосов.

Жизнь, как сказка... Сыновья учатся, они будут образованными, культурными. Так зажили в советское время, что и во сне не снилось.

...Мне уже шестьдесят три года, пора бы на покой. Натрудились мои руки за долгую жизнь вдоволь. Но началась война, пришла страшная гроза, которая может смести с лица земли все, что было сделано за счастливые советские годы. Глубоко в сердце вошли слова великого Сталина, сказанные им 3 июля 1941 года... Надо браться за работу: я везде — на шахте, в общежитиях рабочих, в клубах, в военкомате, на призывном пункте. Выступала перед мобилизованными. Прощаясь с бойцами, давала им материнское напутствие: «не жалея себя, отстоять Родину».

Гитлеровские полчища ползли в глубь страны. Каждый день радио приносило тревожные вести...

Тридцатая шахта, на которой я провела всю свою жизнь, давала столько угля, сколько никогда не давала, но уголь некому было грузить. Надо поднимать домохозяек. Триста женщин день и ночь работают на погрузке угля.

Тяжело оставлять все нажитое гитлеровским захватчикам. Ценное оборудование, материал, уголь отправили. Но дома ведь не погрузишь на платформы. И сады не перенесешь на новые места... И угольные пласты не перетащишь...

Дальняя дорога в Караганду: там добываю уголь, чтобы им бить по врагу.

Обосновалась на шахте № 20-бис, одной из крупных шахт Караганды. В клубе собралось около 400 женщин. Многие из них недавно отправили на фронт мужей, сыновей... Все единодушно решили пойти работать в шахту: «здесь, на шахте, мы будем с немцами воевать». Создали бригады домохозяек. Я обучала их горняцким профессиям. В первую же неделю, всем на удивление, навалоотбойщицы-домохозяйки Муханова, Рахабаева,

Макажанова и другие выполнили производственные нормы на 150—200 процентов. Сама работала навалоотбойщицей... Трудная жизнь: во всем нужда, жили тесно, но дружно. Иногда приходилось работать по две смены в сутки. Но не унывали — верили в победу. И эта вера давала силы.

...После тяжелого рабочего дня шли строить детские ясли, детские площадки, наблюдать за порядком в общежитиях, следить, хорошо ли готовят в столовых. К нам на шахту приезжают советоваться, как организовать работу женских бригад, как построить детский дом... Часто выезжали на соседние шахты. Всюду — русские и казахи — встречают нас с почетом и уважением.

...Почти два года прожила в Караганде. Не жалея себя, трудилась, чтобы приблизить час победы. И вот пришла долгожданная весть. 8 сентября 1943 года гитлеровские банды окончательно выбиты из Донбасса.

...Двадцать два месяца оккупанты хозяйничали в Донбассе. Из газет, из сообщений по радио я знала, какое разорение произвели захватчики в моем родном крае.

Сначала поезд шел по казахским степям, затем пересекли реку Урал и Волгу, севернее Сталинграда. Проезжали по местам, где проходила война, и видели страшные разрушения. «Неужто и наш Донбасс так разорен?» — спрашивала я себя.

Я была подготовлена к самому худшему. И все же, когда проехала по улицам города Сталино, когда по круто идущему вверх шоссе добралась до Рутченково, сердце мое, видевшее много горя, сжалось от боли. Я заплакала... Горько, обидно, тяжко было видеть это разорение.

...В приемной секретаря обкома партии Леонида Георгиевича Мельникова сидело много народу: партийные работники, хозяйственники. Когда я вошла, на меня все обратили внимание. Я попросила, чтобы обо мне доложили секретарю обкома. Через несколько минут он вышел из кабинета. Мы обрадовались неожиданной встрече, расцеловались. Я слышала, как ожидавшие приема, спрашивали друг друга:

— Кто это? Мать?

— Да это же, наверно, Евдокия Федоровна Королева. Должно быть, сильно я изменилась, раз не узнавали меня люди.

— Ну что, насмотрелись? — спросил Мельников.

— Лучше бы мои глаза не видели этого..

— Это уже напрасно. Пока мы живы, все возродим. Самое ценное, самое дорогое теперь — люди... Энергичные, любящие наш край люди.

Я улыбнулась. «Кто же еще так любит этот край?»

— С чего начинать будем? — спросила я.

Секретарь обкома начал издалека.

— Вот и мы, когда приехали, спрашивали себя: с чего начинать? Тогда это было действительно трудно решить. А теперь яснее...

Подробно рассказывал секретарь обкома о том, как началось восстановление, что сделано и какие планы на ближайшие месяцы, недели, дни.

— Начинать надо вот с чего, Евдокия Федоровна: поднять народ, чтобы хорошо встретить весну... Восстановить зеленое кольцо вокруг города и шахт, посадить огороды, позаботиться о садах, о том, чтобы было чем кормить шахтеров.

Я слушала его внимательно. Но когда он кончил, я не сразу ответила.

Мельников спросил:

— Так вы согласны или...

Я не дала ему договорить:

— А как же насчет угля? Что с нашей тридцатой?

— Шахта № 30 назначена к восстановлению в первую очередь. В ней много воды, она сбита с челюскинской, семнадцатой. Водоем получился большой, по подсчетам там пять миллионов кубометров воды, ее скоро не выкачаешь... Пока будем понемногу брать уголь из боковых шурфов. До верхних пластов доберемся через маленькие шахтенки. Небось, уже видала такие?

— Видела... Стало быть, все с начала начинать? А сколько лет строили...

— А восстанавливать надо быстро. По указаниям товарища Сталина нам большая помощь оказывается. Вот уже Зуевка дала ток... Но работать придется много, упорно...

— Понимаю... Сделаем все...

Я пробыла в кабинете секретаря обкома долго и вышла от него более уверенная в своих силах.

В тот же день я обошла все Рутченково, всматривалась в лица людей; останавливала знакомых.

— Как живете?

— Сама видишь, Евдокия Федоровна, какая жизнь. Все разорили изверги, все изничтожили. Не скоро, видать, заживем снова.

— Не скоро, говориш? Вот и неправда... Нам бы только взяться.

— А за что раньше браться-то?

— За что браться? Тут и гадать нечего. Надо взяться за огороды... Весна ведь. Каждый день дорог. Народ изможденный, подкрепить его надо. Надо постараться, чтобы возможно раньше поспели свежие овощи. Как там с нашими парниками?

— Какие там парники? Видала, ни одно стеклышко не уцелело. А где его возьмешь стекло? Теперь оно на вес золота.

— А может быть на парниках как раз и уцелело? Чем чорт не шутит.

Я нашла верных помощниц-активисток из среды шахтерок и жен фронтовиков. Это были: Африкана Сосновская — мать двух офицеров Красной Армии, Феня Теплова, Евдокия Александрова, Домна Фролычева — такие же потомственные шахтерки, как и я сама. Они пошли по домам, созывали народ, помогли найти семена.

Надо было подумать о поливе.

С водой было плохо. Тяжело было бы таскать воду для огородов за 3—4 километра. А тут, как на грех, солнце начало нещадно палить, и ни капли влаги.

В это время на шахте № 17—17-бис приступили к откачке воды. Это делалось совсем иначе, чем на других шахтах. Восстановили под'емную машину, одну из самых мощных в Донбассе, но до угля еще было далеко — он был под водой. Тогда по инициативе старого рутченковского шахтера Собченко машину приспособили, чтобы в скипах поднимать воду. Кое-кто посмеивался: «Ложкой море вычерпать хотят». Но подсчеты показали, что это не так, что этот метод выгоднее и проще насосной откачки.

Из окна дома, где я жила, видно было, как качают воду. Часто смотрела в окно: качают, стараются. Только не уголь идет еще из шахты, а вода...

— Вода?! А что если эту воду пустить на огороды,— подумала я. — Ведь поток сильный, точно река в половодье. Придется прорыть русло, понадобятся трубы... А сгодится ли эта вода?

Я отправилась на шахту. Рассказала обо всем, что продумала в эти дни. Посовещались, нашли специалистов, определили состав воды. Вода оказалась очень полезной... И назавтра люди вышли на работу. Шахтная вода нашла применение. Урожай в том году собрали обильный.

...Рутченковский сад. Здесь мне знакомо было каждое деревцо. Много деревьев в нем погибло. Гитлеровцы вырубали фруктовые деревья для топки.

Я пошла в школы к старшим ребятам, переговорила с ними, призвала пойти работать в сад, мое предложение было принято восторженно.

И в сад пришли настоящие хозяева.

...Дел нашлось сразу много. Но над всеми ними стояла главная забота: как поднять добычу угля.

На собрании рабочих начальник шахты докладывал о планах восстановительных работ, нехватало инструментов. Я предложила начать сбор инструментов по домам: «У каждого в доме что-нибудь да сбереглось». На другой же день было сдано 120 грабарок, 115 подборных лопат, 150 шахтерских лампочек, много отбойных молотков, буров, шпуров, зубков... Это был первый вклад женщин-активисток в дело восстановления шахты.

Женщины также работали на закладке фундамента для шахтного копра и под'емной машины. Строительных материалов было мало и транспорта нехватало. Известь и песок имелись на шахте № 2—7 «Лидиевка» — туда шесть километров. Женщины привезли свои тачки и стали подвозить материалы. День и ночь возили, возила и я.

Когда строительного материала накопилось столько, что можно было приступить к закладке фундаментов, создали бригаду каменщиц. Фундамент сделали прочный. Комиссия, принимавшая его, дала произведенным работам высокую оценку.

...В небольшом домике на окраине поселка Рутченково, в шахтерском клубе чествовали старого шахтера Демьяна Илларионовича Пирожкова. С Пирожковым мы почти ровесники.

Выступали старые шахтеры и молодые — ученики юбиляра, представители райкома партии, профсоюза, разных общественных организаций. Взяла слово и я.

— Мы вместе с Демьяном Илларионовичем не один пуд соли с'ели. Несмотря на свои старые годы, он вернулся на шахту. Правильно поступил. Не мог иначе поступить советский человек. Он — настоящий горняк — рутченковец. Из нашей Рутченковки много хороших людей вышло. На наших шахтах работал руководитель украинских большевиков Никита Сергеевич Хрущев. Здесь воспитывался известный горняк Егор Трофимович Абакумов. Отсюда вышли сотни инженеров, техников, передовых людей... Но то все было... Теперь начинаем сызнова, а людей маловато осталось... На нас, стариках, большая ответственность: подготовить новую армию горняков, передать им не только свой опыт, но и наши шахтерские традиции. Демьян Илларионович обучил много новичков, за это ему спасибо. Но это капля в море. К нам должны приехать новые пополнения из Винницкой области, с Черниговщины. Как мы их встретим, как мы их примем?! Что сделаем, чтобы им шахтерское дело полюбилось?

...Поезд пришел поздно вечером. Станция Рутченково была едва освещена. Приехавшие выглядывали из окон и дверей, стараясь рассмотреть, куда же их привезли. И вдруг загремела музыка. Это общественницы организовали встречу.

А утром пришли в общежитие знакомиться с народом. Среди приехавших было много девушек. Со всеми перезнакомились, расспросили, как отдыхали, чем недовольны. Я сразу заметила тех, кто держал себя бодро и уверенно, и тех, кто нуждался в добром слове, в ласке. Ими-то и занялась.

Рассказывала о старой шахтерской жизни и как жили до войны.

Девушки с большим вниманием слушали, расспрашивали:

— А в шахте страшно, темно?

— Темно — это верно! На то лампы даются — «шахтерки». А страшного ничего нет. Это раньше страшно было, когда хозяевами были французы да англичане. Они ни о чем не заботились, кроме как о своей прибыли. Человеческая жизнь им была нипочем. А советская власть людьми дорожит. Труд наш оберегается. На случай чего, спасатели всегда наготове. Это не то, что раньше. Да вы не бойтесь, я сама с вами в шахту спущусь...

Теперь на шахте выросли новые кадры. Они болеют за свою шахту, как за родную. Да и шахту не узнать. Она полностью восстановлена. Все новые и новые горные механизмы поступают к нам. Во всем чувствуется забота нашего великого товарища Сталина о нас, шахтерах. В конце мне хочется сказать моим сыновьям и внукам-шахтерам:

— Мне шестьдесят восемь лет, дети мои, но я еще сильная. Силу эту дает мне моя любовь к большевистской партии, к великому Сталину, моя преданность народу. Любите свою советскую Родину, и вы всегда будете такими же бодрыми и жизнерадостными, как я. Всегда будете способны к большому труду.

Записал П. ЧЕБАЛИН.

П. М. КУДРИН,
Почетный шахтер.

ДВЕ СУДЬБЫ

Пятьдесят лет хожу я в шахтерском звании.

Иногда говорят: о прошлом вспомнить приятно. Смотря какое прошлое.

Сам я новочеркасский. Было нас трое братьев у отца. С семи лет определили меня батрачить к богатеям. Хуже собаки жил. В голоде и холоде. Всегда в страхе — потому, что били меня. Не вынес такой жизни — удрал, куда глаза глядят.

Многие тогда шли в Донбасс на заработки, гнала нужда. Помню, мать сказала на дорогу:

— Куда пойдешь? Некуда нам итти... тяни здесь лямку, как и дед и отец, — но я ушел.

Шел и слышал от людей: уголь под землей ломают. Тоже кусок хлеба заработать можно. Подался и я на шахты.

Как-то остановился на ночь у одного шахтера. Это неподалеку от Алчевских рудников. Помнится, жил он в землянке, плохо жил.

— Зря ты, парень, — говорит он мне, — пришел сюда. Лучше уже в петлю, если деваться некуда.

Долго рассказывал о своей жизни. Посоветовал мне пойти на новую шахту. Кошкин хозяин ей был. Большой мерзости человек.

Посмотрел на мою перелатанную одежонку штейгер и ну щупать меня, как скотину. Но, видимо, доволен остался. Крепкий я был.

— Спускайся, — говорит, — в шахту.

— А оплата какая будет? — спрашиваю.

— Не разговаривай, — закричал он, — смена ждет!..

Спускались тогда в шахту в бадье. Черная такая, большая бочка. Качнулась она, загремела железная цепь. Пошла вниз, в сплошной кромешный мрак. Глянул

наверх — только и увидел кусочек неба. Страшно мне стало.

***

Вот так я стал шахтером.

Молодежи нашей это на диво. Шахтерским званием нынче дорожат, гордятся. А тогда нас и за людей не почитали.

Бывало, спустишься в шахту и проклинаешь свое рождение.

В первое время в мои обязанности входило подносить крепежный лес, подгонять по размеру стояки. Ну, а иногда уголь насыпать в санки. Иначе говоря, что велит десятник, то и делаешь.

Учение одно было — зуботычина и ругань.

Через год меня саночником сделали. Вы об этой профессии и знать не знаете. А меня в дрожь бросает, как вспомню. Целый день на карачках таскали мы эти санки, как лошади. От санок цепь тянулась, которую пропускали между ног к лямке, или, иначе, хомуту. А чтобы лучше упор был, подковы придумали для людей. «Бузлук» назывались.

Десять лет подряд таскал я эти санки, не выходя из шахты по 12—15 часов.

В тогдашней шахтерской песне так говорилось о нашей судьбе:

«Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.
Он в бадеечку садился —
С белым светом распростился.
Шахтер рубит со свечами,
Носит смерть он за плечами,
Позади она стоит
День и ночь ему грозит...
Вот такая жизнь шахтера —
Только слезы и тоска.
Нет отрады, одно горе, —
Жизнь шахтера коротка...

Не видели мы белого света.

Шло время — женился я на глейщице с нашей шахты Феодосии Семеновне.

Было у нас шестеро сыновей и две дочки. Жили трудно. Ходили в отрепьях. Всегда голодные. Вспоминать страшно.

Хотелось сыновьям учиться, да куда там! Нельзя было и копейки оторвать от нашего заработка. Так один за одним и дети в шахту спустились.

Вскоре и братья мои ушли из деревни на шахту. Двое из них — Константин и Иван — тоже всю жизнь работали саночниками, Арсентий — чернорабочим на Алчевском заводе. Старший сын мой — Семен начал с того, что и я.

За всю жизнь дореволюционную не помню я, чтобы когда-нибудь мы собрались вместе. Письмо написать сами не умели — ходили просить конторщика.

Шахты Изваринские стоят на пригорке. Ни деревца, ни куста тут не было. Только ветер поднимал тучи пыли на дороге. Домов здесь, кроме двух-трех, где жили хозяин и инженеры, и в звании не было. Одни землянки. Да и те битком набиты шахтерами.

По три-четыре семьи ютились в одной землянке, кое-как перегороженной досками. Страшные землянки были. Отапливали их угольным костром, а дым выходил прямо в пустое отверстие крыши. Зимой земля оттаивала, и сквозь доски в землянку плыла грязь.

Ни бани, ни больницы в поселке не было. Из шахты выходили пропыленные до костей, даже умыться негде было. «Негритянским царством» назвал дореволюционную шахту известный писатель Серафимович. Истинная правда!

Несчастье тогдашней нашей горняцкой жизни и представить невозможно. Жили мы просто в силу человеческой живучести...

Много мучительно страшного пережил я до Октябрьской революции. Рассказывать об этом неохота. Но хочу я только, чтобы вы оценили и еще раз почувствовали, в какую большую эпоху жить вам довелось.

До сих пор хранится у меня небольшая потрепанная книжонка, берегу ее как свидетельство нашей дорево-

люционной судьбы. Это так называемая расчетная книжка для рабочих каменноугольных копей. Издана эта книжка хозяевами шахт — бельгийскими капиталистами. Кроме всего прочего, значатся в ней нормы поведения горняка, «высочайше утвержденные законы».

Они, эти «законы», вполне разрешали хозяину нанимать несовершеннолетних детей на шахту, в любую минуту выбросить рабочего по волчьему билету, оштрафовать его, даже избить...

Между прочим, здесь прямо сказано, что горняк имеет право уйти сам от хозяина в таких случаях: в следствие побоев, тяжких оскорблений и вообще дурного обращения со стороны хозяина, его семейства или лиц, коим вверен надзор за рабочими.

Яснее ясного, закон предусматривал, а значит и разрешил хозяину такое обращение. Если не нравится — уходи.

Здесь же сказано, что за «дурное» поведение и «нарушение должного порядка» хозяину предоставляется неограниченное право налагать на рабочих денежные взыскания и другие наказания. Нарушением же порядка считалось: «непослушание, устройство игр, нарушение тишины при работах, несоблюдение правил внутреннего распорядка».

Кроме «законов», были еще правила, которые устанавливал по своему усмотрению сам хозяин.

Как крепостные, выходит, жили горняки. За бессловесных животных нас считали.

У нас штейгер, немец, говорил:

— Хочешь быть хорошим рабочим — бери пример с лошади в шахте: она послушная и слепая.

Дальше в книжке говорится: «Распоряжение заведующего промыслом и наложение на рабочих взысканий обжалованию не подлежит».

Значит, и пожаловаться некому было.

Охраны труда, конечно, и в помине не было. Увечья и смерти случались каждый день. Об этом сказано здесь так: «Владелец предприятия освобождается от обязанности вознаграждать рабочих или членов их семейств, если докажет, что причиною несчастного случая были

злой умысел самого потерпевшего или грубая неосторожность его». А доказать это он мог всегда.

В этой же книжке помещен специальный «табель денежных взысканий», иначе говоря, штрафов. А налагались они «за дерзкое обращение с начальством», «за непослушание начальству», «за нарушение во время работы тишины и порядка», «за несоблюдение чистоты и опрятности в семейных помещениях» (это в землянках-то!) и за целый ряд других «проступков».

А чтоб горняки не вздумали сами искать защиты от нечеловеческих условий, в книжке приводилось извлечение о наказаниях уголовных. Здесь прямо сказано: «за прекращение работ с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий, виновные подвергаются аресту...»

Вот они, наши «права», в старое время.

Собаке у хорошего хозяина куда лучше приходилось. Горько жили.

Три раза на Изваринских шахтах я был у порога смерти, дважды был затоплен, один раз меня завалило...

Однажды приказал мне хозяин Кошкин взорвать перемычку.

— Ты, Кудрин, — говорит он, — шахтер бывалый. Послужи — отблагодарю.

Я уже говорил вам, что о технике безопасности на шахтах до революции меньше всего думали. Человека и в грош не ставили.

Не помню уже, как это вышло, но произошел большой завал. Очутился я живым в могиле. Четыре дня пробыл под землей, пока откопали. Что пережил — не перескажешь.

А тогда еще среди темных шахтеров ходило поверие о том, что в шахте живет «Шубин». Мысль о нем четыре дня в завале меня преследовала.

О «Шубине» — подземном человеке — рассказывали. Давно когда-то, — говорили старики, — в шахте случился пожар. Хозяин приказал замуровать этот участок. Замуровали. Когда хватились, а по ту сторону остался

один шахтер по фамилии Шубин. Ну, люди кинулись: давай спасать человека. А хозяин с кулаками:

— Не ломать! Попался дурак и пусть горит.

Потужили люди и вышли из шахты. Да только с той поры в шахту боялись итти. Работать стало невыносимо. Шубин стал казаться везде, пугал людей.

Разное говорили. То кто-нибудь «увидит», как Шубин седой, измученный и обгоревший грозится побить, то «заметят», как он в забут или в породу уходит. А другие даже «слышали», как Шубин ругал их за то, что голову ему обушком пробивали.

С голоду да от страха, что и себе умирать придется под землей, стал Шубин и мне тогда казаться.

На исходе четвертого дня откопали меня. Вышел я на поверхность, вздохнул свежим воздухом и упал без памяти.

Видите, нос у меня перебит, руки и грудь изуродованы. Это тогда все случилось. Так и лежал возле шурфа в крови. Все думали — не выживет Кудрин.

Жена — к хозяину. Подводу просит в больницу — на нашей шахте тогда и поганенькой аптечки не было. Кошкин и слушать не захотел. Выгнал жену из конторы.

— Пусть сдыхает, — закричал вслед, — он мне одних убытков наделал.

Вот она какова хозяйская «милость»...

В старое время на шахтах рабочих били. Бил сам хозяин. Бил штейгер. Били полицейские. Помню, дружок у меня был, Сергей Климов. Тоже саночником работал. Прихворал он как-то, на работу не вышел. Вваливается к нам в землянку штейгер Богомолов. Сущая собака был.

— Почему лежишь? — кричит на Климова.

— Болен, — говорит тот.

— Ах, болеть изволил!..

Да тут же по уху и двинул. Навек глухим сделал человека. Да еще и оштрафовал за прогул.

А жаловаться куда пойдешь?

За работу нам часто ордерами платили. Здешние мелкие лавочники, торговавшие разным хламом, а больше всего сивухой, ордера наши брали за полцены. Заработок пропадал. А тут еще и штрафы. Почти не про-

ходило недели, чтобы штрафов не высчитывали. Штрафы часто были больше заработка.

* * *

Только Октябрьская революция спасла нас. Ушло навсегда проклятое прошлое! По-новому зажили шахтеры.

Сейчас идет 1949 год. Тридцать второй год со дня моего второго рождения.

Сам я и шестеро моих сыновей завоевывали себе новую, светлую жизнь.

Еще в 1905 году принимал я участие в первой стачке на шахте. К тому времени хорошо знал, что есть у нас партия большевиков. Хорошо помню, как мы читали подпольную большевистскую газету, как проводились на нашей шахте тайные собрания, где мы читали большевистские листовки.

Смысл их на всю жизнь запомнился: долго ли будем терпеть рабство? — писалось в них, — нести на себе ярмо капитала? Долго ли будет продолжаться наша бесправность. Когда настанет конец рабству?

Горячо говорили мы об этом в своих землянках, в забоях. Росла наша революционная сознательность.

И наконец — пришел час. Известие о революции молнией облетело Изварино. Как сейчас, помню утро, когда над копром взвился красный флаг. Мы смотрели на него, как на восход солнца...

С первых дней гражданской войны отправили мы старшего сына Семена в Красную Армию. Был он на бронепоезде. Там стал коммунистом.

Вернулся Семен с фронта и говорит:

— Ну, наша взяла! А теперь, отец, за работу, за работу теперь!

С тех пор в шахту иду, как на праздник. Неузнаваемым делался наш Донбасс с каждым днем.

Сталинские пятилетки дали нам механизмы. В корне изменилась жизнь. И сами мы стали не те. Другими глазами и на жизнь и на труд смотреть стали.

Вот они наши шахты-красавицы! Все это мы построили еще в первую пятилетку. Что тут осталось от старого? Одно название только: Изварино.

Из окна моего дома (30 лет, как вышел я из землянки) виднеется большое белое здание. Это школа-десятилетка. Там учатся мои внуки.

Рядом — наш горняцкий Дворец культуры. Немного дальше — баня, больница, радиоузел, универмаг... На пустыре вырос целый городок шахтерский. Под фундаментом остались проклятые землянки.

Спуститесь теперь в нашу шахту! Посмотрите на врубмашины, на струги, на комбайны! Всем оснастили Донбасс наша большевистская партия, советская власть, родной товарищ Сталин. Спасибо дорогому Иосифу Виссарионовичу за это и земной ему поклон шахтерский, особенно от нас, стариков.

* * *

55 лет проработал я под землей... А вот шахтером, добывателем света и тепла для людей, почувствовал себя только в годы советской власти. Сейчас с гордостью могу сказать про себя: я, шахтер, достоин уважения. Советская власть, наша родная коммунистическая партия дали мне знания.

После революции и до самой последней войны я работал горным мастером.

На всю жизнь мне запомнился день 20 января 1930 года. Тогда мне в торжественной обстановке в присутствии всех горняков и всей моей большой семьи вручили дорогую грамоту. Вот, что записано в ней:

«За неустанную работу на фронтах освобождения и восстановления каменноугольной промышленности Советского Донбасса, за труды, проявленные в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи и за непрерывное участие в строительстве каменноугольной промышленности Донецкого бассейна—Всесоюзное об'единение каменноугольной промышленности «Союзуголь» и «Всеукраинский Комитет Союза горнорабочих» в десятую годовщину Советского Донбасса присваивают товарищу Кудрину Петру Михайловичу звание заслуженного шахтера Донбасса».

Тогда же мне вручили именные часы. Шахтеры на руках меня качали.

Все это понять нужно. Могли ли я или мои братья хотя бы мечтать об этом?

За время моей работы после революции я почти ежегодно на курорт ездил. Побывал в Сочи и в Ялте, и в Гурзуфе, и в Евпатории. Несколько раз в экскурсию посылали за хорошую работу. Увидел и об'ездил половину Союза.

Когда освободили Донбасс от лютого врага-немца, я снова пришел на родную шахту. Мне уже за седьмой десяток переваливает. Пенсию получаю хорошую, целый дом шахта навечно дала. А все-таки не сидится дома. И сейчас работаю. И молодежь учу.

За работу во время Великой Отечественной войны правительство наградило меня медалью «За доблестный труд». А потом — «За восстановление угольных шахт Донбасса».

Эх, если б молодость мне!.. Хочется поскорей коммунизм построить. И пожить в нем. И я уверен, что построим и еще поживем в коммунизме.

* * *

Сам я и братья мои крестиками расписывались до революции.

А теперь я стал родоначальником целой бригады интеллигенции.

— Ученье — свет, оно на хороший путь выведет, — говорил я своим сыновьям и дочерям.

Советская власть широко открыла двери для них в университеты, институты, техникумы. Она дала им все возможности получить образование и профессию, кто какую пожелал. И все они не только получили образование, но и нашли достойное применение своим знаниям и способностям. Каждый нашел себе дело по сердцу.

Вот она, моя семья.

Старший сын — Семен закончил Сталинский индустриальный институт. Возглавляет один из крупных угольных трестов в Донбассе. Василий сейчас работает начальником передового участка на соседней шахте Ростовской области. Третий — Николай закончил Харьковский планово-экономический институт, четвертый — Александр — токарь высшего разряда. Работает на

нашей шахте. Пятый — Дмитрий закончил Ворошиловградский механический техникум. Во время войны пал смертью героя, капитаном артиллерии был. Шестой — Иван закончил среднюю школу. Сейчас военный моряк-радист. Дочка Александра — техник-механик; невестки — кто инженер, кто врач, кто учитель.

Все мои сыновья — коммунисты.

Все внуки учатся в школе.

Вот она какая шахтерская династия Кудриных!

Пишут нам со старухой мои дети, делятся счастьем полноценного творческого труда, радуют сердца своими успехами. А когда собираемся все вместе — нет у нас большей радости. К будущему Дню шахтера думаю собрать всех сыновей своих с внуками и родными вместе и отпраздновать этот день, как следует советскому горняку.

Да один ли я такой? Смотрю я сейчас на своих ровесников — старых горняков и не узнаю их. Счастливая нам старость досталась! Богатая жизнь!

Вы помните, как лет одиннадцать тому назад один американский миллионер задал нашему великому летчику Чкалову вопрос:

— Богаты ли вы?

— Да, очень богат. У меня 170 миллионов! — с гордостью ответил Чкалов, имея в виду не доллары, а людей, наших чудесных советских людей — силу и гордость Отчизны.

Вот такой же гордостью за свое богатство переполнено и мое стариковское сердце. Богат я богатством своей страны, своего народа.

* * *

Есть у нас, советских людей, хорошая традиция. Рожденная в чистом источнике советского патриотизма, она облагораживает душу молодым и делает молодыми стариков. Я говорю про гордость за свой народ, за свою Родину, за родного отца — любимого Иосифа Виссарионовича Сталина.

В прошлом году пришел я на митинг в нашем шахтоуправлении.

— Послушай,— говорит парторг,— как нас почитает советская власть!

А когда узнал я о льготах, которые дают нам, о наградах, которые нам вручать будут, почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

— Товарищи мои дорогие, люди хорошие. Да есть ли на свете что-либо лучше нашей советской страны?!

Как-то приезжал к нам в Изварино наш шахтерский поэт Павел Григорьевич Беспощадный. Читал свои стихи.

Особенно понравился всем один душевный стишок. Мы его сами на песню переложили.

Вот что в ней поется:

«Мы идем золотыми пластами,
Вновь открыли мы чудо-ключи...
Наше солнце шахтерское — Сталин —
Шлет в забои победы лучи.
С нами Сталин — шахтеры богаты,
Сталевары сильны и горды.
С нами Сталин — поют эстакады —
С нами светлое солнце страны.
С нами Сталин. И с нами и в нас он, —
С ним в студеные зимы тепло.
Над украинским славным Донбассом
Наше вечное солнце взошло!»

Иногда выйдешь ночью на улицу — поет Донбасс. Весь он в цветах огней. Горят над копрами звезды победы. И подумаешь о своей стране, о своей жизни, о прошлом и сегодняшнем. Подумаешь гордо и смело, как следует победителю, строителю прекрасного будущего.

Никогда и никому не отдадим мы своего счастья!

Вечное солнце — правду сказал поэт — светит над нашим краем. Солнце нашей силы, нашей правды и веры. Ему, великому Сталину, клянемся мы больше добывать угля, чтоб расцветала наша Отчизна. Клянемся беречь и любить нашу великую Родину.

Записал П. ЕВТЕЕВ.

В. П. ВНУКОВ,
Почетный шахтер.

ПРАВИЛЬНЫЙ КУРС

Семнадцатилетний крестьянский паренек в рваном треухе и заплатанном кожухе робко переступил порог кабинета начальника шахты и попросился на работу. В тот же вечер со связками бензиновых ламп он спустился в шахту... Так началась моя горняцкая карьера. Было это в 1924 году на рутченковской шахте № 19, которую горняки иногда по старой привычке именовали «французской компанией».

Обушок и санки были единственной «техникой», доставшейся нам по наследству от французов. Лав не было. Работы велись заходками. Полуголый забойщик, лежа на боку, вырубывал метровой желонгой зарубную щель. Впряженный в лямку саночник вывозил уголь. Вагонщики перелопачивали его в вагонетки и отгоняли их на коренной штрек. Единственными механизмами на шахте были: лебедка на терриконнике, породоотборная лента и под'емная машина.

Первая врубовка появилась у нас в 1929 году. Привезли ее с Лидиевки, где в то время находилась первая и единственная в Донбассе школа врубмашинистов. Вместе с машиной прибыл из Лидиевки и первый врубмашинист — комсомолец Филипп Басин.

Был он высоким и жизнерадостным, влюбленным в свою машину шахтером и, несмотря на свою молодость, пользовался у горняков большим уважением. Даже самые старые, поседевшие в шахтерском труде кадровые рабочие внимательно прислушивались к его речам. А говорил он все больше о том, что недалек тот час, когда большевики выбросят из забоев не только обушки и санки, но даже лопаты. Все будет делать управляемая человеком машина.

Многим из нас, в том числе и мне, эти рассказы казались сказками, выдуманными Филиппом Басиным для того, чтоб развлечь шахтеров и позабавить себя. Но он говорил так убедительно, что не поверить ему было нельзя, особенно после того, как он на удивление всей шахте подрубил своей машиной за смену 50 метров забоя, выполнив работу шестнадцати зарубщиков.

И глядя, как легко отбивают навалоотбойщики подрубленный машиной уголь, как горячо благодарят они Басина за его хорошую работу, я от души позавидовал веселому врубмашинисту. Улучив удобную минуту, попросил Басина взять меня к себе учеником.

Врубмашинист внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Молодец парнишка! Правильный ты курс в жизни берешь. Держись его крепко. Настоящим человеком будешь.

С тех пор мы и начали с Басиным работать вдвоем. Словно брат родной, терпеливо учил он меня, как надо себя у машины вести, сколько заливать масла, как зарубываться в пласт, устанавливать зубки, чтоб машина работала без перекосов. А через шесть месяцев, когда Басин внезапно заболел, я заступил на его место.

* * *

Двадцать лет прошло с тех пор, как мне впервые доверили врубовку. Работая машинистом, я не переставал учиться. В 1930 году я закончил курсы электрослесарей, в 1931 году — водителей врубовок, в 1935 году — машинистов-механиков, в 1936 году — горловскую школу машинистов комбайнов.

Обучаясь, я учил других. И на рутченковской шахте № 19, и на шахте № 5—6 имени Димитрова, треста «Красноармейскуголь», куда я в 1934 году перешел, немало работает бывших моих учеников. Об одном из них — Иване Грицае — я хочу рассказать поподробней.

Было это в конце декабря позапрошлого года. Выехав как-то из шахты, направился я к начальнику участка для доклада. Не клеились у нас дела в лаве, колчедан в пласте об'явился. Зубки крошились. Надо

было срочные меры принимать. О них я и хотел потолковать с начальником. А тут ко мне подходит невысокого роста курносый паренек и, краснея, спрашивает:

— Вы машинист Внуков будете?

— Я, а тебе, малец, что от меня требуется?

Смутился хлопчик, еще больше покраснел:

— Хочу к вам помощником поступить. Школу ФЗО закончил. Диплом врубмашиниста имею, но на машину меня не берут. Говорят: «Без опыта не справишься». Слесарем посылают. А я на врубовке хочу работать, — говорит, а у самого в глазах слезы.

Жалко мне стало паренька, и решил я взять его помощником.

Грицай оказался очень любознательным учеником. Работал старательно. Только сильно скучал по семье. Да оно и понятно. Парнишка он молодой, из отцовского дома недавно только вылетел. Посоветовался я с женой, и решили мы забрать Грицая к себе в дом. Пусть в шахтерской семье поживет, к обстоятельной горняцкой жизни привыкает.

На второй месяц Грицай заработал свыше 2.000 рублей. Когда он сообщил об этом в колхоз матери и переслал ей часть денег, старушка всполошилась и без всякого предупреждения приехала к нам на шахту. Не верилось старой, что ее сын может такие большие деньги заработать. Испугалась, не в дурную ли компанию он попал, не шальные ли это деньги. Успокоили мы старушку, рассказали, что деньги эти трудовые.

Жили мы с Грицаем дружно. Только один раз промеж нас кошка пробежала. Случилось это на четвертый или пятый месяц работы Грицая. Зарабатывали мы немало, и мой помощник себе купил велосипед. В субботу, под выходной день, он решил поехать в свой колхоз. Видимо, хотел себя и машину показать, мать проведать, с товарищами погулять. Разрешение у меня спрашивает. Ну что, думаю, до колхоза всего лишь несколько километров, пусть едет. А в воскресенье вечером возвращается, чтобы в понедельник без всякой задержки в утреннюю смену заступить. Так мы и договорились.

Но слова своего Грицай не сдержал. Воскресенье уже на исходе, в саду уже кинокартина закончилась, на-

род по домам расходится, а Вани моего все нет. Не приехал он и на рассвете следующего дня.

Прихожу в нарядную, захожу в комнату нашего участка, но и здесь Грицая нет. Начальник участка наряд дает, десятники людей по точкам распределяют, а я все на двери поглядываю.

— Все ли у тебя, Павлович, в порядке? — спрашивает меня начальник.

— Все! — отвечаю я, а у самого на душе тревога, куда же он, окаянный, запропастился.

И снова гудок. Народ к стволу устремился. Каждый старается поскорее в шахту попасть, к работе приступить, а я все медлю. Еще полчаса прошло. Опустел двор. Ствол уже добычу качать начал. А Вани все нет. Дальше мешкать уже нельзя было. И пошел к начальнику участка — Игнату Григорьевичу Жукову — нового помощника просить.

Как увидел меня Жуков, даже в лице изменился.

— Почему вы до сих пор на поверхности? — сердито спрашивает он у меня. — Я полагал, что вы давно уже пласт рубите.

— Не с кем ехать в шахту, Игнат Григорьевич, помощника давайте.

— А Грицай ваш где?

Рассказал я начальнику все. Еще крепче разозлился на меня Жуков.

— Чего ж вы раньше об этом не доложили, во время наряда? Где я вам сейчас помощника найду? Сами знаете — по графику работаем, лишних людей на участке нет.

Подумал немного и приказывает:

— Вызвать помощника, работающего во второй смене...

Послали за ним, а он с женой на базар пошел. Пока нашли его да в шахтерки оделся он, еще час набежал.

Спустились мы в шахту, забираемся в лаву, а навалоотбойщики мне вслед кричат: «Пропустите свободных художников. Они уже выспались!»

Обидно было такие слова слушать, но ничего в ответ не скажешь, — заслужили. Начали мы рубить пласт. Злюсь я на Грицая неимоверно. А на душе тревога все

растет. Грицай паренек старательный, зря не прогуляет, не случилось ли с ним какое несчастье в дороге. Как вдруг гляжу, запыхавшись, ползет по лаве Грицай.

— Извините, дядя Виктор, за опоздание, — улыбаясь говорит он. — Камера спустила, всю дорогу велосипед на собственном горбу тащил.

И хоть весело мне от этих слов стало, но вида не подал. Слишком уж легко отнесся к своему проступку Грицай, и это меня обидело. Стараясь казаться как можно суровее, сердито ему сказал:

— Никакой я тебе не дядя, и здесь у нас не семейная артель, а государственная служба. Навалоотбойщикам, которые чуть было без вруба не остались, до твоего велосипеда дела нет. А прогульщики мне не нужны. Так и доложи начальнику участка...

Зарубил я лаву до верхнего кутка и на-гора выехал. Пошел сдавать аккумулятор в ламповую, а мне табельщица говорит:

— Виктор Павлович, начальник шахты приказал, чтобы вы немедленно к нему зашли.

Захожу в кабинет.

— Вы звали меня, Кирилл Никитович? — спрашиваю.

— Звал, Внуков, — отвечает начальник шахты. — Приходил твой помощник, говорит, что он тебе уже не нужен. Просил перевести на второй участок. Там машинисту помощник требуется. Вот я и хотел с тобой посоветоваться.

Подумал я и отвечаю:

— Врубмашинист всю лаву кормит, а Грицай этого не сознает. Не понимает он, какое место врубмашинист в шахтерской жизни занимает. Приказывать вам не могу, а с просьбой обратиться отважусь. Пошлите Грицая навалоотбойщиком на 14-й участок. Там машинист неважный. Пусть Грицай на собственной шкуре почувствует, каково горнякам, когда врубмашинист плох.

В тот же вечер в конторе шахты был вывешен приказ. «Помощника врубмашиниста десятого участка Ивана Грицая за двухчасовое опоздание без уважительной причины от работы у машины отстранить и направить на один месяц навалоотбойщиком на 14-й участок».

Вернувшись после работы домой, я Грицая уже не застал. Не пришел он ночевать и на следующие сутки. А потом я узнал, что он у своих земляков в десятом молодежном общежитии поселился.

Как-то встретил я Грицая на шахтном дворе — похудел, почернел, глаза запали.

— Чего ж ты не заходишь, Ваня, рассказал бы, как живешь, — по-стариковски говорю ему. А он посмотрел на меня и говорит со злостью:

— Не думал я, что вы такой вредный человек, Виктор Павлович. — Повернулся и ушел.

Посмотрел я на доску показателей, где результаты работы бригад за декаду вывешены, и сразу мне все понятно стало. И откуда злость такая у Грицая появилась, и почему обида в глазах застыла. Бригада, в которой он работал, занимала на доске последнее место.

С тех пор каждый день стал я на доску показателей поглядывать и вижу, что дела на участке, где работает мой ученик, идут все хуже и хуже.

Однажды прохожу я в нарядной мимо кабинета 14-го участка. Слышу из комнаты гул какой-то доносится, словно кто-то речь произносит. Заинтересовался. Подхожу ближе. Так и есть: сменное рабочее собрание. У стола Иван Грицай стоит и так сердито говорит, что даже у меня озноб по спине прошел.

— Наш машинист никуда не годится, потому и участок отстает. То врубовка у этого лодыря неисправна, то пласт криво зарублен. Не сознает он, какое место врубмашинист в жизни горняка занимает, а раз не сознает — надо гнать его с этой работы.

Тут взгляд Грицая на меня упал, покраснел парень, смутился, смолк.

А на следующий день мне ребята из десятого общежития рассказали, что во время второй смены, когда машина на четырнадцатом участке опять начала шалить, Грицай потребовал от начальника участка убрать из лавы незадачливого машиниста, сам сел за врубовку и за шесть часов подрубил 76 квадратных метров забоя, выполнив задание на 148 процентов.

Хороший врубмашинист из него получился.

12 апреля нынешнего года к нам на шахту прибыл первый комбайн «Донбасс», и меня вместе с Иваном Федоровичем Гулаком, как старейших врубмашинистов шахты, назначили его водителями.

Сбылась извечная мечта шахтеров. «Сказки» комсомольца Филиппа Басина претворяются в жизнь. Из четырех лав нашей шахты уже выброшены лопаты. Умные машины, управляемые человеком, сами подрубывают уголь, дробят его, наваливают на конвейер и выдают на штреки, по которым мчат свои тяжеловесные составы мощные электровозы «Ю—10».

Широко раскрыла советская власть перед горняками путь, ведущий к коммунизму. Бывший навалоотбойщик Иван Бридько стал Героем Социалистического Труда, начальником знаменитейшего в Советском Союзе участка, бывший коногон Виктор Корниенко стал управляющим трестом. Ордена и медали украшают почетные мундиры многих шахтеров на нашей шахте.

Много знатных людей выросло у нас на шахте. Кто не знает бывшего бурильщика, а сейчас врубмашиниста десятого участка Николая Люльку. Опережая время, он за 4 года выполнил семь годовых норм. В счет 1952 года добывает уголь навалоотбойщик-коммунист Степан Субботин. Он один подрубывает за смену столько угля, сколько когда-то в дореволюционное время давала за сутки вся наша шахта. Восьмую годовую норму завершил навалоотбойщик Василий Христюк. По 75 метров в месяц проходит горнопроходческая бригада тов. Зоренко, завоевавшая первое место в тресте. 180 горняков шахты уже перевыполнили свои пятилетки, 400 человек приближаются к ее завершению.

С каждым годом все богаче живут наши шахтеры. По 2—3 тысячи в месяц зарабатывают у нас на шахте рядовые горняки, по 5—6 тысяч — стахановцы. В сентябре я приобрел на свои трудовые сбережения для личного пользования легковую автомашину «Победа». Разве мог я, бывший батрак, мечтать о настоящей жизни, о той жизни, которая выпала на мою долю и на счастье всех советских людей. И все это дала нам со-

ветская власть, партия, великий наш вождь и отец товарищ Сталин.

Мы взяли твердый курс на счастливую и зажиточную жизнь. И нет такой силы, которая бы могла нас остановить или сбить с этого курса.

Записал Б. ШАРАНСКИЙ.

Е. С. ЖУКОВ,
Герой Социалистического Труда.

ШАХТЕР — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

Вспоминается: Юзовка, шахта «Центрально-Заводская». У ворот толпа народа. Все в лаптях и свитках, обросшие до глаз, с серыми измученными лицами люди. Слышен подавленный глухой говорок волжан, певучая речь украинцев, гортанные голоса казанцев и еще какого-то народа.

Неустанно моросит мелкий осенний дождь. Под ногами — хлябь. Люди жмутся друг к дружке, топчатся на месте — пытаются согреться, но все напрасно. Холод берет свое.

Проходит час, другой, пока, наконец, открывается калитка и в ней показывается маленькая с обострившимся сухим лицом фигура человека. Он каким-то горячим изучающим взглядом окидывает толпу. Но взгляд этот не согревает людей. В нем сквозит безучастие, даже презрение.

«Подрядчик», — слышится в толпе.

Подрядчик выходит из калитки, народ молча расступается, освобождая ему дорогу.

— Забойщики есть?

Молчание.

— Крепильщики?

— ? ? ?..

Подрядчик подходит к огромному парню, смело берет его за рукав, и тот покорно отходит в сторону. Взгляд подрядчика скользит по толпе. Вскоре рядом с парнем стоят еще два таких же великана. Проходит некоторое время, и «счастливчики» уходят вместе с подрядчиком на шахтный двор.

Сторож оглашает осипшим голосом:

— Расходись. Приема сегодня не будет.

В толпе некоторое время царит мертвая тишина. На лицах — обреченность, несносная тоска. Люди расходятся неохотно, группами и по одиночке. Некоторые остаются у шахтных ворот. Куда же итти? К Юзу? Там они были и не раз. Ходили и на шахту № 30. Нигде не оказалось для них работы. Всюду нужны люди с отменным здоровьем, рабы с сильными мускулами.

Я несколько дней ходил безработный, а когда однажды в день приема рабочей силы на шахте «Центрально-Заводская» сторож об'явил, что в рабочих нет нужды и все разошлись, я, совершенно отчаявшись, как вкопанный, остался стоять у ворот. Куда пойдешь, кому пожалуешься? С такими тяжелыми думами в голове я простоял более часа, как вдруг открылись ворота и в них показалась подвода. На смятой соломе кто-то лежал, с головой укрытый брезентом. Позже я узнал, что то был мой земляк из села Алексеевки, калужанин Семен Власов. Его насмерть придавило в шахте на третий день работы. Так мне еще раз довелось встретиться со своим земляком.

Закрывая ворота, сторож, увидев меня, спросил.

— Саночник?

— Саночник, — ответил я уверенно, хотя никогда не был им.

— В таком разе погоди малость. Подрядчику ты понадобишься.

И в самом деле через некоторое время из калитки вышел подрядчик. Это был все тот же человек с острым лицом и горячими пытливыми глазами. Окинув меня взглядом с ног до головы, подрядчик спросил:

— Санки таскал?

— Таскал, как же...

— Тогда пошли...

Так я впервые попал в шахту и с тех пор на всю жизнь связал свою судьбу с горняцкой профессией.

До революции мне довелось работать на многих шахтах Донбасса — саночником, коногоном, крепильщиком, забойщиком. Я менял их, эти шахты-норы, почти каждый год и не на одной из них не находил для себя сносной жизни. Иноземные, да и наши капиталисты шахтера не считали человеком. Раз так, то и судьба у него такая: трудись четырнадцать часов в сутки,

отдыхай в бараке-клоповнике, харчись щами да кашей. Так и жили.

Нас, шахтеров, иначе и не называли, как харцизяками.

Мне часто приходится беседовать с молодыми горняками в общежитиях, в шахте да и у себя на квартире. Дружба у меня с нашими наследниками неплохая. Речь, ясное дело, ведем деловую. Больше о шахте, о работе. Но молодежь частенько интересуется и прошлым горняков. Им это прошлое, разумеется, интересно знать, а мне, по совести говоря, оно в свое время опостылело хуже горькой редьки. Не вспоминать бы о нем век! Но я понимаю, старое надо знать, чтобы наша чудесная новая советская жизнь яснее ясного была, чтоб любить ее всей душой.

Зная, что мои эти мысли прочтет молодежь, я решил рассказать о прошлом горняков.

Вспоминаю такое:

Случилось это на шахте «Смолянка» в 1910 году. Работал я саночником, хотя мог бы работать и забойщиком, да не оказалось свободного места. Подрядчиком у нас был Кузьма Фетис. Ожиревший грузный мужчина да, к слову сказать, и характера был тяжелого. Обсчитывал горняков Фетис, как только умел. А уменья у него на это хватало. Бывало, поднатужится забойщик, нарубит два, а то и три вагончика угля, а получит только за полтора, а то и за один. Обидно, конечно, горняку. Станет жаловаться подрядчику: мол, ошиблись вы в подсчете, Кузьма Германович, а он так крикнет на него, что кровь стынет в жилах:

— За ворота захотел, барбос, арифметике меня учишь!

Фетис не одного горняка выгнал за ворота шахты, не одна шахтерская семья из-за него наморилась голодом. Выгнать из шахты горняка подрядчику ничего не стоило. Одного выгнал, другого взял. В то время в работниках не было нужды. Голодные деревни Казани, Курска, Украины были хорошими поставщиками даровой рабочей силы.

Жил Фетис в городе, имел свой каменный дом, раз'езжал на пролетке и все метил собственную шахтенку приобрести. Об этом мы знали. Но нам было из-

вестно и другое: за чей труд, на чьем поту и крови собирался разбогатеть наш подрядчик.

Когда, бывало, Фетис спускался в шахту, горняки уже знали, что не миновать беды. Одного оштрафует, другому в морду даст, третьего под расчет подведет. Все в его власти.

Подрядчик любил говорить:

— Бельгийцами я у вас поставлен, поэтому не вы, харцизы, а один бог надо мной судья.

Доставалось и нам, саночникам, от этого изверга. То, что он без зазрения совести обсчитывал нас, это одно дело, но Фетис имел и другую гаденькую привычку: любил, чтобы его на санках из забоя в штрек возили. Человек он, как я уже сказал, был тучный и роста огромного. По тесным забоям ползать не привык, а проверять свой участок любил. Ползет, бывало, в забой, а с него пот в семь ручьев льется. Отдышаться не может. Ну уж когда отдохнет — никому в забое дышать не даст. Уж он найдет к чему придраться. То ему кажется, что породы много в угле, то, видите ли, понапрасну лес расходуют. А леса всегда в шахте нехватало.

— К чему здесь стойку поставили? — начнет, бывало, кричать подрядчик. — Не нужна она здесь. Кровля и без нее выдержит.

— Не выдержит, Кузьма Германович, — станет об'яснять забойщик, — слышите, как потрескивает, выходит, нажимает, как бы обвалу не случиться.

— Пусть потрескивает, а ты работай да лес бережи, он деньги стоит. Грабите вы меня, харцизяки окаянные!

Кто кого грабил — для нас это дело было ясное. Но откуда такая злоба бралась у этого человека к нашему русскому горняку, даже трудно сказать. Фетис называл себя германцем. Кузьма Германович, значит — германец. Такого понятия был этот подрядчик.

В самом деле ничего от германца у Фетиса не было. Это был зажиточный тамбовский мужик. Но я не об этом хотел сказать.

В забой подрядчик, бывало, кое-как вползет, а обратно выбираться отказывается. Подзовет, бывало, саночника к себе и прикажет:

— Подавай-ка свою «карету», не в силах я на карачках ползать.

Подтянет шахтер свои санки к подрядчику, тот влезет в них (а ящики были просторные, сколочены крепко) и крикнет, точно на лошадь: «Пошел»! И тянет из забоя саночник своего ненавистного хозяина до самого штрека.

Возил и я Фетиса. Везу, бывало, потом обливаюсь, и сердце от лютой злобы заходит. «Мучитель ты наш, — думаю про себя, — какую бы месть для тебя придумать»...

И придумал. Подвез как-то свои сани с подрядчиком к кровле, которая свисала пониже обычной, так, что верхние борты ящика приходились к ней вплотную. Подвез, выпрягся и был таков. Фетис понял, что дело плохо. Стал бушевать в ящике, крик поднял, но никто к нему не подходит. Шахтеры поняли мою каверзную затею и только посмеивались в бороды: «Пусть, мол, наш хозяин отдохнет, а то, небось, умаялся, бедняжка». Так трое суток Фетис и отдыхал в санках, а мне довелось на другую шахту уйти.

Не для смеха я рассказал вам этот случай. В нем горькая правда нашей дореволюционной горняцкой жизни, правда о лютых эксплоататорах.

Только Великий Октябрь принес нам, шахтерам, настоящую человеческую жизнь.

Мне уже на восьмой десяток перевалило, но я всегда говорю моим молодым друзьям:

— Не дед я вам, а старший брат. Век мой с семнадцатого года считать следует. С этой поры я начал свою новую жизнь, познал пользу своего труда для народа, увидел в нем большую радость.

Более двадцати пяти лет я работаю крепильщиком и люблю свою профессию от всей души. Открывать новые пласты, бороться с упорством породы, побеждать ее — это очень почетное дело для горняка и очень полезное для нашей советской Родины.

За свой век я прошел и закрепил сотни метров шахтных стволов, тысячи метров штреков и квершлагов. За годы советской власти воспитал более пятисот молодых шахтеров. Теперь они работают на разных шахтах. Не-

которые стали горными мастерами, начальниками участков, а иные даже начальниками шахт.

Бывшие мои воспитанники часто говорят мне:

— Легкая у вас рука, Ермолай Семенович, поучились у вас, в люди вышли.

А я слушаю и думаю: «Не в моей тут руке дело. Вся сущность в нашем советском строе. Именно советская власть открыла все дороги для нашей молодежи. Какую выбрал, по той и шагай. Только не забывай, дорожи Родиной, трудись, люби свое дело, совершенствуй его. А легкая рука моя не при чем тут...»

До революции для горняка на всех дорогах были закрыты шлагбаумы. Куда ни ткнешься — тупик.

В дореволюционное время и в помине не было такого, чтобы какой-нибудь мастер поделился опытом со своим учеником, раскрыл бы ему секреты в работе. Теперь все это нам кажется диким. Но это было. При советской власти мы, старые опытные горняки, даже с радостью передаем свое мастерство молодому поколению. Именно в нем, в этом поколении, мы видим нашу большую силу.

Вспоминается, как прошлым летом к нам на шахту прибыла группа молодежи из Закарпатской Украины. Прикрепили и ко мне несколько человек. Они за мной, точно малые дети за отцом ходили. И в шахте, и дома всегда мы вместе. Учил я их горняцкому делу с любовью. Шахта для нового человека всегда немного страшноватой кажется. Мне это хорошо известно. Но страх этот скоро отлетел от моих воспитанников. Они даже удивлялись, как я мог их так скоро приучить к необычной обстановке.

Наша шахта № 1—2 «Смолянка» во время войны была затоплена, надшахтные здания разрушены. Одним словом, шахта была мертвой. Дружный коллектив горняков поднял ее, поставил на ноги, и сейчас шахта № 1—2 «Смолянка» одна из передовых в тресте.

Правительство, лично товарищ Сталин шлют нам все новые и новые механизмы. На эту заботу мы, старые горняки, отвечаем героическим трудом. С нами в ногу идет наша замечательная молодежь — славное шахтерское племя.

Когда летом 1949 года я вместе с другими горняками был на приеме у министра угольной промышленности СССР, он подошел ко мне и спросил участливо, не тяжело ли мне работать в шахте, ведь семьдесят лет—это не шутейное дело... И я ответил министру так: «Нет, не тяжело мне, у меня много сил и уменья, я до конца все это отдам своей Родине, своему любимому народу. Трудиться в нашей стране даже старикам легко».

И я буду трудиться до конца дней своих.

За самоотверженный честный труд в нашей стране горняков награждают орденами и медалями, присваивают им высокое звание почетного шахтера. Правительство отметило и мой долголетний честный труд. Я удостоен звания Героя Социалистического Труда, двух орденов Ленина и многих трудовых медалей.

21 декабря наш народ и все народы мира празднуют самый светлый свой праздник — день рождения товарища Сталина. С именем Сталина связана вся моя большая трудовая жизнь, жизнь всего нашего народа. Сталин — отец наш родной, наше солнце. Именно он подарил нам, горнякам, радостную, светлую жизнь, открыл нашему народу дорогу в коммунизм. Трудиться под руководством нашего великого вождя, укреплять могущество нашей Родины — большая радость.

В заключение мне хочется сказать нашей молодежи: труд шахтера — героический, почетный труд. Посвятить ему свою жизнь — большое счастье для человека. Учитесь у своего старшего поколения, самоотверженно и честно трудитесь, и советский народ всегда вами будет дорожить и славить вас.

Помните: советский шахтер — это звучит гордо!

Записал П. ЧЕБАЛИН.

В. И. ПРОКОПОВ,
Герой Социалистического Труда.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Триумфальным маршем распространилась советская власть по России. Последний немецкий солдат вышвырнут с Украины. Империалисты 14 государств, как и следовало ожидать, получили по зубам от молодой советской республики. Стремительным натиском советских войск их разбойничьи банды были опрокинуты в Белое и Черное моря. Свободно, полной грудью, вздохнули советские люди. Они начали строить новую жизнь без царя, помещиков и капиталистов.

Отгремели бои гражданской войны. Я приехал в Донбасс. Приехал вместе со многими односельчанами. Ехали просто подработать деньжонок для поправки своего крестьянского хозяйства, но вышло совсем по-иному. Уже когда мы были на шахте, до нас дошли бессмертные слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им на XI с'езде большевистской партии. Владимир Ильич говорил про Донбасс, что «это — центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс».

Эти ленинские слова зажгли нас, молодых рабочих. Мы стали восстановителями Донбасса, разрушенного гражданской войной и немецкой интервенцией. Партия и правительство восстановлению и развитию Донбасса придавали исключительное значение. Они делали всё, чтобы облегчить труд шахтера. Перво-наперво были выброшены из шахты санки. Когда я пришел на шахту,

саночников уже не было, но кое-где на санках еще доставляли в горные выработки крепежный лес.

Когда мы приехали на Чайкино, что близ Макеевки, и сказали откуда, нам заявили:

— Курские — это хорошо. Вот только топоры напрасно бросили дома. Совсем напрасно.

— А что у вас нет? — спросил я.

— Найдем, раз так вышло, но пока туговато с ними.

— А может, и без топоров обойдемся? — опять робко спросил я.

— Как же без топоров?

— Хочу забойщиком, — уже смелее выпалил я.

— Нет, у нас все курские работают плотниками или по креплению, все с топорами в шахте.

Первые месяцы пришлось и мне взять в руки топор. Работал по вентиляционной части, где что подчинить, поправить или сделать там двери, или что другое. Но не увлекало меня это дело, хотя и знал я, что мы даем воздух в шахту — значит жизнь всем шахтерам.

В свободные минуты забегал в забои и, как очарованный, смотрел на забойщиков, рубающих уголь. Уж очень мне понравилось это дело. Чаще всего я наблюдал работу Ивана Дремова. Был такой веселый и отчаянный шахтер, из черноморских моряков. Он, как позже выяснилось, тоже был курским, только при поступлении на шахту скрыл это, чтобы избежать плотницкого дела, и сразу стал забойщиком. Он-то и был моим первым учителем в забое.

В первый день Дремов дал мне обушок, поддиры и сказал:

— На, орудуй.

Я старался изо всех сил. Но видел, что дело идет плохо. В первую упряжку набил сильно руки, спина ныла, — домой шел разбитый, а не выполнил и полнормы. На другой день Иван Дремов, не приступая к своей работе, сразу же зашел в мой забой.

— Думаешь взять силой? Не выйдет. Смотри, как надо брать пласт.

И он, уже известный человек в Донбассе, рассказал мне о струях в угольных пластах, о том, как надо перерезать эти струи. Впервые я слышал такие слова и с удивлением находил эти струи, а найдя их, радовался

тому, что уголь становится хрупким и мягким. Через несколько дней Дремов спросил у меня:

— Ну, как, Вася, руки зажили?

— Какие руки? — спросил я.

— А те, что после первой упряжки кровяные мозоли набили.

— А! — догадался я, на что намекает мой учитель. И мы оба рассмеялись.

— Тогда я хотел угнаться за вами, да ничего не вышло.

— А теперь думаешь выйдет?

— Определенно выйдет! — уверенно ответил я.

— Ну что ж, попробуем, Вася!

И я попробовал. Это соревнование окончилось в мою пользу. Через несколько месяцев я получил книжку ударника и грамоту.

Свыше семи лет я был забойщиком и ни разу не раскаивался, что избрал эту профессию. По душе пришлась она мне.

В 1930 году я перешел на новую шахту имени Орджоникидзе. Здесь меня назначили бригадиром забойщицкой бригады. А еще позже получили мы отбойные молотки, и наша бригада в короткое время увеличила добычу с 75 тонн до 300 тонн в смену. Для этого нам пришлось ввести в лаве новую систему работы, как говорится, перейти на новый технологический режим. Но прежде чем это случилось, мы выдержали крепкий бой с нашими практиками и даже некоторыми инженерами-предельщиками. Спасибо, нас в этом принципиальном споре крепко поддержал главный инженер треста тов. Самойлов. Сейчас он Герой Социалистического Труда и работает управляющим трестом «Макеевуголь». Дружно мы работали и знатно жили до войны, всего было вдоволь. Дом каждого шахтера был полной чашей.

* * *

Немецкие фашисты до основания разрушили нашу шахту. Только одна кирпичная труба и осталась нетронутой. После поспешного бегства гитлеровцев, на поверхности от прекрасного комбината остались одни развалины, а внутри шахты—сплошные завалы. Шахту надо

было быстро восстанавливать, а людей не было. Кадровые шахтеры еще не возвращались, одни были на фронте, другие — на Урале и в Сибири, помогали фронту. Одним из первых из далеких Осинников в Кузнецком бассейне возвратился на родную шахту я.

Из коммунистов, кроме меня, на шахте был еще начальник шахты тов. Царахов. Надо было поднимать народ. Хотя многие приходили сами, но требовалось какое-то организующее звено. По поручению партийной организации я возглавил оргбюро профсоюза, а затем был избран председателем шахткома. Старики, девушки, подростки — все пришли на шахту, чтобы поднять ее из пепла и руин. Вначале я удивлялся этому общему стремлению помочь шахте. Но когда мне рассказали о злодействах немцев, я понял причины такого горячего патриотизма.

Создали бригады. Но опытных, знающих людей не было.

— Пошлите бригадиром, — попросился я в парткоме.

— Ты же забойщик, товарищ Прокопов. А такая специальность пока не требуется. В штреках еще сплошные завалы, до пластов далеко.

— Вот я и прошусь на завалы.

...И так я стал на разборку завалов. Моя первая проходческая бригада состояла из женщин. Но жалоб на них не было. Эти сестры и дочери фронтовиков трудились на славу, по-фронтовому. Бригада проходила по 50—55 метров штрека в месяц, и зарабатывали женщины по 4—5 тысяч каждая.

Проработав 20 лет в шахте, я никогда не крепил, а тут пришлось крепить после разборки сплошных завалов, при обрушенной кровле. Первое время я и сам был не уверен в своей работе. Правильно ли ставлю пары. На третий день работы в штреке побывали парторг и начальник шахты. Посмотрели на мою работу и не поверили, что я никогда не ставил крепежных стоек.

— Да он природный крепильщик! — сказал начальник.

И тут я вновь вспомнил свой приход на шахту и слова, сказанные тогда, уже не помню кем: «Все курские работают по креплению».

Проходческое дело стало второй моей шахтерской профессией. Полтора года я возглавлял женскую бригаду. С ней прошел не один штрек. Когда вспомнишь, не верится, на какой героический труд способна русская женщина. Когда на шахту пришли ребята из первого выпуска школы ФЗО, я решил организовать бригады из них. Опыт работы с подростками у меня уже был. В Осинниках, во время эвакуации, будучи мастером школы ФЗО, я подготовил сотни забойщиков, в том числе группу горных десятников. Мне не раз приходилось наблюдать неопытность молодых рабочих и их непреклонную волю к достижению победы. Помню, как-то я задержался в лаве. Думалось, что ухожу последним. Вдруг вижу, молодой крепильщик ставит пары и никак не может справиться. Подхожу ближе, слышу он вздыхает.

— Эх, опять косо, переделать надо.

— Зачем же переделывать? —вмешался я. — Кто вас учит?

— Нет у нас учителей. Спрашивать много, а показать некому. Да и работы постоянной не дают: сегодня крепишь, завтра подметаешь двор...

Я одним ударом выбил верхняк, подтесал его и поставил на место. Пара получилась — лучше не надо.

— Здорово у вас вышло, — сказал юноша.

— Давно на шахте? — спросил я в свою очередь.

— Второй месяц.

— Хочешь в мою бригаду?

— С удовольствием.

— Тогда вечером созови своих друзей, я приду в общежитие.

Вечером, когда я зашел в общежитие, ребята уже были в сборе. Ваня Голояд, уже знакомый мне по забою крепильщик, пригласил сюда всех своих друзей. Это были Вася Литвин, Борис Заграничный, Марк Дьячук, Миша Пидтынок, Петя Побегай, Блындарюк и другие...

Свою бригаду мы решили именовать молодежно-комсомольской. В комитете комсомола и в партбюро нас поддержали. Но когда мы вышли на наряд, многие смеялись моей затее. «Ну и работничков собрал себе Прокопов! Один лучше другого. Им не то, что

штрек — уборку двора доверить нельзя». Когда я потребовал настоящую работу, Сенчуров отмахнулся:

— Что ты, Василий Иванович, да у тебя не проходчики, а голубятники, одним словом, свистуны, топор в руках держать не умеют. Им бы только голубей по крышам гонять.

— Учить буду, — ответил я.

— Учи на поверхности.

— На поверхности их уже учили, а вот в шахте никто настоящего дела не показал. В общем у меня приказ на вентиляционный штрек.

— На вентиляционный, — испуганно протянул Сенчуров. — Да там сплошные завалы, оттуда бегут кадровые шахтеры.

— Но мы не побежим. За штрек можешь быть спокойным, до срока управимся.

Когда пришли к месту работы, я рассказал комсомольцам содержание этого разговора, сказал им, что сейчас на шахте нет важней участка работ, чем восстановление доверенного нам штрека. Без вентиляционного штрека не может существовать шахта.

— Мы понимаем. К тому же мы не из пугливых, — за всех ответил Вася Литвин.

— А если кто плохо будет стараться, домой, на Киевщину, напишем, чтобы там знали, как мы наказ выполняем и фронту помогаем, — добавил Голояд.

Первый день прошел неплохо. Но еще не чувствовалось коллективной работы, необходимой спайки, взаимной выручки.

Поэтому я провел беседу о коллективном труде. О том, что должна представлять из себя наша бригада.

— Бригада, — сказал я, — если она дружная, горы своротит.

— Ну, а штрек и подавно восстановим, — заявили ребята.

...Второй месяц бригада шла сплошными завалами на главном направлении шахты. Трудности сплотили бригаду, укрепилась трудовая дисциплина. Смену сдавали на ходу из рук в руки. В два — три раза повысились заработки у ребят... Но вот я привел в бригаду но-

вичков. А случилось это так. На наряде подошел ко мне парень и, чуть не плача, попросил:

— Товарищ Прокопов, возьмите в бригаду, иначе уйду с шахты.

— Почему так? — спрашиваю его.

— Говорят работать не умею, а никто не научит.

Я узнал, что парень работал у Сенчурова в отделе капитального строительства, был на разных работах, зарабатывал очень мало, морально никто его не поддерживал. Когда я попросил перевести его в мою бригаду, Сенчуров обрадовался:

— Ермоленко просишь? — Забирай сегодня же, это из неисправимых. Ему 10 учителей дай — ничего не поймет.

— Ладно, посмотрим, — сказал я, и забрал его в свою бригаду. Я думал, что ребята его примут с радостью, но ошибся.

— Нам никого не надо, — заявил Вася Литвин, — сами управимся.

Но за новичка вступился комсорг участка Ваня Голояд. Новичок был принят, хотя с неохотой, его включили в свою семью. Но вот в один из дней Петя Побегай раньше других появился у ствола.

— Почему один? — спросил я.

— Выполнил норму — и шабаш, пусть теперь Ермоленко свою добивает, я не простак, чтобы за других работать.

Вечером я собрал бригаду, чтобы обсудить этот случай. Я напомнил ребятам, какими они пришли в бригаду и какими стали.

— Пусть уходит Побегай из бригады, — заявил Голояд, — нам таких не надо. — Его поддерживали и другие. Я заступился за виновного. Потом много раз убеждался, как Побегай на деле искупал свою вину перед бригадой.

О нашей бригаде заговорили на шахте. Комсомольцы стали мастерами на все руки. Портреты их вывесили на доску почета рядом с фотографиями почетных шахтеров. Штрек был пройден раньше времени. В обучении ребят большую помощь оказал мне мой старый друг Иван Егорович Уваров. Он старше меня на два года.

Ему скоро шестьдесят. Но у него, как и у многих из нас, беспокойная натура — не может жить без шахты. В День шахтера его наградило наше правительство орденом Ленина. Это заслуженный шахтер, каких много у нас на шахте. Он не только незаменимый мой помощник и заместитель по бригаде, но и лучший друг молодых проходчиков.

Молодой проходчик Ермоленко особенно дружен со старым мастером, он даже породнился с ним; женат на младшей дочери старого шахтера. И это тот Ермоленко, что собирался навсегда уехать из Донбасса. Теперь он обзавелся хозяйством и никуда с шахты, которая стала ему второй родиной, ехать не хочет. Хотя ему предлагали подходящие места.

Вася Литвин был шустрым боевым мальчиком. Он, как и все члены моей бригады, зарабатывал по 2—3—4 тысячи рублей в месяц. Дома у него осталась мать с младшими братьями. Поэтому он сразу стал высылать им крупные суммы денег. Забеспокоилось материнское сердце — не в плохую ли компанию попал Вася. Обеспокоенная мать приехала на шахту, чтобы здесь рассеять свои тревожные мысли. Она побывала в общежитии, в столовой, зашла в камеру хранения, где висели выходные добротные костюмы, сапоги и баяны молодых рабочих. И не со словами тревоги, а с глубокой благодарностью пришла к руководителям шахты. Не думала она, что ее старший сын познает такое счастье в труде, что он за короткое время работы в шахте станет кормить всю большую семью.

Вася Литвин, как и многие его друзья, работая в шахте, на «отлично» окончил вечернюю школу и сейчас учится в техникуме.

Теперь в моей бригаде 15 проходчиков, 6—из последнего выпуска школы ФЗО. Только мне и Ивану Егоровичу Уварову давно перевалило за 50, а ребятам по 18—20 лет. С ними мы прошли до 8 тысяч погонных метров горных выработок, освободили от завалов и сдали в эксплоатацию несколько пластов высококачественного коксующегося угля. За многолетний труд мне и Уварову правительство дало орден Ленина. Кроме этого, в первый День шахтера мне присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением золотой

медали и второго ордена Ленина. Вот на каком счету наш шахтерский труд. Это товарищ Сталин позаботился о нас, шахтерах, подземных тружениках.

Лет 20 назад я и не думал, что можно так полюбить шахту. А сейчас от нее никуда, как и все, кто стал шахтерами. Ни на пенсию, ни на отдых итти неохота. Да и как я брошу свою бригаду, которая стала второй моей семьей.

Советская власть, большевистская партия помогли мне воспитать детей, так как хотелось. Сын Василий, бывший проходчик, учится в институте, в другом институте учится дочь Даша, Евгений работает токарем на шахте и ходит в последний класс вечерней средней школы. Александра — старший статистик, а Мария — нормировщик на нашей же шахте. Андрей, добровольно ушедший на фронт, погиб в танке при защите родной Украины.

На нашей шахте имеется своя шахтерская гвардия. В ее числе 27 почетных шахтеров, 146 орденоносцев, в том числе орденом Ленина награждено 12 шахтеров и орденом Трудового Красного Знамени — 30 человек.

А как неузнаваемо изменилось лицо нашего шахтерского поселка. Там, где раньше была ковыльная степь да росла горькая полынь, — вырос настоящий социалистический городок со своим великолепным клубом, двумя школами, больницей, поликлиникой, детским санаторием, амбулаторией с рентгенкабинетом, аптекой, 4 магазинами. У нас свой зимний кинотеатр и, кроме зимнего, летний кинотеатр, где почти каждый день показывают звуковые фильмы; поселковый сад, стадион и многое-многое другое.

Дети до самого поступления в институт учатся в поселковых школах, которых у нас две. Если случится так, что кто заболел — не надо везти в город, — помощь оказывается на месте. Если желание отдохнуть — выбор огромный. Все к услугам шахтера. Это наша родная партия, товарищ Сталин создали нам такую счастливую, обеспеченную жизнь. Большое шахтерское спасибо товарищу Сталину от всей армии горняков.

* * *

Как коммунист, по поручению партийной организации я регулярно провожу беседы с молодыми шахтерами. Беседуем мы по самым различным вопросам: о том, что нам, шахтерам, с каждым днем жить становится лучше, веселее; о новостях в нашей стране и особенно близкой нам угольной промышленности; о социалистических преобразованиях в странах народной демократии. Когда я раз'ясняю молодым шахтерам постановления нашей партии и правительства, я обязательно увязываю эти беседы с жизнью своей шахты, нашего родного поселка. Развитие нашей страны очень хорошо можно проиллюстрировать на примере нашего шахтерского поселка. Он вырос и украсился за годы советской власти. Его история, как и всего Донбасса, тесно связана с именем дорогого нашего учителя и отца товарища Сталина.

Недавно мы, шахтеры Донбасса, вместе со всеми горняками Советского Союза послали письмо товарищу Сталину. Хорошее это письмо. Сердечные и душевные слова сказали шахтеры своему отцу, великому учителю. Никто не сделал для Донбасса, для нас, шахтеров, столько полезного, хорошего, сколько сделал и делает товарищ Сталин.

Каждый горняк теперь знает, что по инициативе товарища Сталина были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР, возвеличившие труд шахтера. При участии Иосифа Виссарионовича были приняты Указы и постановления правительства об установлении ежегодного праздника «День шахтера», о награждении орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу в угольной промышленности, об утверждении медали «За восстановление угольных шахт Донбасса», об установлении звания «Почетный шахтер», о преимуществах и льготах для работников угольной промышленности.

Сейчас, когда мы стали на стахановскую вахту в честь 70-летия со дня рождения товарища Сталина, мы на нарядах, а иногда и глубоко в шахте попросту, по-рабочему, беседуем о своем вожде, который сделал наш

труд легким, а жизнь обеспеченной и радостной. Эти беседы часто возникают еще и потому, что все члены моей бригады — молодые шахтеры впервые в созданном на шахте кружке изучают биографию товарища Сталина. Много в связи с этим у них возникает вопросов.

Вот только вчера Петя Побегай спросил у меня:

— А товарищ Сталин был в Донбассе?

— А как же, был, — ответил я. — Недавно мне довелось побывать в Волновахе, и там я прочитал на сооруженном памятнике такие незабываемые слова: «Здесь был с 14 по 19 июля 1920 г. организатор разгрома белогвардейских врангелевских банд великий Сталин».

Много имеется исторических мест на Украине и в Донбассе, связанных с дорогим нам именем товарища Сталина. В Жданове и Волновахе есть мемориальные доски, на которых увековечено имя товарища Сталина. Наша область, как и её центр — столица Донбасса, носят имя товарища Сталина. Многие шахты и заводы также носят имя вождя.

Оборона Донбасса от белогвардейцев и немцев, а также развитие и расцвет нашей Всесоюзной кочегарки неразрывно связаны с именем Иосифа Виссарионовича.

Недавно я прочитал книжку Климента Ефремовича Ворошилова — «Сталин и Красная Армия». Любопытные документы и примеры приводит товарищ Ворошилов. Осенью 1919 года Владимир Ильич послал товарища Сталина на Южный фронт, составлявший тогда главную опасность для нашей страны. В письме Ленину товарищ Сталин сообщает новый разработанный им план разгрома Деникина: «...необходимо теперь же, не теряя времени, — писал товарищ Сталин, — изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение, во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, ...мы получаем уголь..»

Это место из книги я зачитал полностью. Вычитал

я о товарище Сталине и другое. Оказывается, это он по поручению нашей партии руководил восстановлением Донбасса после гражданской войны. Когда были созданы Всеукраинский ревком и Украинская трудовая армия, товарищ Сталин возглавил её. По приказу товарища Сталина ряд военных полков был брошен на восстановление Донбасса. Тогда товарищ Сталин писал красноармейцам: «Вы умели драться с врагами рабоче-крестьянской России честно и самоотверженно, — докажите, что вы способны трудиться также честно и самоотверженно для подвозки угля к станциям, погрузки его в вагоны и сопровождения угольных грузов до места его назначения.

Помните, что уголь так же важен для России, как и победа над Деникиным».

— Видите, — говорю я молодым проходчикам, — что значит уголь. И тут же напомнил им слова великого Ленина, что уголь — это хлеб промышленности. Значит уголь, как и хлеб, — это жизнь нашей страны.

— Вам, молодым, надо знать, что товарищ Сталин не только защищал и оборонял наш Донбасс от врагов нашей Родины, но и принимал самое активное участие в его перевооружении новейшей техникой, чтобы труд шахтера стал легче. В 1930 году, помню я, товарищ Сталин прислал в Донбасс правительственную комиссию во главе с товарищем Молотовым. Очень много хорошего для шахтеров сделала эта комиссия. Из обушкового Донбасс был превращен в механизированный бассейн. На смену санкам пришли транспортеры и электровозы, обушок заменила врубовка; вначале по одиночке, а затем и сотнями стали поступать пневматические отбойные молотки.

А теперь послушайте, как хорошо, тепло говорил о шахтерах товарищ Сталин на одном из Пленумов ЦК ВКП(б) в 1937 году, когда было принято историческое постановление о развитии Донбасса. Вот сталинские слова. Вслушайтесь в них внимательно:

«Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе... Трижды получали из Наркомата все разные проекты. И все же их нельзя было

признать удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди», сумели подсказать нам правильное решение».

А стахановское движение. Вы думаете не связано с именем товарища Сталина. Очень даже связано. Вспомните, как говорил товарищ Сталин о стахановцах.

Он говорил, что стахановцы — это люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на известность.

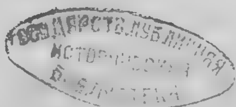
Книжка товарища Сталина, где напечатана речь, произнесенная им на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, имеется у каждого шахтера. Есть она и у меня. Очень хорошая эта речь. Вам, молодым горнякам, обязательно прочитать ее надо.

Про нас, шахтеров, и про наш родной Донбасс, где вы теперь стали настоящими горняками и вместе с нами, стариками, добываете хлеб нашей стране, много хорошего сказал товарищ Сталин. Видно, он очень и очень любит наш Донбасс, по душе ему наше шахтерское дело.

Товарищу Сталину сейчас семьдесят лет. Все шлют ему свои подарки. И мы должны порадовать его хорошей работой. А еще мне, старому шахтеру, хочется, очень хочется пожать руку товарищу Сталину, поблагодарить его за все, что он сделал для нас и не только для шахтеров, а для всего трудового человечества, и от всей души сказать ему: «Ваша жизнь — великий пример всем нам, как надо служить своему народу, своей горячо любимой Родине. Желаю Вам долгих, долгих лет жизни, здоровья и плодотворного труда на радость и счастье всего народа».

Сталин — наше солнце. Он осветил нам дорогу, которая когда-то была темной, он указал нам путь к счастью. Трудиться под руководством нашего вождя — большая радость.

Записал С. ИВАНЕНКО.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Ф. Байдаченко.

Художник Р. Ефименко.

БП 19314. Заказ № 5729. Подписано к печати 15.XII—49 г.
Формат бумаги 84x108, об'ем 8,5 печ. листа. Учетн.-изд. 7,5 листа.
Тираж 10.000. Цена 4 руб. 50 коп.

Сталинская областная типография Областного управления
по делам полиграфии и издательств, г. Сталино, ул. Складская, 2.

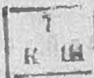
К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит читателей дать отзывы о содержании книги, ее оформлении, указав свой адрес и профессию.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Материалы направлять по адресу: гор. Сталино, ул. Артема, № 113.

Сталинское областное книжно-газетное издательство.

Цена 4 руб. 50 коп.